

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИЦИЯ

ВЕНТВОРТ

КОГДА ЧАСЫ ПРОБЬЮТ
ДВЕНАДЦАТЬ

Annotation

В новогоднюю ночь жестоко убит промышленный магнат Джеймс Парадайн. Главным подозреваемым становится Марк, племянник и основной наследник жертвы. Однако мисс Сильвер убеждена: и мотив, и возможность совершить преступление имелись практически у каждого члена клана Парадайн, представителей которого связывают весьма непростые отношения...

- [Патриция Вентворт](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Патриция Вентворт

Когда часы пробьют двенадцать

Глава 1

Мистер Джеймс Парадайн подался вперед и взял телефонную трубку. В Берлтоне еще не было автоматической телефонной связи. Он подождал, когда ответит станция, и попросил соединить с мистером Элиотом Рэем, отель «Виктория». Мистер Парадайн сидел в той же позе, ожидая связи, за красивым массивным столом красного дерева, с крышкой, обитой темно-красной кожей. Вся мебель в комнате была массивной и красивой: шифоньеры, шкафы с выдвигаемыми ящиками, книжные полки, стулья и кресла из того же гарнитура, что и письменный стол, — отличная кожа, отличное дерево, отличная работа. На полу лежал очень мягкий ковер малинового цвета. Тяжелые шторы такого же теплого оттенка были задернуты. Над черной мраморной каминной полкой висел большой портрет покойной миссис Парадайн — красивой дородной дамы в рубиновом бархатном платье и с огромным количеством бриллиантов. Но, несмотря на это, она все-таки производила впечатление добродушной и домовитой особы. В комнате не было ничего нового — но и ничего потерянного. Все, казалось, носило отпечаток энергичной и величественной натуры самого Джеймса Парадайна. Тяжелые позолоченные часы под портретом мелодично прозвонили четыре раза, потом отбили семь часов. Когда затих последний удар, в трубке послышался треск и женский голос:

— Говорите.

Вслед за тем отозвался Элиот Рэй:

— Алло?

Джеймс Парадайн сказал:

— Это вы, Рэй? Говорит Джеймс Парадайн. Я хочу вас видеть. У себя. Немедленно.

— Но, сэр...

— Никаких «но». Я хочу, чтобы вы немедленно приехали. Кое-что случилось.

У Элиота Рэя сжалось сердце. Он помедлил, прежде чем спросить:

— Что именно?

— Расскажу, когда приедете.

Снова пауза. Элиот сдержанно осведомился:

— Какие-то неприятности?

Как бы Элиот ни старался владеть собой, что-то в его голосе заставило Джеймса Парадайна мрачно улыбнуться. Он ответил:

— В общем, да. Но это имеет отношение к бизнесу, ничего личного. Приезжайте скорее.

— Я ужинаю с Моффетами, сэр.

— Придется отменить ужин. Я позвоню им и скажу, что вы нужны мне.

Элиот Рэй постоял, нахмурившись, с трубкой у уха. Джеймс Парадайн был партнером Роберта Моффета и главой «Парадайн — Моффет уоркс». Он не стал бы заставлять Рэя отказываться от ужина, тем более под Новый год, если бы не стряслось нечто чрезвычайное.

— Хорошо, сэр, сейчас приеду.

— Договорились. — И Джеймс Парадайн повесил трубку.

Ривер-Хаус находился в трех милях от Берлтона и в четырех — от отеля. Учитывая затемнение, Элиот мог добраться до Парадайна минут за двадцать.

Парадайн подошел к двери и выключил две ослепительно ярких лампы, а потом пересек темную комнату и встал в просвете между тяжелыми шторами. Шторы как будто продолжали стену, но за ними скрывался глубокий эркер с окнами справа и слева и стеклянной дверью посередине. Мистер Парадайн повернул ключ, открыл дверь и остановился на пороге, глядя перед собой. Две небольшие ступеньки вели на просторную террасу. Обнесенный парапетом край чернел на фоне залитого лунным светом пейзажа. Дом стоял на возвышении над рекой, поэтому и получил такое название ^[1]. Джеймс Парадайн окинул взглядом прекрасный вид — серебристые, поросшие лесом холмы справа, речную долину, лежавший слева Берлтон. Почти полная луна на безоблачном небе освещала окрестности. При столь ярком свете Рэй мог добраться и быстрее, чем за двадцать минут, как прикинул Парадайн сначала. Край террасы виднелся совсем ясно, как днем, а за ним начинался крутой, почти отвесный обрыв — до кромки воды.

Парадайн стоял, наслаждаясь красотой природы, и в то же время был не в силах отвлечься от занимавших его мыслей — он буквально смаковал их, упивался ими. Спустя некоторое время он повернул часы на запястье и с легкостью различил циферблат — четверть восьмого. Снова раздвинув шторы, он пересек комнату и включил свет.

Ровно через три минуты вошел Элиот Рэй с напряженным лицом, растрепанными светлыми волосами и ледяным взглядом. Приехать он приехал, но не собирался оставаться здесь дольше необходимого. Лишь добравшись до Ривер-Хауса, он понял, насколько сильно не хочет входить в этот дом. Какая разница между Нью-Йорком и Лондоном, Берлтоном и

Тимбукту, если везде одно и то же? Для Элиота Филида была все равно что мертва. Пока Рэй не приехал в Ривер-Хаус, он и не догадывался, что ее образ неотступно будет следовать за ним. И сейчас, когда он поднимался по лестнице, рядом словно была она и нашептывала ему что-то на ухо.

Рэй закрыл дверь и подошел к столу. Нервы у него едва ли не звенели от возмущения.

— В чем дело, сэр?

Джеймс Парадайн взглянул на Элиота. Он сидел, откинувшись на спинку вращающегося кресла и положив руки на подлокотники.

— Лучше сядьте, — велел он и тут же добавил: — Чертежи исчезли.

Элиот ухватился обеими руками за край стола, подался вперед и переспросил:

— Что?!

Джеймс Парадайн слегка кивнул.

— Исчезли, — повторил он. — Лучше сядьте, ей-богу.

Элиот не обратил внимания на слова патрона.

— Как они могли исчезнуть? — Он выпрямился и отступил на шаг. — Я же оставил их у вас сегодня днем.

— Вот именно. Вы привезли их от Кэдогана вчера, мы с Бобом Моффетом и Фрэнком все обсудили, после второго совещания вы оставили их здесь — сегодня, в три часа, — а в половине шестого я обнаружил, что они пропали.

— Но, сэр...

— Минуту. Думаю, вы согласитесь, что о приглашении на ужин следует забыть. Я уже сказал Бобу Моффету, что вы нужны мне по делу. Теперь послушайте. Не надо слишком беспокоиться. Чертежи исчезли, но мы их вернем. Это наше внутреннее, семейное дело, и я разберусь с ним по-своему. Но все-таки прошу вас остаться здесь на ночь. Прежняя комната в вашем распоряжении.

Элиот никак не рассчитывал на такой поворот событий.

— Нет, сэр... не могу.

— Вы предлагаете вернуться к Кэдогану и объявить, что чертежи исчезли? Говорю же, я намерен все уладить сам. Я гарантирую — да, гарантирую, — что они будут у меня еще до наступления утра.

Взгляды обоих мужчин встретились. Если между собеседниками и произошел в этот миг поединок воли, внешне это было практически незаметно.

Элиот заговорил первым:

— Вы сказали, это семейное дело. Не уточните?

— Сейчас объясню. Вы передали мне чертежи в половине четвертого в моем рабочем кабинете. В течение трех четвертей часа они лежали в портфеле на столе, и в помещении все время кто-нибудь был. Сам я выходил из кабинета трижды. В первый раз я отсутствовал пять минут. Вы помните, что мы прошли по коридору вместе и встретили главного инженера Брауна, который хотел со мной переговорить? В кабинете тогда находился мой секретарь Альберт Пирсон. Вернувшись, я послал его к Бобу Моффету с некоторыми данными, которые тот запрашивал. Вскоре пришел мой пасынок Фрэнк Амброз, вместе с моим племянником Марком Парадаynom. Я отсутствовал примерно четверть часа, а они сидели в кабинете. Когда я вернулся, Фрэнк уже ушел, а Марк собирался уходить. Наконец заглянул второй племянник, Ричард Парадайн. Он ждал в комнате, пока я ходил мыть руки. Придя назад, я забрал портфель и поехал домой, а в половине седьмого открыл его и обнаружил, что чертежи исчезли. Вы спросили, отчего я назвал это «семейным делом». Судите сами: ни у кого, кроме членов моей семьи, не было возможности их забрать.

Элиот пожал плечами.

— А ваш секретарь Пирсон? — спросил он.

Красивые черные брови Джеймса Парадайна приподнялись.

— А вы не знали, что он тоже мой родственник? Дальний, но тем не менее. Нет-нет, неприятность случилась в семейном кругу, и я не намерен выносить сор за его пределы. Вот почему я и позвал вас.

Элиот насторожился.

— Вряд ли я вправе претендовать... — начал он, но Парадайн быстро перебил:

— Хватит! Никакой дерзости я не потерплю. Вы сделаете то, что я скажу, по одной простой причине: мы обязаны вернуть чертежи. Полагаю, скандала вы хотите не больше, чем я. А что касается наказания... не бойтесь. Оно будет... соразмерным.

Воцарилась тишина. Элиот замер. Ему казалось, что он пробыл здесь уже очень долгое время. Он думал: «Что за этим кроется? Что старик задумал, что он знает?» Наконец он спросил:

— Не спешите ли вы с выводами, сэр? В конце концов, портфель находился в вашем доме два-три часа. Может, вы напрасно обвиняете родных? Как насчет слуг?

Джеймс Парадайн откинулся на спинку кресла, сомкнул кончики пальцев и положил руки на колени. Негромко и бесстрастно он произнес:

— Они тут ни при чем, мой дорогой Элиот. Более того, я точно знаю, кто взял чертежи.

Глава 2

Грейс Парадайн вышла из комнаты и немного помедлила, держась за дверную ручку белоснежной рукой, на которой красовалось дорогое рубиновое кольцо. Коридор, где она стояла, был хорошо освещен и покрыт толстым старомодным, но очень ценным ковром, отличавшимся буйством красок — малиновой, ярко-синей, зеленой. Мистер Джеймс Парадайн любил яркие цвета. Мода конца минувшего века не допускала никаких коррективов. Эти цвета господствовали в доме в пору его детства, и с тех пор ничего не изменилось. Если какая-то вещь приходила в негодность, ее заменяли точно такой же, без каких-либо отклонений от шаблона. Все уступки современным вкусам основывались лишь на соображениях практичности. Дом был нашпигован телефонами, повсюду ярко горел электрический свет, комнаты самым приятным образом отапливались при помощи печи в подвале.

Мисс Парадайн отпустила дверную ручку и отошла от двери. Стоя под ярким светом лампы без колпака, она выглядела весьма эффектно. Это была высокая статная женщина, не красавица, но невероятно представительная в своем черном вечернем платье и изящной меховой накидке. На груди у нее мерцала бриллиантовая звезда, а на шее — большое жемчужное ожерелье. Темные волосы, чуть тронутые сединой и стянутые в изящный узел на шее сзади, ниспадали широкими волнами от пробора посередине. Руки и волосы составляли главную прелесть мисс Парадайн. Сестра Джеймса Парадайна после смерти его жены управляла домом вот уже двадцать лет. Сейчас она, нахмурившись, внимательно смотрела в конец коридора. Несомненно, она чего-то ждала и слушала.

Вдруг с пугающей стремительностью ее лицо изменилось. Угрюмость, напряжение, тяжесть исчезли, сменившись широкой обаятельной улыбкой. Мисс Парадайн повернулась и направилась к девушке, которая показалась из дальней комнаты. Девушка шла навстречу медленно — и без ответной улыбки. Она была высоким, красивым, грациозным созданием, с темными вьющимися волосами, белоснежной кожей и темно-синими глазами. Когда густые ресницы скрывали синеву — как, например, в эту минуту, — ее глаза казались черными. Лишь когда девушка широко раскрывала их или внезапно обращала вверх, становилось понятно, что на самом деле они напоминают цветом сапфиры или морскую воду на глубине. Это была приемная дочь Грейс Парадайн — Филида Рэй, двадцати трех лет.

Она шагала по коридору в длинном белом платье, с ниткой жемчуга, подаренной на двадцать первый день рождения, — превосходный жемчуг, тщательно подобранный, ее единственное украшение. На красивых пальцах ни одного кольца, ногти покрыты ярко-красным лаком...

Грейс Парадайн положила руку на плечо девушки и повернула кругом.
— Прекрасно выглядишь, дорогая. Но ты такая бледная...

Черные ресницы поднялись и опустились, обнаружив ярко-синие глаза, — слишком быстро, чтобы можно было понять, не кроется ли в них гнев. Безупречно сдержанно Филида произнесла:

— Правда, тетя Грейс?

Мисс Парадайн вновь ласково и обаятельно улыбнулась:

— Да, милая, правда.

Она тихо рассмеялась и ласково провела пальцами по обнаженной руке девушки, от плеча до пунцовых ногтей.

— Между нами говоря, детка, на мой взгляд, необязательно брать на себя так много. И тогда, ради нашего праздника, на твоих щеках расцвели бы розы...

— Зимние розы — белые, — ответила Филида со странным легким смешком и направилась к лестнице.

Мисс Парадайн шла рядом. Филида высвободила руку. Они спускались вместе, но по разные стороны лестницы. Грейс Парадайн держалась за массивные перила красного дерева.

— Просто ужасно, что тебя заставили дежурить на Рождество, — сказала она.

— Я сама вызвалась.

Мисс Парадайн ответила не сразу. Она улыбнулась:

— В любом случае, милая, так приятно, что сейчас ты здесь. Долго пробудешь у нас?

— Не знаю, — сказала Филида.

— Но...

Девушка остановилась, бросила на приемную мать взгляд, который мог показаться умоляющим, и поспешно произнесла:

— Мне разрешили остаться на неделю, если я захочу, но, честно говоря, сомневаюсь. Лучше я буду работать. — В ее голосе зазвучали мятежные нотки. — Не смотрите так, я сказала это не для того, чтобы вас обидеть. Просто... ну... вы понимаете.

Мисс Парадайн тоже остановилась и крепче ухватилась за перила. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выказать огорчения, и она блистательно с этим справилась. Слова Грейс были исполнены сочувствия:

— Понимаю. Не нужно принуждать себя. Но в конце концов здесь твой дом, Фил. Это уже что-то, не правда ли? Он ничего не в силах отменить или отнять у тебя. Этот дом был твоим задолго до того, как он появился, и еще долго останется твоим, когда мы все о нем забудем.

Филида вздрогнула. Что-то в словах мисс Парадайн уязвило девушку, причем серьезно. Она негромко произнесла сдавленным голосом:

— Я не хочу об этом говорить. Пожалуйста, тетя Грейс.

Мисс Парадайн как будто встревожилась.

— Да, милая, конечно. Какая я глупая! Незачем оглядываться назад. Скоро Новый год, и ты приехала домой на выходные. Помнишь, как мы планировали каждую минуту праздников, когда ты была маленькой? Но каникулы всегда оказывались слишком короткими, чтобы успеть сделать хотя бы половину задуманного. Сегодня, разумеется, приглашены только родственники — Фрэнк, Ирен, Бренда. Они помирились, и она живет у них, хоть я и не знаю, сколько это продлится. Лидия тоже с ними... — Она вполголоса рассмеялась. — Краше прежнего — и все такая же язва. Еще будут Марк, Дики и Альберт Пирсон. Я не люблю, когда за столом собирается столько народу, но ничего не поделаешь.

Они снова двинулись вниз по лестнице, и Филида с облегчением спросила:

— А чем занимается Лидия?

— Ей-богу, не знаю, она болтает всякую чушь. Кажется, работает секретаршей. Лучше спроси у нее сама. Надеюсь, сегодня она не наговорит лишнего. Джеймс никогда ее не любил, а пустой болтовни он просто не выносит. Я посажу Лидию как можно дальше, но у нее такой громкий голос...

Они пересекли зал и вошли в гостиную, где у камина расположились двое молодых людей. Оба принадлежали к семье Парадайн. Это были племянники Джеймса Парадайна, не родные братья, а двоюродные, ничуть не похожие друг на друга и на дядю: Марк, старший, — высокий смуглый мужчина тридцати пяти лет, с властным мрачноватым лицом, и Дики, несколькими годами моложе, — худой, белокурый, с бесхитростными голубыми глазами и неизменно хорошим настроением.

Марк поздоровался с Филидой и тетей Грейс, стараясь тратить как можно меньше слов, а Дики расцеловал обеих, рассыпался в комплиментах и задал множество вопросов:

— Вы просто сногшибательны в этом платье, тетя Грейс, правда, Марк? О, да вы надели все ваши побрякушки. И бриллиантовая звезда на первом плане! Помните, как на Рождество вы привязали ее на верхушку

елки, а Фил чуть не доревелась до судорог, потому что требовала ее насовсем?

Он говорил, обвив рукой талию мисс Парадайн. Та улыбалась. Похвалы в адрес Филадельфии казались ей фимиамом, которого всегда недоставало.

Дикий расхохотался:

— Жаль, что с тех пор она так испортилась, правда, дорогая?

Дверь открылась, и Лейн объявил о прибытии мистера и миссис Амброс, мисс Амброс и мисс Пеннингтон. Они вошли вместе — Фрэнк Амброс, рослый, светловолосый, с бледным крупным лицом, его красивая темноволосая жена Ирен, вечно одетая как будто впопыхах, и сестра Бренда, мужеподобная, с густыми, коротко подстриженными волосами, светлыми, как у брата, и с точно такими же ярко-голубыми глазами. Одна из самых серьезных ссор, которые регулярно сотрясали дом Амбросов, разразилась после того, как Ирен и ее сестра, Лидия Пеннингтон, намекнули, что Бренде не повредило бы покрасить свои почти белые ресницы в черный цвет. Лидия услужливо предложила помощь профессионала, но скандал тем не менее разразился страшный.

Ресницы самой Лидии свидетельствовали о ее опыте в области косметологии. От природы они были рыжими, как и волосы, но Лидия не собиралась мириться с подобными несуразностями. И сейчас ее серо-зеленые глаза сверкали, как изумруды, под ресницами не менее черными, чем у Филадельфии. Что касается остального, Лидия всегда умудрялась выглядеть так, как будто собиралась принять участие в дефиле. Все по последней моде: одежда, туфли, прическа самая стильная, пугающе яркая помада и лак для ногтей — вот чем всегда отличалась Лидия. Она заставляла говорить о себе, где бы ни появлялась. Мужчины ходили за мисс Пеннингтон по пятам, буквально преследуя, но никто пока не добился успеха. Дик Парадайн делал ей предложение всякий раз, когда она приезжала погостить. И теперь Лидия подпорхнула к нему и ловко уклонилась от поцелуя.

— Привет, Дики, привет, Фил. Однако ты выросла, мне нужны шпильки повыше. Потрясающая семья! Только посмотрите на мистера Парадайна, на тетю Грейс, на Фрэнка, на тебя... и на Марка. Вы все как будто витаете высоко-высоко, такие далекие...

Дикий обвил ее рукой.

— Только не я, милая. Ты, может быть, не заметила, но я всегда рядом и готов тебе угождать.

Лидия, отстранившись, рассмеялась:

— Я никогда тебя не замечаю... и поэтому так страстно люблю. — Слегка склонив голову к плечу Дики, она взглянула на Марка. — С Новым годом, милый.

Он не ответил, лишь повернулся и подтолкнул ногой полено в камине. Оно треснуло, взлетели искры.

— Вот невежа, — уныло произнесла Лидия, высвободилась из объятий Дики и подбежала к мисс Парадайн. — Я прилично выгляжу, тетя Грейс? Или дядя будет в шоке, как обычно? Я хотела прийти в новых брюках из парчи... великолепная ткань, и не по карточке, между прочим, но Фрэнк и Ирен меня отчитывали, пока я не сдалась и не надела платье, как положено *jeune fille* [2].

— Ты очень хорошо выглядишь, дорогая, — ответила Грейс Парадайн. Улыбнувшись, она добавила: — Как всегда.

Платье длиной до пола казалось негнуцимся и совершенно не наводило на мысль о типичной *jeune fille*. Лиф был из кремовой и золотой парчи с высоким воротом и длинными рукавами, а юбка — из тяжелого кремового атласа. Рыжие волосы Лидия собрала как можно выше, в замысловатую прическу с начесами и кудряшками.

Рядом с сестрой Ирен казалась тусклой и неизящной. Она рассказывала Грейс Парадайн, как умен ее Джимми по сравнению с другими ребятами в детском саду. Едва Лидия отошла, Ирен продолжила свое повествование.

Лидия схватила Филиду за руку и заставила развернуться.

— Ты только посмотри на Ирен в этом старом черном балахоне! По-моему, нам следует задуматься. Если я начинаю чувствовать, что понижаю планку, достаточно минуту посмотреть на нее, чтобы исцелиться. Она еще красива, но это ненадолго — домашние заботы ее уродуют. Ирен катится с горы кувырком. Ну а теперь расскажи мне обо всем. Господи, какая ужасная комната, мои волосы на пунцовом фоне!.. Жаль, что я не рискнула явиться в ярко-зеленых брюках. Но теперь уже ничего с этим не поделаешь.

— Дядю Джеймса хватил бы удар, — заметила Филида. Она взяла мягкую бархатную подушку с золотыми кисточками, лежавшую на спинке одной из обитых парчой кушеток, и охотно уселась. — Честное слово, здесь нельзя носить ничего, кроме черного и белого. Я уже давным-давно это поняла.

Комната была огромной, с очень высоким потолком. Рубиновые бархатные шторы скрывали три больших окна. Между ними и над белой мраморной каминной полкой висели зеркала в массивных золоченых рамах. На полу лежал темно-красный ковер. Кушетки, кресла, стулья,

обитые красной парчой, словно пылали. Яркий свет двух огромных люстр рассыпался радужными лучиками благодаря замысловатым подвескам. Рукой подать до вульгарности — но все-таки вкус преобладал. В результате получилось нечто невероятно старомодное, точь-в-точь интерьер из викторианского романа, но цветовая гамма, мрамор и позолота придавали дому соответствующее эпохе достоинство. Королева Виктория вполне могла бы устраивать здесь приемы, а принц Альберт — сидеть за роялем и играть мендельсоновские «Песни без слов».

Лидия, устроившись в другом углу кушетки, склонилась к Фиlide:

— Ну же, расскажи! Быстрее, пока никто нам не помешал! Сейчас обязательно кто-нибудь встрянет. Чем ты занимаешься? Я думала, ты вырвалась на волю и начала самостоятельную жизнь.

— Всего лишь перебралась в Берлтон, — сказала Филида. — Работаю секретаршей в санатории.

Она не смотрела на Лидию, но та не спускала с нее решительного взгляда зеленых глаз.

— Почему же ты не уехала... например, не поступила на службу? Я чуть не сошла с ума от ярости, когда Ирен написала, что ты «занимаешься всякой ерундой» и едешь на работу на велосипеде.

Филида не сводила глаз с собственных колен.

— Добираться было слишком далеко, — уныло сказала она. — Тетя Грейс хотела, чтобы я попробовала, но я не успевала вернуться до затемнения, и она это поняла. Поэтому теперь я живу в Берлтоне. Меня отпустили на целую неделю, но, наверное, я снова выйду на работу через пару дней. Лучше буду заниматься делом.

Лидия снова метнула в нее внимательный взгляд:

— Тетя Грейс ненавидит твою работу, да?

Филида молча кивнула.

Лидия продолжила:

— И сколько раз в неделю она приезжает в Берлтон, чтобы увезти тебя на ленч?

В этих словах не было ничего особенного, но в тоне Лидии прозвучал вызов. Филида подняла голову, ее глаза потемнели, в них отразилась боль.

— Тетя Грейс скучает по мне. Она очень добрая, Лидия, ты же знаешь, что она для меня сделала.

— Ну и что такого она сделала? Допустим, она тебя удочерила, но неужели ты думаешь, что исключительно ради твоего блага? Детей усыновляют, чтобы хорошо было взрослым. По той же самой причине заводят щенка или котенка. Человеку просто хочется кого-нибудь ласкать.

Никто не спрашивает щенка или котенка, хочет ли он, чтобы его ласкали. И ребенка тоже никто не спрашивает.

Филида вскинула руку, словно защищаясь.

— Лидия, пожалуйста... не говори так. Тетя Грейс любила моих родителей, они были ее лучшими друзьями... и дальними родственниками. Не знаю, что случилось бы, если бы она меня не удочерила. Мы лишились средств, я никому не была нужна. Я в огромном долгу перед тетей Грейс.

Лидия ухватила ее руку и легонько ущипнула.

— Ладно, крошка. Только смотри не переплати по долгам.

Филида отстранилась и чуть приоткрыла рот, словно намереваясь заговорить, но тут же сомкнула губы. Она лишь быстро спросила:

— Почему ты не любишь тетю Грейс? Она всегда так хорошо тебя принимает.

— Милая, я ее обожаю. Точно так же, как обожаю пуховые перины, мыльные пузыри и задушевные разговоры, после которых чувствуешь себя центром мироздания. Но я не считаю, что это так уж полезно, только и всего. Небольшие дозы с длинными интервалами — да, но каждый день с утра до вечера — решительное и окончательное нет!

Филида поспешно встала. Она не хотела ссориться с Лидией, но понимала, что если пробудет с ней еще немного, то начнется ссора — или ей придется признать правоту собеседницы. Она пошла туда, где Ирен рассказывала мисс Парадайн о каком-то пятнышке на грудке маленькой Рины.

— Оно появилось утром, ну и, конечно, я сразу померила температурку, и все оказалось в норме. Тогда я послала за доктором Гортоном, и он сказал — ничего страшного. У него нет маленьких детей, поэтому, боюсь, он несерьезно к ним относится. Сначала я даже решила никуда сегодня не ехать. Пятнышко пропало, но ведь никогда не угадаешь, что будет дальше, и я знала, что вы не обидитесь. Но Фрэнк страшно рассердился, и я решила, что лучше уж собраться. Он такой легкомысленный во всем, что касается детей. Он первым будем жаловаться, если я их заброшу, но, кажется, думает, что я могу разъезжать с ним повсюду, как раньше, когда в нашем доме еще не было детской. Вы бы поговорили с ним.

Грейс Парадайн с сочувствием положила руку на плечо Ирен.

— Ты прекрасная мать, дорогая моя.

Когда подошла Филида, Ирен повернулась к ней.

— А, Фил. Я сегодня так переволновалась. Из-за Рины. У нее выступило пятнышко на груди, и, конечно, я сразу померила

температурку...

Грейс отошла, и к ней тут же присоединился Фрэнк Амброз.

— Ирен докучает вам рассказами о детских болезнях? Она только об этом и говорит. У нас чудесные здоровые малыши, но она трясется над ними до умопомрачения. Не одно, так другое. Мы нашли хорошую няньку, но Ирен не доверяет ей ни на йоту. Может, вы ее вразумите, тетя Грейс? Никого другого она и слушать не станет.

— Она еще молода, — снисходительно ответила Грейс.

— Но быстро состарится, если будет продолжать в том же духе. Нельзя то, нельзя сё, пятое, десятое, и причина всегда одна — у Джимми и Рины насморк, кашель, икота и так далее. Самое большее, что я смог сделать, так это привезти Ирен сегодня сюда.

Грейс Парадайн понимающе взглянула на него.

— Бедный старина Фрэнк.

Лидия, стоя у противоположного конца камина и глядя на них, увидела, как мрачное выражение покинуло лицо Фрэнка, тяжелые черты расслабились. Он что-то говорил, а мисс Парадайн слушала, время от времени улыбаясь.

Лидия метнула искристый взгляд в сторону Дики.

— Это было лучшее масло... — пробормотала она.

Он уставился на нее:

— То есть?

Она рассмеялась:

— Это из «Алисы в Стране Чудес», дорогой.

Дверь в дальнем конце комнаты открылась, и вошли трое. Первым — Джеймс Парадайн, весьма импозантный. Черно-белые цвета смокинга наделяют дополнительным преимуществом тех, кому и так уже дано достаточно. Мистер Парадайн обладал ростом шесть футов пять дюймов и держался с величавой простотой. Его красивую голову венчала густая седая шевелюра, а глаза и брови, изгибавшиеся дугой, были такими же темными, как в годы его молодости. Рубиновые и золотые тона комнаты стали не более чем фоном, когда он вошел. Чуть позади, слева, держался секретарь, Альберт Пирсон, круглолицый молодой человек в очках с роговой оправой и в костюме, наводившем на мысль о дешевой распродаже. С другой стороны шагал Элиот Рэй.

Все замолчали и посмотрели на Элиота. Мистер Парадайн подошел к сестре и заметил с недоброй улыбкой:

— Дорогая, ты наверняка обрадуешься, когда узнаешь, что у нас еще один гость. Не далее как сегодня утром ты жаловалась, что десять человек

за столом — плохая примета. Так вот, Элиот Рэй станет одиннадцатым. У нас были кое-какие дела, а потом я уговорил его остаться.

Глава 3

Войдя в комнату, Элиот Рэй окинул взглядом гостей, собравшихся у пылающего камина. Они казались маленькими и далекими — черные и белые женские силуэты, черно-белые мужские, в блеске огня за спиной и сверкании золота и стекла над головами. Три женщины в черном — Грейс Парадайн, Ирен и Бренда Амброз, две в белом — Лидия Пеннингтон и Филида. Он мысленно перечислял их именно в таком порядке, потому что помнил о своем задании. Элиот посмотрел на каждую по очереди, прежде чем остановился на Филиде. Она была бледной и как будто похудела. В белом платье, с жемчугом, подаренным Грейс Парадайн, она стояла рядом с Ирен и смотрела на Марка. Элиот уже прошел полкомнаты, следуя за Джеймсом Парадайном, прежде чем Филида, повернувшись, увидела его.

Что-то в лице Марка заставило ее обернуться. Его мрачные задумчивые глаза вдруг оживились, в них возникли изумление и интерес. Филида оглянулась, чтобы узнать причину, и увидела своего мужа. Она не встречалась с Элиотом уже год — и поверить не могла, что он здесь, перед ней. От испуга и неожиданности она, протянув руку, схватилась за плечо Марка Парадайна. А потом все вдруг мгновенно изменилось для нее — бешено забило сердце, завертелись мысли, над которыми она не имела больше никакой власти. Филида раскраснелась и сделалась очень красива. Это был один из тех моментов, которые невозможно объяснить и постичь разумом.

Элиот Рэй прошел мимо, направляясь к хозяйке, и сдержанно поздоровался, получив столь же официальный ответ. Он пожал руки Ирен и Бренде, принял поцелуй Лидии, которая приподнялась на мысочки, чтобы чмокнуть его в щеку, и замер перед женой. Он коротко произнес: «Здравствуй, Филида», как будто приветствовал дальнюю знакомую, и вернулся к Лидии.

Лейн открыл дверь и объявил, что ужин подан. Джеймс Парадайн предложил руку Ирен, остальные двинулись следом — Филида с Марком, Бренда с Элиотом, Лидия с Дики и Альбертом Пирсоном, Грейс Парадайн с Фрэнком Амброзом.

В интерьере огромной столовой было еще больше ярких красок, позолоты и неумолимого света. Сургучный цвет обоев разбавляли мрачные семейные портреты — три поколения Парадаинов в черном сукне и их жены в бархате и парче. Все они как будто чувствовали себя чуть неудобно в

парадных одеждах, в огромных дорогих рамах. Портреты смотрели сверху вниз на рассаживавшихся гостей.

Джеймс Парадайн на мгновение замер и стоя обвел взглядом стол. Он слегка склонил голову и мягко произнес:

— Пусть Господь исполнит нас искренней благодарности за то, что мы видим перед собой.

Он сел, и Лейн поставил перед хозяином массивную серебряную супницу. В этом отношении, как и во всем прочем, мистер Парадайн предпочитал следовать обычаю отцов. Ему нравилось лично разливать суп гостям и разрезать мясо, сидя во главе собственного стола. Он настоял на том, чтобы проделать сегодня то и другое. Он любил наблюдать, как стол покрывают белоснежной камчатной скатертью, которую затем снимали, чтобы торжественно поставить на красное дерево вино и десерт. Джеймс Парадайн всегда получал то, что хотел.

Элиот оказался слева, между Брендой и Лидией. От Филиды, сидевшей напротив, его отделяла гигантская серебряная ваза для фруктов, которая позволяла видеть ее, лишь когда она поворачивалась то к Марку слева, то к Альберту справа. Мелькнули темные вьющиеся волосы, щека, уже не бледная, но окрашенная ярким румянцем... вот что видел Элиот, но не более того. В приступе искреннего гнева он мысленно твердил, что испытывает подлинное облегчение. С какой стати ему вообще смотреть на Филиду? Их разделяла не только груда фруктов. Он повернулся к Лидии. Глаза у нее сверкали.

— Отчего дядя Джеймс произнес молитву? Он обычно так не делает, поэтому мы сразу сели. Может, сегодня нас ждет нечто особенное?

— Не удивлюсь.

— Вы знаете, что именно?

Элиот сухо отозвался:

— Подождите и сами увидите. Кстати, где вы были и чем занимались до сих пор?

— Где была? Везде. Чем занималась? Разумеется, выполняла свой долг. Как всегда.

— В какой форме, скажем так, это выражается? Вы не член Женской вспомогательной службы военно-воздушных или военно-морских сил и не медсестра, если я не ошибаюсь.

Зеленые глаза взглянули на него с грустью.

— Боюсь, я бы спятила, если бы приняла присягу и поклялась выполнять приказы. Поэтому я просто сижу в кабинете и перевожу документы.

— Какие?

— Ш-ш. Ни слова больше. Что вы скажете, если узнаете, что я читаю по-исландски без словаря?

Элиот рассмеялся:

— Скажу, что вы лжете.

— И будете правы. Я завидую тем, у кого есть мозги. Что еще вы изобрели с сорокового года? Мы ведь виделись с вами в последний раз в сороковом году?

— Да.

Она кивнула:

— В канун прошлого Нового года. Я поцеловала вас под омелой. И возможно, повторю это, если будете хорошо себя вести.

— Боюсь, я не в настроении.

Она приподняла брови — темные, в тон вычерненным ресницам.

— Очень странно, дорогой Элиот. Кстати, как вам Филида?

Если Лидия ожидала вспышки гнева, то напрасно.

— У меня не так уж много возможностей судить, не правда ли?

Лидия бросила на собеседника быстрый взгляд.

— Нет, поэтому я сама вам отвечу. Она слишком бледная и худая. Она несчастна, ей скучно, она связана по рукам и ногам. Что вы намерены предпринять? Поразмышляйте над ответом, пока я буду говорить с Дики. И не вздумайте всадить нож мне в спину, иначе испортите парчу. В любом случае в этом месяце я не могу позволить себе похороны: я только что заплатила подоходный налог и внесла арендную плату.

Последние слова она договорила через плечо. Едва они успели сорваться с губ девушки, Дики сказал:

— Слушай, давай по-честному. В конце концов, я тебя сюда привез. Поболтай со мной, пока тетя Грейс занята Фрэнком.

Элиот повернулся к мрачной, надувшейся Бренде. Она была настолько обидчива, что в другой ситуации он бы не стал с ней заговаривать, но при данных обстоятельствах следовало изображать общительность, заинтересованность, хорошее настроение. Все, что угодно, лишь бы не казаться отвергнутым мужем, который надоедает окружающим своим присутствием. Он приложил немало усилий — Бренда достаточно расслабилась и сообщила, что подумывает вступить в отряд женской полиции.

— Потрясающая идея!

Она с недоверчивостью уставилась на него.

— Что вы имеете в виду, Элиот?

— А что я должен иметь в виду? Я правда думаю, что это отличная идея.

Бренда фыркнула:

— Не обещаю, что я так и сделаю. Не могу сказать, что очень этого хочу. Но если вы признаёте необходимость женской полиции, то согласитесь, что им нужны сотрудники. Таким образом, мой долг — представить свою кандидатуру.

— Надеюсь, вам понравится.

Тусклые глаза сердито устремились на него из-под светлых ресниц. Элиот задумался: «И почему она их не красит?» Он вспомнил, что в семье разразился скандал, притом нешуточный, когда Лидия предложила Бренде сделать именно это. Ему рассказала Филида. Эхо ее голоса, то, как она выглядела... Элиот напрягся и услышал, как Бренда отрицает, что намерена получать удовольствие на службе.

Тем временем Дики говорил Лидии:

— Ты сама знаешь, что у меня учащается пульс всякий раз, когда я смотрю на тебя.

— Песня «Мое сердце», исполняет Ричард Парадайн. — Лидия ласково взглянула на него. — Жаль, что ты не можешь излить свои чувства в стихах. Тогда ты перестал бы кипеть, а я бы не отказалась от сборника стихов, посвященных мне. В белом кожаном переплете, с золотым тиснением и надписью «Посвящается Лидии». Или просто «Посвящается Л.»». Что скажешь?

— Критики изойдут ядом над этим «Посвящается Л.»». Как тебе вариант «Посвящается Лидии, которую я обожаю»?

— «Потому что с ней никогда не скучаю», — закончила Лидия. — Что бы ты предпочел, Дики, — быть до отвращения безобразным, но очень остроумным или же глупым, но невероятно красивым? Я так никогда и не могла выбрать.

— Тебе и не надо. Ты получила лучшее из обоих комплектов.

Лидия послала Дики воздушный поцелуй.

— Спасибо, милый. Тем приятнее, что это неправда. Если бы не волосы, цвет лица и крашенные ресницы, я была бы всего-навсего младшей сестрой Ирен, маленькой дурнушкой. «Она не виновата, бедняжка, поэтому будем с ней полюбезнее». Мой моральный облик, несомненно, улучшился бы, поскольку я была вынуждена развивать в себе таланты домохозяйки — удел всех некрасивых женщин.

У Дики слегка закружилась голова — как всегда, когда Лидия так на него смотрела. Он ответил:

— Слушай, ты хочешь, чтобы я сделал тебе предложение прямо за порцией индейки? Потому что дело идет именно к тому.

— Даже не знаю... — задумчиво произнесла Лидия. — Это будет что-то новенькое, до сих пор еще никто до такого не додумался. Правда, как-то один парень сказал, что обожает меня, когда мы ели жутко острый суп. Он подавился, не завершив признания, и чуть не лишился чувств. Было довольно неприятно, и суп успел остыть, пока я колотила беднягу по спине. Так что, наверное, нет. Не хочу портить удовольствие от индейки.

Филида сидела между Альбертом Пирсоном и Марком Парадайном. Разговор с Альбертом был скорее поучительным, нежели забавным. Он охотно сообщал собеседнику расстояние от Земли до Сатурна и от Колумбо до Сингапура, называл точное количество витаминов в новом маргарине, рассказывал о происхождении угля или об изобретении стали... иными словами, являл собой суший кладезь знаний, выдаваемых таким образом, чтобы убить у слушателя всякий интерес к разговору. Долгая практика научила Филиду улыбаться, пропуская слова Альберта мимо ушей.

Когда Альберт закончил вещать о бетоне, она повернулась к Марку и подумала, какой у него несчастный вид. Ирен, рядом с которой он сидел, болтала с Джеймсом Парадайном, а Марк оказался не у дел. Он был спокоен, но так мрачен, что Филида встревожилась.

Она с улыбкой спросила:

— О чем ты думаешь?

Суровые черты его лица смягчились.

— Да так, ни о чем особенном, Фил.

— Ну так давай поболтаем. Ты в последнее время читал что-нибудь интересное?

Марк охотно ухватился за эту возможность. Они побеседовали о книгах, о кино, о музыке. Элиоту, сидевшему напротив, казалось, что эти двое крайне увлечены разговором. Ваза заслоняла их, но когда Филида подавалась вбок, Элиот видел ее сверкающие глаза и румяные щеки. Шампанское в ее бокале оставалось нетронутым. Значит, ее воодушевило нечто иное. Продолжая довольно вымученный разговор с Брендой, он гадал, что случилось. В первую минуту в гостиной Филида показалась ему измученной и вялой. Может, у него просто разыгралось воображение? Нет. У него сердце сжалось, когда он увидел, какая она бледная.

Бренда Амброс смотрела на Элиота с оскорбленным видом:

— Ей-богу, я сомневаюсь, что вы меня слушаете.

Он неохотно отвлекся от мыслей о Филиде и извинился.

Индейку доели, и перед Джеймсом Парадайном поставили пылающий

плам-пудинг. Тем временем Лейн и горничная разносили желе и сладкие пирожки. Филида накладывала себе желе, когда, повернувшись, вновь оказалась в поле зрения Элиота. Он тут же отвернулся. Отведя глаза от лица Филиды, он стал неотрывно смотреть на ее руку с протянутой тарелкой. Рука была левая, совершенно обнаженная, и кисть и предплечье. Ничего, на чем мог бы задержаться взгляд — от плеча до запястья, от запястья до кончиков пальцев. Кровь прилила к лицу Элиота, обожгла щеки и медленно отступила, оставив холодок. Ему и в голову не приходило, что Филида снимет обручальное кольцо. Элиота застигли врасплох — он как будто получил пощечину.

Когда жаркая волна схлынула, он ощутил ледяной гнев — такой сильный, как никогда в жизни.

Глава 4

Грейс Парадайн сидела напротив брата, на противоположном конце стола. Она только что пережила вспышку слепящего гнева, но, глядя на нее, не приходилось сомневаться, что он уже прошел. Она была обаятельной и любезной хозяйкой, подругой и наперсницей всех родных. В течение двадцати лет только и слышалось «спросите тетю Грейс, она знает» — каждый раз, когда возникали какие-нибудь сложности. Только Элиот Рэй держался особняком и не удостоивал Грейс вниманием — он ни о чем не спросил, а просто похитил Филиду. Грейс Парадайн всегда считала его вором. Он ограбил ее, обобрал, но не смог сохранить украденного. Филида вернулась. И теперь мисс Парадайн просто не верилось, что Джеймс привел Элиота сюда именно сегодня, именно в этот день. Элиот, видимо, совершенно утратил чувство приличия, если согласился прийти. Мисс Парадайн с трудом сдерживала гнев. Если щеки у нее и горели, то от естественного румянца. Возможно, Грейс Парадайн беседовала за столом меньше, чем обычно, но она очень внимательно выслушала Дики, когда тот заговорил о Лидии, и Фрэнка Амброза, который принялся пространно жаловаться на Ирен и Брендю:

— Просто удивительно, но женщины никогда не уживаются вместе. Эти две вечно друг друга поддевают.

— Знаю. И мне очень жаль.

— У мужчин не бывает таких бессмысленных ссор. В конце концов, Бренда на десять лет старше. Ирен могла бы и поблагодарить ее за совет, если он касается дома или детей. Мы с Брендой вели хозяйство девять лет. Всякий на месте Ирен обрадовался бы участию, но нет, она принимает в штыки каждое слово. Конечно, Бренда обижается. Такое ощущение, что сестру выживают из дома — по крайней мере оттуда, где раньше был ее дом. Может, вы вразумите Ирен?

Грейс Парадайн взглянула на него.

— Не знаю, дорогой. Ирен не слушает чужих советов. Я принесу больше вреда, чем пользы.

Фрэнк покраснел.

— Она просто неблагоразумна.

Грейс улыбнулась:

— Да, с молодыми женами это бывает. Наберись терпения, Фрэнк.

Лейн и горничная убрали скатерть. Вазу с фруктами переставили на

буфет, а на столешнице красного дерева, как обычно, появился тепличный виноград, очищенный имбирь и яблоки на серебряных блюдах. Перед Джеймсом Парадайн поставили тяжелые граненые графины с портвейном, хересом и мадерой.

Через опустевший стол Элиот увидел Филиду. Она была очаровательна. Она принадлежала ему, но казалась совсем чужой. Прелестная незнакомка с волосами и глазами Филиды, с губами, которые он целовал. Ничего не осталось, абсолютно ничего — она превратилась в постороннюю. Охваченный холодной яростью, Элиот взглянул на жену и отвел глаза. Лейн наклонился и снова поставил между ними вазу.

Джеймс Парадайн налил Ирен немного портвейна — он знал, что больше пить она не станет, — а Бренде полбокала хереса и послал графины по кругу. С обеих сторон стола они дошли до Грейс Парадайн и вернулись обратно. Лейн и Луиза удалились. Джеймс Парадайн отодвинул стул и поднялся. Стоя под ослепительно ярким светом, он удивительно напоминал деда, изображенного на висевшем за спиной портрете, Бенджамина Парадайна, нажившего семейное состояние и создавшего «Парадайн уоркс». Тот же высокий рост, тот же контраст между седыми волосами и густыми черными бровями, пронизательный взгляд, точеные черты, властный нос и упрямый острый подбородок. Некрасивое, даже ничуть не привлекательное лицо — но все же лицо человека, который знает, чего хочет, и добивается желаемого.

Джеймс Парадайн, стоя спиной к портрету, обратился к родственникам:

— Прежде чем мы провозгласим привычные тосты, я хочу кое-что сказать. Я всегда проводил канун Нового года в семейном кругу. Не в моем обыкновении произносить при подобных обстоятельствах речи, но сегодня я прошу вас проявить снисходительность. Могу пообещать, что я буду краток и вы не заскучаете.

Он помедлил, убедился, что все смотрят на него — беззаботно, внимательно или удивленно, — и продолжил:

— Вопрос сугубо личный, но, к сожалению, не из приятных. Сегодня здесь нет посторонних. Все присутствующие — члены семьи, связанные родством или браком. — Джеймс Парадайн обвел взглядом стол. — Бренда, Элиот, Лидия, Ричард, Грейс, Фрэнк, Альберт, Филида, Марк, Ирен... вы сидите тут, как и в прошлом году. Вот что я хочу сказать... Один из вас оказался отступником. Семья остается семьей благодаря общим устремлениям. Если их предать, прощай безопасность. Я констатирую неопровержимый факт: кое-кто предал семейные интересы. Я говорю это

не затем, чтобы ошеломить виновника и заставить выдать себя. Мне не нужны никакие улики, поскольку я знаю, кто виноват.

Он снова замолчал и обвел глазами стол. Ни у кого не изменилось лицо, но каждый напрягся и подобрался. Светлые глаза Бренды смотрели на старика гневно, Элиот сидел с выражением холодной сдержанности, Лидия с улыбкой, в которой сквозил оттенок недоверия — непреходящий, потому что губы замерли. Дики хмурился, и взгляд его был таким же неподвижным, как улыбка Лидии. Грейс Парадайн сидела очень прямо в своем кресле, положив руки на подлокотники и прислонившись головой к высокой резной спинке. Фрэнк Амброс поставил локоть на стол и навалился на него, прикрыв белой ладонью рот и подбородок. Альберт Пирсон снял очки. Без них близорукий секретарь моргал из-за яркого света и видел только расплывчатые пятна лиц. Он неловко протер очки и снова надел. Сцепленные руки Филиды лежали на коленях, холодные как лед, а взгляд огромных испуганных глаз скользнул со старого Джеймса Парадайна на мужа. Между ними стояла ваза с фруктами, заслоняя Элиота. Филида подалась вбок, но увидела только его руку, сжимавшую ножку бокала. Костяшки пальцев побелели. Она даже не сознавала, что с силой наваливается на плечо Марка, пытаясь увидеть лицо Элиота. Марк Парадайн, казалось, был единственным, кого не взволновало происходящее. Он по-прежнему сидел с мрачным видом и смотрел прямо перед собой, чувствуя, как Филида прислоняется к его плечу.

Ирен подавила слабый возглас. Она откинулась на спинку и с ужасом уставилась на тестя. Джеймс Парадайн, который всегда считал, что она не блещет умом, наконец получил тому подтверждение. Ирен повела себя именно так, как он предполагал, и это принесло ему удовлетворение. Он продолжал:

— Не хочу, чтобы меня неправильно поняли, поэтому повторяю: я знаю, кто виноват. Я объявляю о случившемся именно таким образом по нескольким причинам. Одна из них — наказание. Виновник находится в незавидном положении. Сейчас он — или она — гадает, назову ли я его — или ее — имя. Нет, я этого не сделаю — не прямо сейчас, а может быть, вообще никогда. Все будет зависеть от него самого — или от нее. Я склонен проявить милосердие — исходя из наших семейных интересов, или желая разобраться с нашим грязным бельем кулуарно, или по какой-то другой причине. Итак, я объявляю, что, когда мы встанем из-за праздничного стола, я пробуду в своем кабинете до полуночи. Человек, чье имя я не хочу называть, найдет меня там, и мы договоримся об условиях. Вот и все, что я хотел сказать. Теперь давайте произнесем наши обычные тосты. Я пью за

«Парадайн — Моффет уоркс», присовокупив к этому имена Джона Кэдогана и Элиота Рэя, чьи удивительные изобретения столь много дали стране. Пусть выпуск продукции возрастает, а новации дают пример остальным.

Он поднял бокал.

Никто за столом не шевельнулся. Ирен сдавленно выдохнула, почти всхлипнула. Фрэнк Амброс протестующе сказал: «Сэр!» Только Грейс Парадайн подалась вперед и взяла бокал.

Джеймс резко заметил:

— Никто, кроме виновного, не может иметь никаких возражений по поводу этого тоста. Предупреждаю, я сочту уклонение от него равносильным публичному признанию. Итак, мы пьем за «Парадайн — Моффет уоркс».

На сей раз все подняли бокалы. Филида лишь пригубила и поставила обратно. У Ирен так дрожала рука, что вино пролилось, и алые капли упали на яркую столешницу красного дерева. Элиот с запозданием ответил:

— Большое спасибо, сэр.

Джеймс Парадайн снова поднял бокал:

— За отсутствующих друзей.

Напряжение, почти достигшее критической отметки, слегка ослабло. Немедленная и непоправимая беда никому не грозила.

Последовал третий тост:

— За возлюбленных и жен.

Джеймс Парадайн произнес его чуть заметно изменившимся голосом. В словах старика прозвучал вызов. Он перевел взгляд с Ирен на Фрэнка, с Филиды на Элиота Рэя, посмотрел на Лидию и Дики и спокойно продолжил:

— Также я пью в память о моей жене.

Он осушил бокал и сел.

Над столом пронесся вздох облегчения. Худшее миновало. Грейс Парадайн взглянула на Ирен и отодвинула стул.

Глава 5

Гостиная превратилась в спасительную гавань. Когда дверь закрылась, женщины переглянулись.

— Что это было? — резко спросила Бренда. — Он с ума сошел?

Мисс Парадайн смутилась:

— Дорогая, я знаю не больше, чем ты.

— Конечно, он сошел с ума, — продолжала Бренда. — Пригласить нас на ужин и вдруг заявить такое. Всему есть предел!

Ирен дрожала. Внезапно она разрыдалась.

— Я знаю, он думает на меня... а я ни в чем не виновата... честное слово. Я вообще не хотела приходить, Фрэнк подтвердит, что не хотела. Он рассердился, поскольку я собиралась остаться с ребенком... Господи, зачем, ну зачем я его послушала? В чем меня обвиняют? Почему он думает, что это я? Я даже не понимаю, о чем речь! Почему именно я?

Судорожными движениями Ирен вытащила платочек. Вытирая глаза, она весьма опрометчиво устремила взгляд на золовку. Бренда в ответ яростно уставилась на нее.

— Ты, видимо, хочешь сказать, что это я виновата? Спасибо тебе большое, Ирен. Фрэнк будет в восторге.

Грейс Парадайн протянула руки обеим:

— Дорогие мои, ради Бога, прекратите. Ирен... Бренда... Положение и так достаточно скверное, не надо усугублять ситуацию. Мне кажется, произошла какая-то ужасная ошибка. Если отнестись к случившемуся именно так, мы поддержим друг друга и все уладим. Разве вы не понимаете? Не нужно терять голову и говорить то, о чем завтра пожалеешь. Ну-ка, Ирен, вытри глаза. Может, поднимешься в комнату Филиды? Нет? Тогда Лидия наверняка одолжит тебе пудреницу. Лейн сейчас принесет кофе. Он не должен видеть, что ты плакала. Фил, детка, вы с Лидией присмотрите за Ирен. Конечно, никто ни в чем ее не подозревает, это просто нелепо. А мы с Брендой пока поговорим по душам. Когда мы в последний раз беседовали, милая? Давным-давно. Ну, иди сюда.

Бренда была только рада заполучить внимательную слушательницу. Обиды переполняли ее, и она не стала выбирать слова, изливая душу:

— Зачем мужчины вообще женятся?! Мы с Фрэнком были так счастливы раньше — и посмотрите на него теперь. Ирен думает только о детях. Беда в том, что она просто дура. Она не способна вести хозяйство.

Счета возросли вдвое, а результатов никаких.

Грейс Парадайн улыбнулась:

— Ну, милая, не все же такие замечательные хозяйки, как ты. Фрэнк всегда твердил, что ты умница.

— Да, но это было в прошлом! — с горечью отозвалась Бренда. — Почему она не оставила нас в покое? Фрэнк даже не посмотрел бы на Ирен, если бы она первая не бросилась ему на шею. А теперь она намекает, что он ей не нужен!

Безобразные алые пятна покрывали землистую кожу Бренды, властный рот подергивался.

Грейс Парадайн ощутила тревогу. Она поняла, что будет чрезвычайно трудно завершить этот прием без скандала. Возле камина она видела Ирен, которая продолжала вытирать глаза платком и не обращала никакого внимания на пудреницу и складное зеркальце, предлагаемые Лидией. И тут Грейс приняла решение — она положила руку на плечо Бренды и встала.

— Мои дорогие... — Движение и звук голоса привлекли общее внимание. — Мои дорогие, для каждой из вас у меня есть небольшой сюрприз. Я сейчас сбегая наверх и принесу. Никакая глупая путаница не мешает мне раздать подарки. Фил, иди сюда и поговори с Брендой, я вернусь через минуту... нет, милая, я принесу подарки сама, я знаю, где они лежат.

Подойдя к двери, Грейс Парадайн оглянулась и испытала облегчение. Ирен пудрила нос, а с Фил даже Бренда не сумеет поссориться. Но следовало поторопиться, Грейс не хотела рисковать. Несмотря на внушительные формы, она двигалась легко и быстро. Подобрав подол, Грейс побежала по лестнице так же проворно, как Филица.

Она вернулась, прежде чем Ирен успела привести в порядок лицо. Бренда все еще отвечала на вопросы Филицы о каких-то общих знакомых. Мисс Парадайн вошла, держа четыре маленьких свертка в подарочной бумаге, с золотыми листьями остролиста и алыми ягодками на белом фоне и с разноцветными ленточками — серебристыми для Ирен, красными для Бренды, зелеными для Лидии и золотыми для Филицы.

— Это всего лишь безделушки, — улыбнулась она.

Женщины разворачивали подарки, когда дверь распахнулась и торжественно вошел Лейн. Он нес большой серебряный поднос с кофейным сервизом. Вслед за ним появилась Луиза с массивной подставкой для пирога.

Мисс Парадайн с удовлетворением вздохнула. Сцена выглядела совершенно естественно и по-семейному очаровательно — элегантная и

обаятельная хозяйка, которая раздает подарки, четыре женщины, снимающие яркую оберточную бумагу, поднос, стоящий на низком ореховом столике, тяжелый серебряный кофейник, молочник и сахарница, старинные вустерские ^[3] чашки, темно-синие с золотом. Картина ничем не отличалась от любого другого новогоднего торжества.

Луиза опустила на стол подставку. На нижнем ярусе лежал рождественский пирог, на двух других — печенье и шоколад. Воплощение незыблемости и надежности. Все вокруг было освящено временем и традициями — Лейн, прослуживший в доме двадцать лет, осанистый, с заметной лысиной, окруженной венчиком красивых седых волос, и Луиза, его верная помощница, женщина с несгибаемым духом, затянутая по старинке в корсет, с валиком волос и в подлинном эдвардианском чепце.

Слуги удалились. Тетю Грейс целовали и благодарили. Лидия получила любимые соли для ванны — «Боже, где вы их раздобыли?», Бренда подсвечник — «Вот это я называю полезный подарок». Ирен досталась увеличенная фотография Джимми и Рины в рамочке — «Ах, тетя Грейс!». Филида получила полдюжины носовых платков, тонких как паутинка и мягких, с монограммой в уголке — «Тетя, честное слово, вы напрасно. Ваши карточки!». Женщины толпились вокруг Грейс Парадайн, улыбались и болтали, когда дверь вновь открылась и вошли мужчины.

Но только пятеро. Высокого и представительного Джеймса Парадайна среди них не было.

Глава 6

Мисс Парадайн припасла и другие подарки, на сей раз без оберток, и самым ненавязчивым образом вручила их четверем мужчинам, к приходу которых приготовилась заранее. Присутствие пятого осталось, в общем, незамеченным. Никто не обращал внимания на Элиота Рэя. Остальные получили маленькие записные книжки, удобные и полезные, с прикрепленным карандашиком, — в коричневом кожаном переплете для Фрэнка, в ярко-красном для Дики, в синем для Марка и фиолетовом для Альберта Пирсона. Ни словом, ни взглядом никто не намекнул, что среди них присутствует гость, которого не ждали.

Элиот же ощутил приступ горького изумления, которое быстро сменилось гневом. Сегодня он быстро закипал. Последний повод был мелким, но под внешней незначительностью таилось нечто серьезное, холодная противоборствующая сила, точь-в-точь как под плавающей на воде сухой травой таится приливная волна. Он всегда ее распознавал, но никогда не чувствовал так остро, как теперь. На темном небе негодования мрачная ирония судьбы сверкнула ослепительной молнией. Он получит кофе — или его вообще не видят?

Уловив его настроение, Лидия подошла к нему с чашкой. Их взгляды встретились. Глаза Лидии сверкнули. Элиот сказал:

— Не хочу отнимать ваш кофе.

— Я возьму другую.

Стоя в углу комнаты и негромко разговаривая, они словно остались наедине. Лидия все еще протягивала руку, предлагая кофе, Элиот касался пальцами блюда, но пока не согласился взять чашку; Лидия смотрела на него ярко-зелеными глазами, а он, полный гнева, на нее.

— Не глумитесь, — произнесла Лидия.

— Я уже сделал глупость, когда остался, — заметил Элиот.

— И зачем?

— Он настоял. Меня вызвали по делу.

Словечко «он» не оставляло места для сомнений. «Он» — разумеется, Джеймс Парадайн.

Длинные темные ресницы Лидии дрогнули.

— И только?

— А что еще?

Она рассмеялась:

— Я не расставляю точки над *i* за других. Ну же, берите кофе. И не делайте глупостей.

Она оставила ему чашку и ушла.

Элиот обогнул компанию у подноса и оказался рядом с Филидой. Стоя за спиной жены, он услышал, как мисс Парадайн произнесла с неизбывной бодростью:

— Нужно вести себя как можно более естественно, делать все как обычно и не давать прислуге повода для пересудов. Я так считаю. Вы со мной согласны? Возможно, это непросто, но я полагаю, что надо держаться, как будто ничего не случилось. Не знаю, ума не приложу, что пришло в голову Джеймсу, но, если мы разволнуемся, он... неужели вы сами не понимаете? Если кто-нибудь будет вести себя странно, он решит, что был прав. Поэтому мы должны держаться как всегда. Мы все. Пусть вечер пройдет точь-в-точь как в прошлом году.

Элиот Рэй, стоявший за спиной Филиды, произнес:

— В таком случае нам следует сесть и поговорить. Кажется, именно этим мы занимались в канун прошлого Нового года, не так ли?

Филида обернулась, испуганная не близостью Элиота, которую внезапно ощутила, а незнакомыми нотками в голосе. В нем звучало что-то новое, далекое от любви и ненависти. Слова звучали легко и непринужденно, но в то же время язвили, ранили. И поэтому Филида улыбнулась. Минули времена, когда она дала бы Элиоту понять, что он причиняет ей боль. Она улыбнулась и отошла вместе с ним к кушетке, на которой раньше сидела с Лидией. Они почти не отделились от компании, но как будто оказались в своем собственном мирке.

Элиот ощутил неуместный восторг, но торжествовал он не из-за победы над Филидой, а из-за поражения Грейс Парадайн. Он увел жену у Грейс из-под носа, и она ничего не смогла поделать. Очень приятное обстоятельство, весьма полезное для мисс Парадайн. Все должно быть точь-в-точь как в минувшем году? Как скажете. В канун прошлого Нового года они с Филидой только что вернулись из свадебного путешествия. А через неделю расстались. За одну неделю воздушный замок их счастья рухнул. Но Новый год они встретили рука в руке, надеясь, что он принесет радость. И потому Элиот помнил, что должен выплатить долг.

Незнакомым тоном, столь уязвлявшим Филиду, Элиот спросил:

— Ну и о чем мы поговорим?

Но Филида успела подготовиться. Когда тебя загоняют в угол, позволительно пускать в ход любое оружие. То ли сознательно, то ли повинувшись инстинкту, она прибегла к самому простому, наименее

ожидаемому, древнейшему способу — улыбнулась и сказала:

— О тебе. Расскажи, чем ты занимаешься. Я давным-давно ничего не слышала.

Она пыталась обезоружить Элиота, но он не собирался сдаваться. Негодование по-прежнему владело им.

— Я как-то сомневался, что ты хочешь знать.

— И зря, — просто продолжила она. — Мне очень интересно. У тебя получилось то, над чем ты работал? Ты ведь так волновался.

— У Джеймса Парадайна больше прав говорить об этом.

Филида покачала головой:

— Нет. Он никогда ничего не рассказывает, сам знаешь. И потом... Так все получилось, да?

— Нет. Пришлось отправить на свалку.

— Как жаль.

— Да нет. Мы придумали кое-что получше. Намного лучше. Вот почему я сегодня здесь.

Они постепенно расслабились. Филида смотрела на мужа серьезно, задумчиво и внимательно, подобный взгляд всегда затрагивал в Элиоте какую-то струнку, высвобождая раскаяние и доверие. Филида напоминала ребенка, который очень старается, но не уверен, достаточно ли прикладывает сил. Он вспомнил ее слова: «Мне нравится твоя работа, когда ты о ней говоришь. Но я не такая умная — я многого не понимаю. Ты ведь не сердись?» Он тогда ответил: «Умным может стать кто угодно. А я хочу, чтобы ты была очаровательной».

Куда все это ушло? Они смотрели друг на друга, и их разделял пустой, потерянный год. Все минуло. Тропа внезапно оборвалась у их ног, и они оказались разделены.

Но Филида продолжала болтать, как будто не замечала пропасти:

— Где ты живешь?

Нет, если бы пропасти не было, она бы не стала задавать такие вопросы. «Где ты жить будешь, там и я буду жить...»

Он ответил без запинки:

— У Кэдоганов. Это очень любезно с их стороны и, конечно, удобно. Вот только Ида жалуется, что мы с Джоном постоянно говорим о делах.

Элиот с горечью подумал: «Значит, она даже не знала, где я живу... и ничуть не волновалась. Что мы делаем, зачем ведем бессмысленный разговор? Как будто болтаем над свежей могилой. Это не Филида, а призрак, который старается вернуться в прошлое. Но это невозможно, и что толку пытаться?»

Филида спросила неуверенным, срывающимся голосом:

— Почему ты... так выглядишь? Что случилось?

— Я вдруг подумал, что ты — привидение.

Она не сводила с него глаз. Элиот увидел, как они расширились. Отчасти он невероятно обрадовался тому, что обидел ее. Однажды он видел человека, который выглядел точно так же, получив внезапный удар. Филида спросила быстро и негромко:

— Я... похожа на привидение?

— Нет.

Она была сплошь краски и жизнь — глаза сияли синим, щеки напоминали гвоздику, а на губах, приливая, играл яркий цвет. Филида спросила:

— Почему ты так говоришь? Как-то странно...

— Разве я не прав?

Она склонила голову, не в знак согласия, а так, будто больше не могла смотреть на мужа. Щеки ослепительно вспыхнули.

— А ты на кого похож? — спросила она.

— Наверное...

— Тоже на призрак?

Элиот коротко рассмеялся:

— Призраки не преследуют друг друга... или нет?

— Не знаю. — Она вновь подняла глаза. — Элиот...

— Что?

— Давай лучше поговорим о... о чем-нибудь нейтральном.

В броне возникла трещина.

— Не знаю, Фил. Боюсь, уже поздно, — пожал плечами он.

— Пожалуйста, Элиот, — зашептала Филида. — Весь этот вечер — сплошная жуть. Ирен плакала, нам и так плохо, и не надо делать хуже. Ну пожалуйста, Элиот.

— Ладно, Фил... но не надо предубеждений.

— Разумеется. Что он имел в виду, Элиот? В чем дело? Ты знаешь?

— Мистер Парадайн высказался достаточно ясно.

Она подалась к нему:

— Ты думаешь, это правда? Думаешь, кто-то действительно... Господи, просто не верится.

— Да. Я думаю, что это правда.

Филида побледнела, в ее глазах вспыхнуло изумление — и испуг.

— Но что же случилось?

Прежде чем Элиот успел ответить, прозвучал голос Грейс Парадайн:

— Фил, дорогая. Фил!

Им ничего не оставалось, кроме как вернуться к остальным.

Мисс Парадайн слабо улыбалась, поведение ее выдавало тревогу.

— Фил, наши гости считают, пора заканчивать вечеринку. Так говорит Фрэнк. Он хочет увезти Ирен домой. Я-то думаю, что надо продолжать, но Ирен очень расстроена, и Фрэнк полагает... Даже не знаю, как будет лучше.

Фрэнк Амброз, стоявший рядом, хмурился.

— Что толку, тетя Грейс? До определенного момента можно притворяться, но всему есть предел, и я уже дошел до точки. Я еду домой и забираю Ирен. Бренда и Лидия пусть решают сами, что им делать.

— Ты ведь не хочешь, чтобы мы пошли пешком? — резко спросила Бренда.

В кои-то веки Лидия согласилась. Ей тоже не терпелось поскорее вернуться домой. Тетя Грейс сумеет внушить прислуге, что все в порядке. Никто лучше ее с этим не справится. «Миссис Амброз тревожится о дочке, сегодня вечером она не в настроении развлекаться... а поскольку мистеру Парадайну нездоровится...» Лидия буквально слышала голос мисс Парадайн и почтительно-сочувствующие слова Лейна.

Последовало прощание, и семейство Амброзов удалилось.

Хозяйка разыграла свою роль перед Лейном, немало позабавив Лидию: мисс Парадайн слово в слово сказала именно то, что она и предполагала. «Миссис Амброз тревожится о дочке...» — и так далее.

Через десять минут Марк и Дики пожелали оставшимся спокойной ночи. Вечеринка завершилась.

Глава 7

В большой гостиной остались Элиот, Филида, Грейс Парадайн и Альберт Пирсон в качестве буфера. Бог весть, осознал ли он свое положение и счел его крайне невыгодным или просто проявил сообразительность, когда сказал, что должен заняться кое-какими делами, и попросил разрешения удалиться. Пирсон отнюдь не казался взволнованным — впрочем, он никогда не волновался. Если хотя бы раз на протяжении двадцати девяти лет он чувствовал себя не в своей тарелке, то оставил чувства при себе. Миру он являл упрямую деловитость, которая порой раздражала. Непогрешимость требует значительной доли обаяния на другой чаше весов. А обаяния Альберту не доставало. Но сейчас три человека наблюдали за его уходом с сожалением.

Повисла пауза. Филида стояла у камина, глядя в огонь, вполоборота к другим, в позе изящного отчуждения. Щеки у нее покраснелись. Грейс Парадайн не спешила вернуться в кресло. Элиот под маской вежливого гостя скрывал замешательство и сарказм. Он решил: если мисс Парадайн хочет, чтобы он заговорил первым, пускай себе ждет.

Они все ждали: Филида отстраненно, а мисс Парадайн с возрастающим негодованием. Элиоту хватило наглости прийти сюда, навязать свое общество им... а главное — Филиде! Она подумала: Джеймсу нелегко будет оправдаться за то, что он поощряет этого человека. Очень нелегко. Шок, который пережила Фил, невозможно забыть. И чего же Рэй ждет теперь, когда все разошлись? Мисс Парадайн шагнула к нему со словами:

— Думаю, пора пожелать друг другу доброй ночи. Лейн вас проводит.

В тот момент, когда смущение должно было бы возрасти, Элиот почувствовал, что неловкость окончательно его покинула. Разозлившись до такой степени, что ему стало все равно, он бодро произнес:

— Видимо, мистер Парадайн вам не сказал. Прошу прощения, но я заночую здесь. У нас очень важное дело, и мистер Парадайн настоял, чтобы я остался.

Мисс Парадайн утратила дар речи. Кровь прихлынула к лицу, резкие слова рвались с губ, подгоняемые гневом, который переполнял душу. Но она сдержалась. Сильнее обиды, сильнее всего остального было осознание того, что Филида слушает их разговор и что ошибка может дорого обойтись. Как бы Элиот ни провоцировал, нельзя сделать или произнести

нечто такое, что способно внушить Фиlide сочувствие к нему. Мисс Парадайн удержалась от колкостей и, осторожно подбирая слова, произнесла:

— Нет, он не сказал. Хотя, на мой взгляд, мог бы и предупредить.

Элиот умел восхищаться теми, кого не любил. Он очень не любил Грейс Парадайн, но не мог недооценивать ее как противника. Они сражались за Филиду, и Грейс победила. Гнев из-за бесполезности баталии одержал верх над восхищением.

— Согласен. Но я ни при чем. Мистер Парадайн срочно попросил меня приехать, я здесь уж точно не по собственному желанию. Сейчас мне необходимо с ним увидеться, поэтому я пожелаю вам спокойной ночи, — сказал он.

Грейс Парадайн склонила голову и отступила на шаг. Элиот взглянул на Филиду — та немедленно отошла от камина и приблизилась к нему.

— Спокойной ночи, Элиот.

Он ответил «спокойной ночи» и помедлил, желая узнать, что она сделает. Ну или потому что отвести взгляд было очень трудно.

Филида подошла вплотную, с тем же мечтательным ласковым видом, и подставила щеку для поцелуя. Это вышло так просто и естественно, что Элиот невольно ответил. Он слегка коснулся ее губами и отстранился. Филида, оглянувшись, произнесла: «Спокойной ночи, тетя Грейс», — пересекла комнату и вышла.

Элиот не испытывал никакого желания следовать за женой. Он был так поражен, что застыл на месте. Они любили друг друга, но расстались, а потом встретились совершенно случайно и беседовали как посторонние люди. Насколько же далека Филида от мыслей об их прежней страсти, полной любви и гнева, если способна подойти к нему и поцеловать так же, как поцеловала бы старенького дедушку! В странном оцепенении Элиот смотрел на Грейс Парадайн, пока та не вышла вслед за Филидой.

Глава 8

Оцепенение не прошло, пока Элиот беседовал с Джеймсом Парадаynom. Это продлилось недолго. По сути, Элиот воспользовался беседой как предлогом. Джеймс не ждал его и не хотел поддерживать разговор. Он сидел мрачный, исполненный сарказма, за письменным столом.

— Пришли признаться? Проваливайте! Я занят, иначе объяснил бы вам, какой вы глупец!

— Спасибо, сэр... Лидия сказала то же самое.

— Она чересчур импульсивна. Лидии нужен муж, способный держать ее в узде. Ричард не справится. Но сейчас речь не о них. Вы совершили глупость, придя сюда сегодня. Это подозрительно, вот что, в высшей степени подозрительно. — Джеймс коротко и резко рассмеялся. — Если кто-нибудь видел вас, вашей репутации конец. Все решат, что вы пошли сознаваться.

— В чем?

— В какой-нибудь глупости, — ответил Парадайн. — Дураков на свете больше, чем умных, и я пришел к выводу, что их сотворил дьявол. В любом случае уходите. Чертежи получите утром.

Элиот вышел и увидел в коридоре Альберта Пирсона, стоявшего с очень серьезным видом.

— Можно поговорить с вами, Рэй?

Меньше всего на свете Элиот хотел общаться с Альбертом, но отказаться было невозможно. Он все-таки намекнул: «А я-то думал, у вас дела», — но тщетно. Альберт ответил, что работа подождет, и последовал за Элиотом в его комнату. Она находилась в дальнем конце коридора — та самая комната, которую ему неизменно отводили в те времена, когда он еще не был женат на Филиде. Довольно просторная спальня, которая казалась бы больше, если бы ее не загромождали мебелью. Тут теснились кровать красного дерева, гардероб, комод, туалетный столик, умывальник, письменный стол, кресло и несколько стульев поменьше.

Альберт вошел, затворил дверь и спросил:

— Вы не против, если я побуду здесь до начала первого?

— Что?

Альберт повторил ужасную фразу:

— Вы не против, если я побуду здесь до начала первого? Понимаете,

он поставил меня в очень неловкое положение, поскольку я живу в доме. Семейству Амбросов хорошо — они могут уехать и обеспечить друг другу алиби. Ричард и Марк тоже. Мисс Парадайн и Филида побудут вместе, если захотят. А мне что прикажете делать, после того как он сказал: «До полуночи я буду ждать в своем кабинете»? Кто подтвердит, что я не пошел к мистеру Парадайну признаваться в том, на что он намекал за ужином? Если кого-то в этой семье и предпочтут увидеть виноватым, то именно меня. Вы, может быть, и не заметили, как они спешили удрать, но я-то заметил. Я один как перст, мое единственное достояние — репутация, и я не стану ею рисковать. Мне нужен свидетель, способный доказать, что я не встречался с мистером Парадайном, пока время не истекло.

Элиот прислонился к изножью кровати, сунул руки в карманы и сердито произнес:

— До моего прихода вам бы хватило времени, чтобы признаться.

Альберт покачал головой:

— Нет. Когда я пришел в кабинет, там был Лейн, он убирал поднос с напитками. Он может подтвердить. Наедине с мистером Парадайном я не провел и полминуты. Вряд ли кто-нибудь заподозрит, что я успел признаться бог весть в чем за тридцать секунд.

— Да, пришлось бы изрядно поспешить.

— Вот и прекрасно. Значит, если я пробуду здесь до начала первого, меня ни в чем не обвинят.

Элиот приподнял брови. Часы на каминной полке показывали четверть одиннадцатого. Он никогда не испытывал симпатии к Альберту. Два часа в обществе этого педанта казались безрадостной перспективой. Больше всего на свете Элиот хотел бы сейчас остаться один. Он произнес самым сухим тоном:

— Разговор окончен. Я иду спать.

Но Альберт был упрям. Парадаины вообще отличались упрямством, а миссис Пирсон, урожденная Милисент Парадайн, получила семейное прозвище Милли-Ослица.

— На кону моя репутация.

Элиот улыбнулся с наигранным добродушием:

— Я могу запереть вас и забрать ключ.

Сходство Альберта с покойной миссис Пирсон еще усилилось. Он подошел к креслу и сел.

— А вдруг у меня есть другой? Я не желаю рисковать. И потом, вы подумали о собственном положении? Кузина Грейс, сами знаете, вас недолюбливает. У нас есть общие интересы. Если мы побудем тут вместе,

она не сможет ни в чем обвинить ни одного из нас. Понимаете? А я засвидетельствую, что вы оставались наедине с мистером Парадайном недостаточно долго для того, чтобы в чем-либо признаться. Таким образом, мы оба благополучно вывернемся.

Трудно было бы подвести более краткий итог. Альберт просто констатировал факт. Элиот усмотрел в этой ситуации несомненную иронию, поэтому покорился неизбежному.

Альберт оккупировал единственное кресло, а Элиот уселся на постель и приготовился ждать. По крайней мере от него не требовалось активного участия в разговоре. Никто в целой Англии не умел произносить монологи лучше Альберта. Он подробно проанализировал японскую внешнюю политику за последние двадцать лет, после чего самым естественным образом перешел к краткому обзору жизни и деятельности маршала Чан Кайши. Слова порхали вокруг Элиота, не проникая в сознание и не мешая думать. Они даже приносили некоторое успокоение. Голос Альберта то становился громче, то затихал. Не было ни малейшей необходимости слушать его. Элиот и не слушал.

Временами он всплывал на поверхность — Альберт разглагольствовал о коммунизме, о пропорциональном представительстве, о разведении угрей. Но по большей части Элиот был погружен в собственные раздумья, пока безостановочно разглагольствовал мистер Пирсон.

Глава 9

Закрыв за собой дверь гостиной, Филида подобрала длинный белый подол и понеслась как вихрь вверх по лестнице, по коридору, в комнату в дальнем его конце. Не успев включить свет, она повернула ключ в замке, чтобы никто не зашел к ней поговорить — никто на свете.

Она включила свет и с облегчением осмотрелась. После буйства пунцовых оттенков гостиной ее комната казалась просто очаровательной: кремовые стены, светло-голубые занавески с изящным узором в виде ракушек, серебристо-серая мебель, отполированная в ходе долгого использования, серебристая кровать с бледно-синими простынями и подушками и сине-серым стеганым покрывалом, серый ковер без рисунка. Все здесь дышало свежестью и простотой, все было выбрано Грейс Парадайн.

Филида стояла в центре комнаты и ждала неизбежного — стука в дверь и голоса, зовущего ее по имени. Вскоре он прозвучал:

— Фил, дорогая...пусти меня.

Ручка поворачивалась туда-сюда. Филида быстро сказала:

— А, это вы, тетя Грейс? Я уже ложусь.

— Я лишь хотела пожелать спокойной ночи.

— Спокойной ночи, тетя Грейс.

Пауза. Потом звук удаляющихся шагов. Филида вздохнула. Наконец она действительно осталась одна. Она сразу включила свет — лампу над туалетным столиком и над большим зеркалом на стене. Комната светилась — кремовые, серебристые, незабудочно-синие тона, Филида в белом платье.

Она стояла, глядя в зеркало, и видела комнату и себя, как будто смотрела сквозь узкое окно в серебристой раме на какую-то другую девушку в другой комнате. Столько света и цвета, блеска и красоты! Перед ней была совсем не та девушка, которую она изучала в зеркале каждый день в течение года. Тысяча девятьсот сорок первый год кончался, и прежняя Филида уходила вместе с ним. Она больше не хотела ее видеть. Прежняя Филида стала кем-то другим.

Она смотрела и смотрела — а потом приблизилась, чтобы заглянуть в глаза своему отражению. И вдруг отвернулась, медленно отступила к стене и выключила свет, оставив только ночник возле кровати. По-прежнему двигаясь медленно, Филида присела на маленький низкий стул у камина.

Прошла четверть часа.

Наконец она встала, приблизилась к двери и отворила ее. За ней тянулся коридор, темный и пустой, яркая люстра не горела, струился только тусклый свет с лестницы. Царила тишина. Филида прислушалась, но не уловила ни единого звука.

Примерно через минуту она вышла из комнаты и, бесшумно закрыв дверь, двинулась по коридору. На одной стороне находились две двери — ванной комнаты и спальни Грейс Парадайн, — а с другой стороны дверь гостиной. Потом — короткий промежуток до лестничной площадки и широкие ступеньки, ведущие в прихожую.

На нижней ступеньке Филида вновь остановилась и прислушалась. В прихожей всю ночь горел свет. Слева были столовая и гостиная, справа — библиотека и обитая сукном дверь, ведущая в так называемое западное крыло. Несколько комнат в этом крыле Джеймс Парадайн отвел жене, когда она тяжело заболела, — спальню, гостиную, ванную и гардеробную. Их окна выходили на террасу и на реку. Туда вел коридор, соединявший их, библиотеку и бильярдную. Лестница в дальнем конце поднималась на второй этаж, где располагались спальни. Комната, некогда принадлежавшая миссис Парадайн, после ее смерти оставалась незанятой, но Джеймс Парадайн пользовался ванной, спал в гардеробной, а гостиную превратил в кабинет.

В этом кабинете он и ждал, не сводя глаз с двери и ловя малейшие звуки. На столе он держал наготове промокательную бумагу, письменные принадлежности и красивую серебряную чернильницу, которую преподнесли ему служащие по случаю свадьбы. Слева на краю стола лежала «Таймс».

Он сидел уже некоторое время, почти не двигаясь, когда в дверь чуть слышно постучали. Так тихо, что можно было даже не заметить. Джеймс Парадайн, как будто ожидавший этого, сказал:

— Войдите.

Трудно сказать, удивило его или нет появление Филиды. Девушка почти вбежала и тут же, словно силы ее покинули, остановилась, прислонившись к двери и цепляясь за ручку.

— Можно с вами поговорить, дядя Джеймс?

Его острый и пронизательный взгляд пугал Филиду в детстве и едва не напугал теперь. Она задыхалась чаще, в глазах отразился ужас.

Джеймс Парадайн сказал:

— Конечно, Филида. Садись. Только поверни ключ, чтобы нас не побеспокоили.

Она повиновалась, подошла к столу и опустилась на стул, на котором час назад сидел Элиот. На мгновение испуганный взгляд широко раскрытых глаз остановился на лице Джеймса Парадайна. Потом Филида покраснела и отвернулась.

Губы старика растянулись в легкой саркастической усмешке.

— Ну, Филида... ты хочешь признаться? — спросил он.

Она вновь взглянула на него.

— Думаю, да, дядя Джеймс.

— И в чем же?

Она быстро ответила:

— То, что вы сказали за ужином... вы ведь не имели в виду Элиота?

— А с чего ты взяла?

— Потому что он не стал бы... он не мог...

— Весьма похвальные чувства, дорогая моя. Жена всегда должна быть уверена в невиновности мужа.

Прозвучавший в голосе Парадайна цинизм заставил Филиду поднять голову и сказать простодушно, но гордо:

— Вы думаете, у меня больше нет права говорить от лица Элиота? Может быть. Но есть кое-что, чего он никогда не сделает.

Джеймс Парадайн кивнул:

— Так, так, милая, великолепно сказано. Чтобы снять с твоей души тяжесть, заверяю, что я не ожидаю от него признания. А вот как насчет тебя?

Филида опять опустила глаза.

— Это не то чтобы признание... но, по-моему... я сделала... не знаю, как сказать...

— Глупость? — подсказал Парадайн.

Она бросила на старика быстрый испуганный взгляд, в котором промелькнул слабый намек на горькую усмешку.

— Возможно... не знаю. Потому-то я и хотела с вами поговорить.

— Почему со мной? Я думал, Грейс — всеобщая наперсница.

— Она слишком разволнуется, — в отчаянии сказала Филида. — А я хочу поговорить с человеком, который не станет переживать... — Она запнулась и добавила: — ...так сильно.

Джеймс Парадайн взглянул на нее со странным проблеском юмора в глазах.

— Беспристрастная точка зрения. Понимаю. Ну что ж, говори.

Филида продолжила:

— Я не знаю, что тетя Грейс сказала вам в прошлом году... про нас с

Элиотом.

Черные брови Парадайна приподнялись.

— Сейчас припомню... вы вернулись из свадебного путешествия, провели Рождество в Лондоне с отцом Рэя и приехали к нам тридцатого декабря. Мы устроили обычный прием в канун Нового года, а шестого — или седьмого? — января Грейс сообщила мне, что вы расстались.

— Она объяснила почему?

— Она сказала... — голос Джеймса Парадайна звучал необычайно сухо, — ...насколько я помню, она сказала, что Рэй «повел себя в высшей степени недостойно», и намекнула, что у тебя есть основания для развода. На мой взгляд, это было рановато. Могу я поинтересоваться... ты, кажется, собираешься рассказать, что случилось на самом деле?

Филида ответила:

— Да. — Она подняла голову и взглянула на него. — Я никому об этом не говорила. Одни начинают слишком беспокоиться, другим наплевать. И все лезут с советами.

— Чертовски неприятная привычка, — подтвердил Парадайн и добавил: — Спасибо за доверие.

Филида не сводила глаз с дяди Джеймса.

— Тетя Грейс все для меня сделала, все возможное. Я очень благодарна, правда. Но порой, когда человек тебя так любит, возникает ощущение, что ты не можешь сделать и шагу, чтобы не причинить ему боль. Когда я обручилась с Элиотом, то именно это и почувствовала. Я обидела тетю Грейс, и с каждым днем она переживала все больше, и ничего нельзя было поделать. Она невзлюбила Элиота.

Джеймс Парадайн кивнул:

— Да уж, невзлюбила. Да будет позволено мне заметить, милая моя, что тете Грейс ни за что на свете не понравился бы человек, который сделал тебе предложение.

На лице Филиды вновь отразился испуг.

— Я очень огорчилась, но что тут поделаешь? Мы поженились и уехали в свадебное путешествие. А через два дня тетя Грейс получила письмо, которое задержалось на почте. Письмо от подруги, миссис Крэнстон. Я ее никогда не любила. Письмо было про Элиота.

— У женщин уникальный талант вмешиваться в чужие дела, — заметил Джеймс Парадайн.

— Она решила, что тете Грейс следует знать. Он... он...

— Что, дорогая?

Филида побледнела и договорила:

— Элиот попал в аварию. С ним в машине была девушка. Она пострадала. Ее привезли в дом Крэнстонов... вот почему миссис Крэнстон об этом узнала. Элиот сидел за рулем. Конечно, им обоим пришлось назвать полиции имя и адрес. Девушку звали Мейзи Дейл. Миссис Крэнстон сказала, что они жили в мотеле.

Мистер Парадайн снова приподнял брови.

— И все?

— Нет, конечно, нет. Просто... я никогда еще не рассказывала... это нелегко.

— Понимаю. Может, продолжишь?

Она кивнула:

— Да. Потом было еще кое-что. Я не видела письмо... и не хотела. По-моему, миссис Крэнстон ужасная женщина. Я думаю, она просто записала все, что услышала про Элиота и про ту девушку. Тетя Грейс страшно расстроилась. Мы ведь поженились. А миссис Крэнстон сказала, что Элиот встречается с другой. Понятия не имею, как она узнала.

— Миссис Крэнстон из тех женщин, для которых «знать» — это профессия, — сказал Джеймс Парадайн. — Кстати, девушка сильно пострадала?

— Нет-нет, миссис Крэнстон сказала, ничего страшного — она просто потеряла сознание. Она была в полном порядке, когда очнулась.

— Так. Дальше.

Филида покраснела. Она избегала взгляда Парадайна.

— Тетя Грейс... захотела выяснить, что происходит. Она наняла человека, чтобы провести расследование.

— Какая необыкновенная... предприимчивость.

— Она... она думала, что поступает правильно. Когда мы вернулись, я увидела, что она печальна. Я не знала, что делать... подумала, это потому, что я уехала. Но однажды тетя Грейс пришла ко мне и все рассказала. Она прочитала письмо миссис Крэнстон и едва добралась до конца, как вошел Элиот. Я даже не успела задуматься. Как будто налетел ураган... только что все было в полном порядке, а через минуту рухнуло. Элиот спросил: «В чем дело?», и тетя Грейс сказала: «Филида хотела бы услышать от тебя, кто такая Мейзи Дейл». Она даже не дала мне заговорить.

— Не сомневаюсь.

Филида снова смотрела на него. Глаза у нее блестели, щеки пылали.

— Элиот очень рассердился... они оба рассердились. Тетя Грейс сказала: «В июне ты провел с Мейзи выходные в гостинице „Приют коробейника“», а он ответил: «Не ваше дело, даже если и так». Тогда она

спросила: «Ты будешь отрицать, что встречаешься с ней?» Он ответил: «И это тоже не ваше дело». Она продолжила: «Ты будешь отрицать, что посетил ее не далее чем на прошлой неделе, вечером двадцать шестого декабря?», и Элиот сказал: «Я ничего не буду отрицать. А теперь уйдите отсюда и дайте мне поговорить с женой».

— И она ушла?

Филида покачала головой:

— Грейс сказала: «Ты надеешься, что сумеешь ее заболтать?»

— И что же ты ответила, Филида?

— Ничего... я промолчала. Конечно, это звучит глупо, но даже теперь, когда я вспоминаю тот день — наверное, в тысячный раз, — то не могу представить, что могла сказать в ответ. Все во мне замирает, я ничего не чувствую, ничего не хочу, просто не могу заговорить. Было такое ощущение, что пришел конец всему. Мне и сейчас так кажется, когда я вспоминаю. Они наговорили друг другу ужасных вещей. Потом Элиот сказал: «Я ухожу. Ты идешь, Филида?» Тетя Грейс подошла, обняла меня и ответила: «Нет». Элиот вышел из комнаты, хлопнув дверью, а я... право, это очень глупо... я упала в обморок. Я думала, он вернется, но он не вернулся. Я думала, он напишет, но он не написал. Тетя Грейс сказала, что он поехал к той девушке.

— Ты уверена, что он не писал?

— Что вы имеете в виду?

— На твоём месте я бы ждал письма.

— Но он не написал!

— На твоём месте я бы спросил у него лично.

— Спросить у Элиота?...

— Да, конечно. Теперь, когда он здесь, неужели ты намерена вновь дать ему уйти, не объяснившись?

— Но...

Джеймс Парадайн откинулся на спинку кресла и пристально взглянул на Филиду.

— До сих пор этот вопрос решали за тебя, разве не так? Очень влиятельный обвинитель, отсутствие адвоката, а обвиняемого даже не выслушали.

Филида растерялась:

— Но... Дядя Джеймс, позвольте мне продолжить. Я хочу рассказать о случившемся сегодня.

— Ради Бога.

— Когда Элиот вошел...

— Да, дорогая?

— Я была так несчастна... даже не думала, что можно быть настолько несчастной... но когда Элиот вошел, все изменилось. Как только увидела его, я просто до жути обрадовалась.

— Я заметил.

— О!..

— Дорогая, неужели ты правда думаешь, что никто не заметит, если ты, так сказать, зажигаешь сигнальные огни?

Она действительно их зажгла.

Филида проговорила негромко, со вздохом:

— Уже не важно... мне было все равно. — И она горячо добавила: — Вот почему я решила с вами поговорить. Наверное, я устала быть несчастной. Устала плыть по течению, не думая о том, без чего вроде бы нельзя обойтись. Вот что я хочу понять. Сами видите, тетя Грейс никак не успокоится, и я тоже, но я не знаю, есть ли Элиоту дело до меня. Может, уже нет.

— Я бы спросил у него, — быстро отозвался Джеймс Парадайн.

Он подался вперед, выдвинул один из ящичков стола и вытащил жестяную коробочку с гербом на крышке. Там лежали разноцветные карамельки. Джеймс выбрал лимонный леденец и протянул коробочку Филиде.

— Возьми конфетку, милая, и перестань думать о себе. Речь об Элиоте. Даже у обвиняемых есть права и чувства. Я бы на твоём месте выслушал его. Кстати, кто-то таскает у меня конфеты, я уже давно это замечаю. Альберт? Вряд ли. Любовь к карамелькам — естественная человеческая слабость. Но иногда я сомневаюсь, что Альберт тоже человек. А ты бы кого заподозрила? Как зовут ту румяную девицу, которая всякий раз багровеет, когда мы встречаемся в коридоре?

Филида рассмеялась, но голос ее дрожал:

— Полли Парсонс. Ей всего шестнадцать. Наверное, она любит сладкое.

— Придется выдавать ей паек. Как, по-твоему, она отреагирует, если увидит в ящике пакет с двумя унциями леденцов и надписью «Для Полли»?

Филида, отодвинув стул, встала.

— Думаю, она насмерть перепугается, — ответила она, и тут дверная ручка задергалась, а замок забрякал.

Выражение лица Джеймса Парадайна изменилось, когда он сказал:

— Подождите, я сейчас открою.

Джеймс приложил палец к губам, а другой рукой взмахнул, указывая

на необитаемую спальню. Уходя туда, Филица услышала, как он сделал несколько шагов. Едва она закрыла за собой дверь, как услышала звук ключа, поворачивающегося в замке кабинета.

В комнате, куда она вошла, царил тьма — непроглядная тьма. Филица не помнила, чтобы хоть раз бывала здесь раньше. Изредка она заглядывала в эту спальню, стоя на пороге, но не более того. В детстве это была для нее запретная территория. Беглые взгляды из коридора заставили запомнить довольно жуткие тяжелые темно-красные шторы, огромную кровать с четырьмя столбиками, покрытую чехлом, и массивную мебель красного дерева. Гардероб занимал все пространство между дверью и окном по левую руку.

Сейчас Филица пыталась припомнить, где стоит другая мебель. Ей предстояло добраться до двери, выходящей в коридор, ни во что не врезавшись. Казалось, где-то тут был комод... да, вот он — высокий и тяжелый, справа от того места, где она стояла. Если сделать пять шагов вперед, затем повернуть и пойти прямо, она непременно окажется у двери.

Едва Филица собралась шагнуть, как из кабинета донесся голос Джеймса Парадайна и другой, тоже знакомый ей. Она быстро отсчитала пять шагов в темноте, повернула и пошла вперед, вытянув руки, пока наконец не коснулась двери.

Глава 10

Примерно в половине двенадцатого Элиот Рэй проснулся. Альберт вещал о том, как угри мигрируют в Саргассово море, чтобы там размножаться, но теперь его наставительная речь сделалась в высшей степени непереносимой. Как непрерывное падение капель в одну точку, голос Альберта сначала стал нестерпимым, а затем превратился в сущую пытку. Элиот встал и, потянувшись, сказал:

— Давайте выпьем.

Альберт уставился на него, явно продолжая думать об угрях. Сквозь толстые стекла очков глаза секретаря казались бычьими, только меньше. Они были точно такие же карие и выпуклые. Представьте быка с обиженным взглядом — и перед вами Альберт.

Элиот усмехнулся:

— Ну же. Лейн обычно оставляет поднос в столовой. Пойдемте разведем.

Комнаты в этой стороне дома находились непосредственно над апартаментами Джеймса Парадайна, библиотекой и гостиной. Чтобы добраться до столовой, нужно было либо спуститься по лестнице в конце коридора, либо, повернув налево, сойти в зал. Именно этим путем они поднялись. Он был самым коротким и вдобавок избавлял от необходимости проходить мимо кабинета.

Элиот повернул налево и преодолел небольшое расстояние, отделяющее его комнату от центральной лестницы. Сначала обзор был преимущественно скрыт массивной золоченой люстрой. Она не горела и подсвечивалась снизу одинокой лампой. Но стоило выйти на площадку, как становился виден зал — и большая дверь красного дерева, которая вела в прихожую и на крыльцо. Правая створка двери подрагивала. Впоследствии Элиот старательно вспоминал эту минуту — насколько он уверен, что дверь двигалась? Он, подобно Галилею, упрямо твердил: «И все-таки она двигалась». Когда он достиг площадки и повернул, чтобы пойти дальше, створка замерла. Элиот подумал: если у Джеймса Парадайна гость, это не его дело, и в любом случае уже слишком поздно, чтобы понять, кто там.

Когда они спустились в холл, с верхнего этажа донесся какой-то звук. Как и движение двери, это было скорее ощущение, чем несомненный факт.

Элиот направился в столовую, где увидел разбавленное виски и содовую. Он наблюдал, как Альберт Пирсон варит себе на спиртовке какао.

Альберт был не прочь продолжить разговор об угрях, но Элиот прямо сказал, что уже усвоил всю информацию, которую в силах вместить, и предупредил, что об алиби придется забыть, если ему придется выслушать еще хоть что-нибудь. Поэтому Альберт теперь с высокомерным видом молча утешался какао.

Когда они вышли из столовой, Элиот попытался проанализировать свои ощущения. Он не сомневался, что какой-то звук был — наверху над гостиной. Там спали Грейс Парадайн и Филида. У каждой в распоряжении имелись отдельная гостиная и ванная. Больше там никто не жил. Комнаты слуг были дальше, в отдельном крыле. Если кто-нибудь и производил какие-либо звуки, то именно Филида или мисс Парадайн. Элиоту показалось, что наверху ходили. Он задумался, но ни на йоту не приблизился к разгадке. Что именно он слышал? Шаги? Или кто-то открыл либо закрыл дверь? Смутное, нечеткое впечатление. Он уловил какой-то звук — возможно, движение. Элиот вернулся в свою комнату и увидел на часах на каминной полке восемь минут двенадцатого.

Настал 1942 год. Альберт Пирсон больше не нуждался в алиби.

Глава 11

Чуть раньше, когда Элиот Рэй и Альберт Пирсон находились в столовой, Джеймс Парадайн все еще сидел за столом в кабинете. Минули три часа с тех пор, как в семейном кругу разорвалась бомба. Если старика и одолевали какие-то чувства или усталость, то он не подавал виду. Напротив, выглядел как человек, для которого время прошло быстро и приятно. Сидя в ожидании, пока часы пробьют двенадцать, Джеймс Парадайн, казалось, пребывал в мире с самим собой и с окружающим миром. Хотя он хмуро сдвинул брови, когда остановился беглым взглядом на хорошо заметном картонном тубусе на краю стола, выражение его лица быстро изменилось. Хмурая складка на лбу, как и саркастическая улыбка, исчезла. Взгляд упал на маленький ежедневник в кожаном переплете, лежавший поодаль корешком вверх. Ярко-синий переплет отчетливо выделялся на фоне темно-красной столешницы. Джеймс Парадайн потянулся к нему, перевернул, вопросительно посмотрел на дату — первое февраля — и опустил, уже закрытый, на промокашку. Потом он на некоторое время как будто погрузился в приятные размышления.

Наконец Джеймс Парадайн встал, вытащил из правого кармана брюк связку ключей, подошел к шкафчику, стоявшему у камина, отодвинул его от стены и открыл скрывавшийся за ним сейф. Он извлек несколько старомодных футляров из красной кожи, с золотыми инициалами «К.П.». Кожа выцвела, золото потускнело, но лежавшие в футлярах бриллианты по-прежнему ярко сверкали. Ожерелье, которое можно было носить как диадему, серьги с солитерами, кольца с бриллиантами, полукруглыми и овальными, браслеты, кулоны, броши... проведя двадцать лет в темноте, они сияли так же ярко, как и в те дни, когда Клара Парадайн надевала их, позируя для портрета, который теперь висел над камином.

Парадайн перевел оценивающий взгляд с подлинных драгоценностей на изображенные на портрете. Картина была хороша, Клара и бриллианты вышли прекрасно. Он выложил за камушки кругленькую сумму. Никто не носил их с тех пор, как Клара умерла. Парадайну даже в голову не приходило отдать украшения Бренде или Ирен; дочери или невестке Клары — возможно, но бриллианты принадлежали Парадайнам и составляли часть семейного капитала.

Джеймс убрал футляры обратно в сейф, запер и придвинул шкаф к стене. С ключами в руке он шагнул к камину, чтобы посмотреть на часы.

Без двух минут двенадцать... Видимо, никто так и не постучит в дверь кабинета. Скоро Новый год. Необычный вечер, подумал Парадайн, но отнюдь не потраченный впустую.

Он подошел к стене и выключил свет. А потом по привычке раздвинул тяжелые шторы, отгораживавшие эркер, и отпер дверь на террасу. Выглянув наружу, Парадайн заметил, как изменился пейзаж с тех пор, когда он стоял здесь перед ужином. Слева еще виднелся молочный блеск, но сама луна скрылась из глаз. Поднялся ветер и прикрыл ее черными облаками. Скоро она полностью померкнет. За спиной, в комнате, послышался первый из четырех ударов, предупреждавших о наступлении нового часа. Джеймс Парадайн вышел на террасу, приблизился к парапету и постоял, глядя вниз. Последний отблеск лунного света отразился в реке, там, где она сворачивала у Хантерз-Ли. Парадайн почему-то подумал о бриллиантах, которые запер в сейф. Потом стало темно.

Когда последний, двенадцатый, удар часов замер в пустой комнате, темные облака расступились, и полил дождь.

Глава 12

Через полчаса все в доме стихло. Звук шагов в комнатах над кабинетом, шум воды, льющейся в раковину, урчание и бормотание труб... все прошло. Элиот, освеженный ванной, заснул сразу, как только голова коснулась подушки. В доме царила абсолютная тишина, которая окутывает жилье, когда мысли и движения людей замирают. Это — живая тишина, столь же отличная от пустоты и спокойствия необитаемого дома, как сон от смерти.

Филиде снилось, что она в сумерках гуляет по саду. Воздух был напоен ароматом роз, и она знала, что Элиот где-то рядом. Она чувствовала тепло его руки, но не видела лица. Потом какая-то женщина под длинной черной вуалью вышла из темноты и увела Элиота. Филида не рассмотрела ее, но подумала, что это Мейзи Дейл. Во сне ее гордость совершенно исчезла. Она побежала следом, окликая Элиота, но он исчез, а женщина повернулась и отбросила вуаль, оказавшись не Мейзи Дейл, а Грейс Парадайн. Она сказала: «Я никогда тебя не отпущу».

Филида проснулась, и в ее ушах эхом отдавалось нечто вроде крика. Она не знала, что именно услышала, и лежала в темноте, испуганная. Ощущение, что она едва-едва избежала опасности, преследовало ее и наяву.

Протянув руку, она включила лампу на столике. Уют и безопасность комнаты быстро успокоили ее. Сон прошел. Она моргнула, глядя на свет, и увидела, что стрелки маленьких хромированных часов указывают на половину первого. Ужасный год остался позади. Филида обрадовалась, что не пришлось сидеть и провожать его. Пусть он ускользнет и забудется, как нежеланный гость, который задержался чересчур долго и о чьем уходе никто не жалеет.

Она вновь выключила свет и задумалась, не повидаться ли с Элиотом с утра. Тогда никто им не помешает. Филида решила: «Я попрошу его зайти ко мне в гостиную». Она усмехнулась — как забавно планировать тайное свидание с собственным мужем. Очень забавно и мило. В ней крепло ощущение, что неприятности остались позади. Успокоившись, Филида погрузилась в сон без сновидений.

В обычае Лейна было заходить к мистеру Парадайну ровно в половине восьмого. Процедура оставалась неизменной. Преодолев дюжину ступенек, он ставил поднос, закрывал открытое окно, задерживал занавески и включал свет. В первое утро 1942 года Лейн совершил привычный ритуал,

обернулся к кровати и с удивлением обнаружил, что она пуста.

Лейна охватили волнение и тревога, потому что в постель явно никто не ложился. Аккуратно откинутае одеяло, несмятые подушки, сложенная пижама в красно-белую полоску. Лейн так испугался, что счел необходимым подойти поближе и потрогать постель, после чего зашел в ванную комнату, в полной уверенности, что у мистера Парадайна случился какой-то внезапный приступ. Но там царил полный порядок — непримятый ворс на коврике, сухая ванна, зубная щетка и паста в ящичке.

Лейн, не на шутку встревоженный, пересек кабинет и приблизился к высокой двери за занавесками. Он еще больше переполошился, потому что дверь оказалась не заперта и даже приоткрыта. В щель задувал ветер, холодный и слегка влажный. Должно быть, ночью шел дождь. Ветер пах грозой. Лейн распахнул дверь и выглянул.

Было очень тепло. До рассвета оставалось не меньше часа, и Лейн ничего не видел. Хотя прекрасно знал, какое расстояние отделяет его от парапета, который окружал террасу, он не мог его разглядеть.

Вернувшись в комнату, Лейн нашел фонарик, включил и снова вышел на террасу. Дождь, судя по всему, был сильный. Повсюду в углублениях истертого камня скопилась вода. Луч фонарика отражался от мокрых плит и только сбивал с толку. Лейна трясло, как он ни старался овладеть собой.

Он подошел к парапету, высотой не более двух футов, и постоял там с фонариком в руке.

— Я всегда говорил. Лиззи подтвердит, я тысячу раз говорил: небезопасно стоять на таком обрыве, если ограда всего два фута. Я предупреждал.

Слова вылетали беззвучно, хотя губы двигались.

Наконец Лейн поднял фонарик и направил луч вниз, через стену, вдоль длинного склона, на тропинку у реки. Там что-то было, какой-то темный ком лежал на тропке, неподвижный, как камень на берегу.

Лейн перестал дрожать. Внезапно он обрел удивительную уверенность. От правого угла террасы к маленькой лужайке вела лестница, от которой начиналась каменистая тропинка, доходившая до берега реки. Она то несколько метров шла прямо, то на ней появлялись деревянные ступеньки, скользкие от дождя. Лейн привычно спустился. Здесь ходили в хорошую погоду летними вечерами, направляясь к лодочному сараю, но никак не в темноте январского утра. Лейн вспомнил, что настал Новый год.

Он спустился к реке и осветил фонариком темное распростертое тело. Перед ним лежал Джеймс Парадайн, мертвый.

Глава 13

Филида проснулась в темноте от стука в дверь и инстинктивно пробормотала спросонок: «Войдите». Дверь открылась и закрылась, зажегся свет — к ней приближался Элиот, кое-как одетый, с растрепанной светлой шевелюрой и искаженным мрачным лицом. С первого же взгляда радость Филиды улетучилась. В сердце закралась уверенность, что произошло нечто жуткое. Филида даже не нашла ничего странного в том, что Элиот здесь. Она тут же выскочила из постели, ее волосы рассыпались по плечам.

— Что случилось? Элиот, в чем дело?

— Плохие новости.

Филида дрожала. Она схватила мужа за плечо, чтобы успокоиться.

— Мистер Парадайн... произошел несчастный случай.

— Несчастный случай?... — Она изо всех сил цеплялась за него, и обоим это казалось совершенно нормальным.

Элиот сказал:

— Он мертв.

По щекам Филиды потекли слезы.

Элиот продолжил:

— Лучше сядь. Послушай, Фил, ты должна собраться с духом. Очень многое будет зависеть от того, что мы сделаем и скажем... мы все. Нужно крепиться и не терять присутствия духа. — Он подвел ее к постели, и оба сели на край. — Его нашел Лейн. Мистер Парадайн упал с террасы. Он лежал прямо на тропинке у реки. Ты же знаешь, что перед сном Джеймс всегда выходил подышать свежим воздухом и посмотреть на реку. Он не пропускал ни единого вечера, в любую погоду. Должно быть, у бедняги закружилась голова и он упал через парапет. Постель была не смята, дверь кабинета открыта. Лейн вышел с фонариком и увидел хозяина. Он позвал меня, а я разыскал Альберта. Альберт обзванивает тех, кого следует оповестить, — Моффета, Фрэнка Амброза, Марка и Дики, доктора Гортонна и полицию.

Филида по-прежнему цеплялась за него. Ее хватка усилилась.

— Полицию...

Элиот произнес до странности спокойным голосом:

— Поскольку это несчастный случай... Когда происходит несчастный случай, нужно обязательно уведомить полицию.

Вздвогнув, Филица разжала пальцы и повернулась к Элиоту.

— Что ты имел в виду... когда сказал... что многое будет зависеть... от наших слов?

Элиот ответил не сразу. Он встал, взял светло-синий халат, лежавший на обитом ситцем кресле, и подал жене.

— Надень.

Набросив халат на плечи Филицы, он рассудительно произнес:

— Я считаю, ты должна обо всем известить мисс Парадайн. И всем нам нужно подумать, что мы скажем полиции.

Завязывая на талии поясок халата, Филица подняла голову и испуганно спросила:

— О чем ты?

— О том, что произошло вчера вечером за ужином. Мы не можем притвориться, будто ничего не было. То, что сказал мистер Парадайн, слышали все. Если мы намерены молчать, значит, всем придется держать язык за зубами. Если кто-то решит заговорить... если хотя бы один проболтается... у полиции возникнет множество вопросов.

Филица спросила:

— И что ты намерен делать?

Их взгляды встретились. Он смотрел жестко, сердито, неприязненно.

— Не знаю. — И, сделав паузу, внезапно добавил: — А был ли это несчастный случай?

— О!

Он продолжил, не сводя с жены суровых глаз:

— Вот именно. Ты не знаешь, и я не знаю. Если да, кому-то здорово повезло. Ты слышала, что он сказал. Мы все слышали. Кто-то в доме предал семейные интересы, и мистер Парадайн об этом открыто объявил. У него были свои представления о наказании, он намеревался решить проблему в кругу семьи, но виновный вряд ли отделался бы легко. Мистер Парадайн не собирался гадать, кто виноват. В том-то и дело: он знал. И пообещал сидеть в кабинете до полуночи. Пусть виновник признается и примет последствия — вот как он сказал. И кто-то пришел и сознался. Но наказания не последовало, потому что произошел несчастный случай. Так обстоят дела.

Краска сбежала с лица Филицы.

— Откуда ты знаешь... что кто-то пришел и признался?

Элиот ответил:

— Знаю.

— Но... откуда?

Помедлив, он сказал:

— Кое-что пропало. А потом оказалось на месте.

— Что пропало?

Он покачал головой:

— Не спрашивай пока. Но в любом случае мне известно, что вчера ночью кто-то побывал в кабинете.

Филида взглянула на Элиота и призналась:

— Я там была.

Его рука тяжело опустилась на ее плечо.

— Ты понимаешь, что говоришь?

Она кивнула:

— Конечно, понимаю. Я пошла в кабинет, поскольку хотела поговорить с дядей Джеймсом.

— После того, что он сказал за ужином, у тебя хватило глупости пойти к нему?

Отчего-то грубость Элиота оказала необыкновенно воодушевляющее действие на Филиду. Вежливые незнакомцы не ругаются. Вот он, Элиот, — в гневе. Нечто очень приятное и знакомое.

— Да перестань. Я ни о чем таком не подумала. Просто хотела с ним поговорить.

Ни один мужчина не в состоянии понять, какой хаос творится в голове у женщины. Элиот уставился на жену.

— Он объявил сама знаешь о чем за ужином, и ты «не подумала»? Ты просто хотела поговорить? О чем же?

— О нас с тобой.

Он отступил и стал расхаживать по комнате, пока не наткнулся на туалетный столик. Элиот остановился, повернувшись к Филиде спиной, перебирая мелочи, которые на нем лежали, — ножницы, пуховку, маленькую баночку с кремом, карандаш.

— Зачем тебе это понадобилось?

Улыбка на мгновение показалась на губах Филиды, дрогнула и исчезла, ее глаза увлажнились. Если бы Элиот взглянул в зеркало, он бы все увидел. Но он не отводил взгляда от дурацких безделушек, которые отчего-то бередили сердце и вызывали необъяснимую злость.

Филида ответила:

— Я подумала, что так надо.

Элиот развернулся и подошел к жене.

— Кто-нибудь видел тебя, когда ты приходила или уходила?

— Кажется, нет.

— Во сколько это было?

— Не знаю... в одиннадцатом часу. Я пробыла в кабинете минут двадцать, но, честное слово, точно не помню. Я тогда не смотрела на часы.

— Что значит «тогда»?

На лице Филиды отразился испуг. Она подошла ближе.

— Потом я легла спать... и проснулась... потому что приснился кошмар. А когда я открыла глаза, мне показалось, что я слышу крик. Элиот, ты думаешь, что...

Он быстро спросил:

— И ты посмотрела на часы? Сколько было времени?

— Едва за полночь... может, прошло всего полминуты. Я включила свет и выглянула. Значит... это случилось тогда?

— Похоже на то. Послушай... не распространяйся об этом ни с кем. Ты вернулась к себе около десяти, легла спать и проспала до утра. Ты ничего не слышала и ничего не знаешь — вот твоя тактика. Молчи как рыба. Ты меня слышишь?

Она отозвалась:

— Я... не уверена...

Элиот схватил Филиду за плечи и встряхнул.

— Ты слышала, что я сказал? Ты сделаешь то, что тебе велено! Я не хочу, чтобы ты в это впутывалась, и точка!

Что-то в глубине души Филиды запело. Если бы Элиоту было наплевать на нее, он бы так не злился. А он страшно разозлился. Ее муж стоял, до синяков стискивая ей плечо. Она опустила голову, скрывая то, что не желала выказывать. И в это мгновение открылась дверь — вошла Грейс Парадайн.

Успев собрать в высокий пучок волосы, она не нашла времени переодеться и была в халате сливового цвета и шлепанцах, отделанных мехом. То, что увидела мисс Парадайн, несомненно, могло подать повод к неверному толкованию: Филида стояла, опустив голову, а Элиот держал ее за плечи. Это напоминало незавершенные — или едва начавшиеся — объятия. Глаза Грейс Парадайн блеснули, когда она спросила:

— Что здесь происходит?

Элиот пожалел, что приличия воспрепятствуют ему дать ответ, мгновенно пришедший на ум. Нельзя пикироваться с женщиной, которой предстоит узнать, что она только что лишилась брата в результате несчастного случая. Он лишь бросил:

— Филида вам расскажет, мисс Парадайн. — И вышел из комнаты.

Грейс Парадайн подошла к Филиде и обняла ее.

— Ну, девочка, не расстраивайся. Я даже не думала, что... Да как он посмел сюда прийти? Это возмутительно! Но, пожалуйста, не огорчайся, я уж позабочусь, чтобы впредь такое не повторилось.

Филида не поднимала лица. Она негромко ответила:

— Я расстроилась не из-за Элиота, тетя Грейс.

Грейс Парадайн застыла.

— А из-за чего?

Филида собралась с силами. Если именно ей предстояло сообщить страшную новость, нужно было сделать это быстро, поэтому она продолжила:

— У нас беда. Элиот пришел, чтобы рассказать. Случилось нечто ужасное. Дядя Джеймс...

— Что?! — в ужасе произнесла Грейс Парадайн.

— Тетя Грейс... он умер.

Глава 14

Семья собралась в гостиной мисс Парадайн — красиво обставленной комнате с темно-синими шторами и мебелью, обитой такой же тканью. Там стояли несколько кресел в стиле XVIII века и старое ореховое бюро, на гладких кремовых стенах висели полдюжину неплохих акварелей. Но в первую очередь внимание привлекали и удерживали многочисленные фотографии Филиды, снятой во всех ракурсах, — с раннего детства до недавних журнальных вырезок. Разумеется, за одним примечательным исключением. Нигде, хотя бы на любительском снимке, не было Филиды в свадебном платье. Фотографии запечатлели Филиду Парадайн, а не Филиду Рэй. Впрочем, лишь посторонний человек удивился бы этому. В семье слишком привыкли, чтобы обращать внимание, — а сейчас здесь собрались только свои. Грейс Парадайн, Фрэнк и Бренда Амброз, Марк и Ричард Парадаины — сестра, пасынок, дочь, племянники. И Филида.

Мисс Парадайн держала речь, когда в комнату вошел Элиот Рэй. Он закрыл за собой дверь и окинул взглядом присутствующих — Грейс Парадайн и Филида на кушетке, Марк у окна, спиной к собравшимся, Фрэнк Амброз и Дики у камина (Фрэнк стоял, облокотившись на каминную полку, Дики крутил какой-то шнурок, оба явно напряжены и растеряны). Бренда, прямая как кол, в старинном кресле, черная фетровая шляпка чуть съехала набок.

Грейс Парадайн не обратила никакого внимания на то, что дверь открылась и закрылась. Она продолжала низким звучным голосом:

— Я сомневаюсь, что здесь могут возникнуть какие-либо вопросы. Брат был не в себе. Не помню, когда я в последний раз испытала такой шок. Нет никакой необходимости упоминать о случившемся — это было бы величайшей несправедливостью по отношению к его памяти. Он никогда бы не сказал такое, находясь в здравом уме. Это... — низкий голос задрожал, будто у мисс Парадайн перехватило горло, — ...это так мучительно. Мы все понимаем, что произошло, и, несомненно, хотим забыть как можно быстрее. Мы не желаем помнить Джеймса таким...

Она слабо улыбнулась и обвела взглядом остальных.

Поскольку Марк стоял, отвернувшись, невозможно было понять, о чем он думал. Бренда сидела с упрямым видом, Фрэнк Амброз — с мрачным и недоверчивым. Только Дики как-то отреагировал на слова Грейс Парадайн. Элиота подчеркнуто игнорировали, но первым заговорил именно он. Он

выступил вперед, присоединившись к компании у камина, и сказал:

— Насколько я понимаю, вы обсуждаете, рассказывать ли полиции о том, что случилось за ужином вчера вечером.

— А с какой стати? — с вызовом поинтересовалась Бренда — это было так неожиданно, что все уставились на нее. — Это наше дело.

Дики кивнул:

— Конечно. Зачем кому-то знать? Чушь какая! Не понимаю, что тут обсуждать. Тетя Грейс права: никто не сомневается, что вчера вечером дядя был не в себе. Я решил, что он слегка спятил — наверное, и вы так подумали. Конечно, все это очень грустно и неприятно. Бредовая идея, как еще можно сказать. Ночью он вышел на террасу, как всегда, чтобы посмотреть на реку, и упал с обрыва. Наверное, закружилась голова. Очень скверно, но мы ведь не хотим усугублять ситуацию и делать из мухи слона.

— Да, дело скверное, — сказал Фрэнк Амброз и добавил: — Вряд ли полиция будет задавать вопросы, на которые мы не сумеем ответить. С чего бы?

Но его голос звучал без особой уверенности. Слова Фрэнка лишь обескуражили собравшихся.

Нарушая затянувшуюся мрачную паузу, Элиот произнес:

— Нас спросят, вел ли он себя вчера вечером как обычно, и захотят узнать, кто видел его последним.

На сей раз тишина была не просто мрачной, но казалась взрывоопасной. И вновь паузу нарушил Элиот. Он повторил то, что сказал Филиде:

— Если мы намерены держать язык за зубами, то молчать должны все. Давайте посмотрим на события объективно. Вчера вечером за ужином, не считая мистера Парадайна, нас сидело десятеро. Он выдвинул серьезные обвинения против одного из родственников. Не назвал имени, но сказал, что знает провинившегося. Также он объявил, что намерен наказать этого человека по-своему и что мера возмездия будет зависеть от того, получит ли он откровенное признание до полуночи. Он сообщил, что до тех пор будет сидеть в кабинете. Все знают, что мистер Парадайн не бросал слов на ветер. Если он пообещал сидеть в кабинете до двенадцати, значит, он действительно сидел там до двенадцати. И все знают, что он никогда не ложился спать, не выйдя предварительно на террасу и не полюбовавшись видом. Он не раз об этом говорил и в течение пятидесяти лет не пропустил ни одного вечера, если только не был в отъезде. Если полиция сложит три факта воедино, то, несомненно, задаст вопросы, на которые нам уж точно не захочется отвечать. Будет гораздо лучше, если мы промолчим, но если

один из нас проболтается, влипнут все. И сейчас нужно понять, можно ли положиться на всех присутствующих.

Грейс Парадайн, избегая смотреть на него, произнесла с нажимом:

— Это семейное дело.

Намек был слишком откровенным, чтобы не заметить. Элиот Рэй лез в дела, которые его не касались. Он принял вызов.

— Нет. Это дело, по поводу которого должны условиться все десять человек, к которым обратился мистер Парадайн вчера вечером. Пирсон сейчас занят, но он скоро придет. Как насчет Ирен и Лидии? Вы сможете поручиться за них, Фрэнк? Времени не так уж много, сами понимаете. Инспектор захочет пообщаться с мисс Парадайн. Что скажете?

Он обращался к Фрэнку Амброзу, но ответила Бренда. Она издала короткий смешок, в котором не было ни капли веселья, и сказала:

— Лидия и Ирен! Да они не в состоянии молчать, даже когда хотят! Честно говоря, сомневаюсь, что они хоть раз этого хотели!

Фрэнк Амброз мрачно нахмурился:

— Им придется. И точка.

— А если нет?

— Придется, — повторил он, пожал плечами и выпрямился. — Я хочу сказать вот что. По-моему, мы преувеличиваем то, что случилось вчера вечером. Я согласен с тетей Грейс: он был не в себе. И точка. Ситуация очень неприятная, и я полагаю, что никому не хочется ее обсуждать. Поэтому предлагаю прекратить разговоры. Полиция тут совершенно ни при чем, и вчерашнее не имеет никакого отношения к несчастному случаю, который произошел с Патриархом. Давайте закроем эту тему.

Грейс Парадайн ответила:

— Согласна.

Повисла пауза, которую прервала Бренда Амброз, заговорившая весьма решительно:

— Интересно, с чего дядя вообще это взял? И можно ли узнать, заходил ли вчера кто-нибудь к нему в кабинет?

Филида вспыхнула. Элиот заметил только потому, что смотрел на нее. Ощущая переполняющий душу гнев и гадая, не увидел ли еще кто-нибудь, как Филида покраснела, он подумал, что Лидия права: его жена похудела. Дурацкое серое платье... Филида в нем напоминала привидение. Но наверное, ей пришлось его надеть. Бесчеловечный, варварский обычай — траур. Элиот встретился взглядом с Филидой и дал понять: надо молчать. А потом он повернулся к Бренде:

— Об этом полиция также спросит. Кто видел мистера Парадайна

последним? Я пробыл с ним минуту-другую, после того как расстался с вами в гостиной. Если больше никто к нему не заходил, значит, ответственность лежит на мне.

Грейс Парадайн окинула его быстрым взглядом:

— Вы заходили к Джеймсу в кабинет?

— Да.

— Могу ли я узнать зачем?

— Разумеется, и я охотно отвечу. Вчера вечером он попросил меня остаться, поскольку у нас остались дела. Я заглянул в кабинет, чтобы пожелать хозяину дома спокойной ночи. Я не пробыл там и трех минут — это может подтвердить Альберт. Он видел, как я вошел, и подождал в коридоре, пока я выйду.

Бренда устремила на Элиота светлые глаза и произнесла тоном человека, сделавшего открытие:

— Альберт... ну конечно! Держу пари, что Патриарх имел в виду именно Альберта... да я готова поклясться! Интересно, что он натворил? Выдал служебную тайну или оказался нечист на руку? Если хорошенько подумать, самый вероятный кандидат — это Альберт...

Элиот рассмеялся:

— Дорогая Бренда, именно так рассудил и сам Альберт. Вот почему он меня дождался. Он прямо сказал, что родственники попытаются обвинить его. Он хотел создать себе алиби, поэтому торчал в моей комнате до полуночи. С тем же успехом я мог провести вечер наедине с «Британской энциклопедией». Но я с полной уверенностью заявляю: Альберт даже не подходил к кабинету — а если и подходил, то после того, как произошел несчастный случай.

— Но никто не знает, когда именно дядя Джеймс погиб. Разве полиция сможет это определить? — поинтересовался Дики.

Элиот взглянул на него:

— Вполне, потому что в первом часу начался дождь, а земля под телом была сухая. Инспектор говорит, это случилось до дождя. Мы с Альбертом примерно в то самое время пошли в столовую выпить. Мы вернулись в мою комнату и распрощались приблизительно в десять минут первого. Боюсь, делать Альберта виновником семейной драмы — пустая трата времени.

— Жаль... — отозвалась Бренда, и тут открылась дверь, и вошел Альберт Пирсон.

— Инспектор хотел бы поговорить с мисс Парадайн.

Грейс Парадайн поднялась.

— Лучше я приму его здесь. Что скажете?

— Закройте дверь, Альберт, — велел Элиот. — Мы условились не говорить о том, что произошло вчера вечером за ужином.

Альберт ответил:

— Да, да. Не будите спящую собаку... и так далее. Но нам придется нелегко.

Впервые Марк Парадайн повернулся к собравшимся. Он стоял, глядя на мокрую гравиевую дорожку, побуревший от мороза газон и темный сырой кустарник — больше из окна ничего не было видно. Вид на реку открывался только из гостиной Филиды. Мисс Парадайн довольствовалась куда более скромной панорамой.

Вряд ли Марк признавал, на что смотрит. Он повернулся — и Элиот увидел, насколько тот потрясен. Темная кожа обрела землистый оттенок, мускулы были напряжены, челюсти крепко сжаты. Судя по всему, Марк не спал ночь. Он резко спросил:

— Что вы имеете в виду?

Альберт слегка подался вперед:

— Ну... что нам предстоит пережить неприятные минуты.

— Что вы имеете в виду?!

— Детективы не удовлетворены. Я поговорил с полицией — сделал что мог, но этого недостаточно.

— Что значит «не удовлетворены»?

Марк стоял, глубоко сунув руки в карманы. Элиот догадался, что кулаки у него крепко стиснуты. Он весь был как сжатая пружина, готовая разжаться. У Элиота по спине пробежал холодок. Марк ему всегда нравился.

Альберт произнес — как всегда, с легким оттенком самодовольства:

— Они не согласны, что это несчастный случай.

— А что же?! — с сильнейшим негодованием воскликнула Грейс Парадайн.

Альберт повернулся к хозяйке:

— Мне не сказали, мисс Парадайн, но полицейские однозначно сомневаются. На теле много царапин и ушибов, которые, судя по всему, появились от удара о парапет. Доктор Гортон говорит, что, видимо, мистер Парадайн очень сильно ударился. Полицейские полагают, что так вряд ли могло случиться, если бы у него просто закружилась голова. Боюсь, мы оказались в неприятной ситуации.

Глава 15

Инспектор Вайнер походил на добродушного быка в посудной лавке. Он с особой остротой сознавал, что ботинки у него не только огромные, но и грязные, и что вся ситуация, как выразился мистер Пирсон, довольно неприятна. Предыдущие визиты к мисс Парадайн он наносил по таким приятным поводам, как помощь полицейских при разъезде гостей во время светских мероприятий. Еще хозяйка дома жертвовала крупные суммы на вечеринки стражей порядка и на благотворительность. Но конечно, дело есть дело, а долг есть долг. В глубине души инспектор жалел, что доктор Фриз, полицейский эксперт, так уверенно заговорил о ссадинах и синяках. Доктор Гортон изо всех сил старался облегчить бремя для близких погибшего — в конце концов, он не зря оставался семейным врачом в течение почти двадцати лет. Но когда Фриз поставил его перед фактами... ошибка исключалась, Гортон не мог спорить. Он бы и хотел, но не видел никакого выхода. Гортон был осмотрителен и думал о своей репутации. Фриз же всегда отличался излишней самоуверенностью, но только слепой не увидел бы, что на сей раз он прав. «Если у человека кружится голова, он просто валится вниз. Он не ударяется о двухфутовый парапет с такой силой, что рвет брюки и, мягко выражаясь, разбивает колено». Фриз настаивал, что мистер Парадайн получил синяки и ссадины, еще будучи живым, и к тому же легко убедиться, что из парапета вывалился камень... неудивительно. Доктор Гортон, самое большее, мог сказать, что не считает себя вправе делать выводы. В переводе на английский язык это значило: похоже, мистера Парадайна сбросили с террасы. Отсюда возникал следующий вопрос: кто его толкнул?

Безвыходная, очень неприятная ситуация.

Занятый своими мыслями, инспектор вошел в комнату и увидел мисс Парадайн, высокую и исполненную величия, в простом черном платье. Она кивнула, сказала «доброе утро» и предложила инспектору сесть. Оглядываясь в поисках кресла, он выбрал то, на котором раньше сидела Бренда Амброз, и мысленно пожелал, чтобы разговор скорее закончился. Родственники удалились, мисс Парадайн была спокойна и серьезна.

— Произошла прискорбная случайность, — сказала она.

В ее голосе прозвучала нотка неприязни. Мистер Пирсон хорошо знал, что доктор Фриз не считает гибель Джеймса Парадайна несчастным случаем. Фриз выразился достаточно откровенно, и инспектор Вайнер

сомневался, что мистер Пирсон удержал язык за зубами. Если бы он не разболтал то, что услышал, это противоречило бы человеческой природе. Фриз напрасно говорил так открыто. Но, так или иначе, он сказал в присутствии дворецкого и мистера Пирсона, что не верит в несчастный случай. Сто против одного, что мистер Пирсон проговорился. Поэтому, когда мисс Парадайн упомянула о прискорбной случайности, инспектор, естественно, вспылил, поскольку она как будто пыталась обвести его вокруг пальца. А ведь он находился при исполнении.

Вайнер сел в старинное кресло, посмотрел на хозяйку и напрямик сказал:

— Доктор Фриз сомневается, что это несчастный случай.

В руке Грейс Парадайн держала платочек. Может, она плакала, а может, и нет. Она прикоснулась им к губам, сидя очень прямо на кушетке, и уточнила:

— Доктор Фриз? Какой доктор Фриз? Наш семейный врач — доктор Гортон.

Инспектор кивнул:

— Доктор Фриз — судебно-медицинский эксперт. Он считает, что это не несчастный случай.

Он объяснил почему.

— Но, инспектор... у меня в голове не укладывается. То есть вы думаете... доктор Фриз думает... что моего брата столкнули с террасы?

— Такой вывод он делает на основании улики. Вынужден признать, именно так дело выглядит и с моей точки зрения.

Мисс Парадайн посмотрела на Вайнера с ужасом.

— Никто из нас... какой кошмар... Но кто же...

— Именно это мы и намерены выяснить. Я правильно понимаю, что вы готовы всячески нам способствовать?

— Конечно.

— Тогда, полагаю, вы не откажетесь ответить на несколько вопросов.

— Не откажусь.

Инспектор слегка подался вперед — большой, коренастый, с седыми, редущими на висках волосами, с квадратным обветренным лицом. Некогда волосы у него были светлые, а глубоко посаженные глаза поражали удивительной синевой. Вайнер сказал:

— Я хотел бы поинтересоваться, не подозреваете ли вы кого-нибудь?

— О нет.

— Не знаете ли вы человека, у которого мог быть мотив? Человека, который хотел бы убрать мистера Парадайна с дороги? Никаких ссор?

Никаких угроз или странных писем?

— Ни о чем таком я не слышала.

— Никаких разногласий на работе или в семье?

Мисс Парадайн ледяным тоном ответила:

— Нет. Абсолютно никаких.

Вайнер продолжал с извиняющейся ноткой в голосе:

— Надеюсь, вы не против моих вопросов? Но я обязан получить ответы. Вчера вечером здесь был семейный праздник. Вот имена, которые назвал ваш дворецкий. В доме вместе с вами и мистером Парадайном ночевали: мистер Рэй, миссис Рэй и мистер Пирсон. Мистер и миссис Амброз, мисс Амброз, мисс Пеннингтон, мистер Марк Парадайн и мистер Ричард Парадайн ужинали у вас. Это правда?

— Да.

— Во сколько был ужин?

— Мы всегда ужинаем в восемь, но вчера на несколько минут задержались. Мистер Рэй приехал по каким-то делам, мы его не ждали, и это вызвало заминку.

— Понятно. Вы помните, во сколько встали из-за стола?

— Кажется, около девяти... не скажу в точности.

— То есть вечер закончился довольно рано?

— Миссис Амброз волновалась из-за маленькой дочери. Они уехали примерно в половине десятого.

— А мистер Марк Парадайн и мистер Ричард Парадайн?

— Вскоре вслед за ними.

— Мистер Джеймс Парадайн присоединился к вам в гостиной после ужина?

— Нет.

— В этом нет ничего необычного?

Мисс Парадайн помедлила, прежде чем ответить:

— Я не вполне вас понимаю.

Инспектор пристально взглянул на нее.

— В доме собрались члены семьи по случаю Нового года. Но мистер Парадайн даже не заглянул в гостиную. Прямо из столовой он отправился в свой кабинет. Вам не кажется это странным?

Она сказала:

— Боюсь, он был слегка не в себе.

— То есть болен?

— Нет, не болен... я не это имела в виду. Просто слегка рассеян. Когда брат не зашел в гостиную, я решила, что он хочет посидеть в тишине. Весь

день он занимался делами. Мистер Рэй сидел у него вплоть до ужина. А мой брат был уже немолод...

Инспектор подумал, что она дала подробное объяснение. Он спросил:

— Вы видели брата после того, как покинули столовую?

Мисс Парадайн ответила:

— Нет. — Она вновь поднесла к губам платок.

— А когда вечеринка закончилась?

— Тоже нет.

— Он не выходил из кабинета, когда мистер и миссис Амброз и остальные собрались уезжать?

— Нет.

— Они заходили в кабинет попрощаться?

— Нет.

Инспектор пожал плечами:

— Это кажется не совсем понятным, мисс Парадайн.

На лице Грейс отразилась обида, и только, но костяшки пальцев, которыми она сжимала платок, побелели.

— Ну... не знаю. Наверное, мы все решили, что Джеймс не хотел, чтобы его беспокоили. Мы ведь собрались в семейном кругу, без особых церемоний.

— То есть никто из вас больше не видел мистера Парадайна?

— По крайней мере мне об этом ничего не известно. Хотя, наверное, мистер Рэй видел.

— Ах, мистер Рэй видел? Да, он упоминал, что зашел пожелать мистеру Парадайну спокойной ночи. Кто-нибудь еще последовал его примеру?

— Честное слово, не знаю.

— Мистер и миссис Амброз? Мисс Амброз? Господа Марк или Ричард?

— Нет.

— А вы сами?

— Я решила, что он хочет побыть один.

— Миссис Рэй?

— Нет-нет. Она поднялась наверх раньше меня.

Инспектор подался вперед.

— Мисс Парадайн, поймите — ситуация весьма необычная. Я обязан спросить, не закончилась ли вечеринка так рано по какой-то особой причине и не заходил ли к мистеру Парадайну кто-либо еще, кроме мистера Рэя? Я обязан сказать, что, с моей точки зрения, все наводит на мысль о

семейной ссоре.

— Никакой ссоры не было.

— Никаких разногласий? Никаких неприятных высказываний? Ничего, что могло бы заставить мистера Парадайна удалиться в кабинет, а гостей — разъехаться в половине десятого, не простившись с хозяином?

Мисс Парадайн, выпрямившись, холодно произнесла:

— Гости разъехались, потому что миссис Амброз забеспокоилась о дочери.

— Девочка серьезно больна?

— Нет-нет, но миссис Амброз склонна беспокоиться по пустякам.

— Мисс Парадайн, должны же вы понимать, что это не повод для прекращения вечеринки. И в любом случае почему никто не простился с мистером Парадайном? Вы действительно намерены утверждать, что ничего такого не случилось? Ничего неприятного?

Грейс посмотрела инспектору в глаза и ответила:

— Ничего.

Глава 16

Родственники собрались в комнате напротив — в гостиной Филиды. Их пригнало сюда желание держаться вместе, чтобы не оказаться разделенными, — примитивный стадный инстинкт. На сей раз никто не садился. Марк, опираясь на каминную полку и повернувшись к остальным боком, смотрел в огонь. Дики по-прежнему крутил бечевку. В комнате стояла жуткая тишина, которую никто не нарушал, потому что не хотел первым выразить общую мысль. Даже Альберт утратил дар речи — вероятно, в первый и последний раз в жизни, — и этого оказалось достаточно, чтобы остальные тоже молчали. Последним зайдя в комнату, он стоял, словно позируя для фотографии в семейный альбом, — напряженная поза, застывший взгляд в попытке притвориться непринужденным.

Внезапно к присутствующим обратилась Бренда. Она просто и откровенно заявила:

— Хотела бы я знать, что сейчас говорит тетя Грейс.

Брат, нахмурившись, повернулся к ней:

— Она скажет то, о чем мы условились. С какой стати ей говорить что-то другое?

Альберт Пирсон подошел чуть ближе:

— Очень жаль, что у нас было мало времени и мы не смогли все как следует обсудить. Доктор Фриз заявил, что это точно не несчастный случай. Когда полицейские выяснили у Лейна, что вечеринка закончилась рано, у них, несомненно, появились вопросы. Конечно, мы не станем говорить неправду, но не хотим и неприятностей.

Бренда спросила:

— А как насчет Ирен и Лидии? Вдруг инспектор поедет говорить с ними? Может, лучше позвонить им и предупредить, чтобы помалкивали?

— Нет! — отрезал Фрэнк Амброз.

— А я бы позвонила.

Он пояснил:

— Слишком рискованно. И потом, телефон не работает. По крайней мере вчера не работал.

Бренда ссутулилась.

— Тогда, держу пари, они все выдадут.

— У Лидии хватит здравого смысла, — заметил Дики.

Бренда язвительно рассмеялась:

— Зато у Ирен его нет!

Фрэнк Амброз негромко приказал:

— Придержи язык.

Элиот Рэй, предчувствуя неизбежную беду, осмотрел комнату — хорошенькую гостиную в пастельных тонах, которую он ненавидел, поскольку здесь все обустроила Грейс Парадайн. В комнате господствовали ее вкус и представления о том, как должна выглядеть комната молодой девушки, — светло-гороховые стены, немного лилового, немного розового, чуть-чуть фиолетового и обилие голубого. Он подумал: «Мы откусили больше, чем в силах проглотить. Если инспектор допросит всех десятерых поодиночке, кто-нибудь да проболтается».

Филида положила руку на плечо мужа и проговорила так, чтобы слышал только он:

— Элиот, я не умею лгать. Боюсь, я просто не смогу.

Он сердито взглянул на нее:

— Ах, не сможешь?

Она покачала головой:

— Почему нельзя просто сказать правду?

Элиот накрыл руку Филиды своей и ответил почти неслышно, но с явно ощутимым гневом:

— Ты не скажешь, что ходила в кабинет. Понятно?

— Не скажу, если инспектор не спросит.

— Он не спросит. С какой стати?

— Не знаю... может и спросить.

— Тогда ты ответишь «нет».

Филида снова покачала головой:

— Не могу, Элиот. Ей-богу, не могу.

Он сжал пальцы до хруста.

— Не будь дурой, Фил!

Она поморщилась:

— Мне больно! — И в ответ услышала:

— Хотел бы я свернуть тебе шею.

Элиот не ожидал, что Филида взглянет на него с улыбкой. Что поделаешь, если человек так на тебя смотрит? И с какой стати она улыбается — ведь он только что назвал ее дурой и пригрозил свернуть шею? Элиот быстро отпустил руку, когда Бренда повторила:

— Хотела бы я послушать, что говорит тетя Грейс.

Инспектор Вайнер, закончив беседу с мисс Парадайн, обдумывал, кого бы опросить следующим. Он не собирался отпускать хозяйку дома к

прочим членам семьи и потому, позвав сержанта Мэннерса, сказал, что мисс Парадайн любезно согласилась дать показания. Даже без предварительных инструкций можно было не сомневаться, что процесс отнимет чертовски много времени, поскольку Мэннерс писал медленно, старательно занося в протокол любую мелочь. Те, кто пытался его поторопить, получали отпор и выходили из стычки изрядно потрепанными.

В намерения инспектора входило выбрать очередного собеседника и пройти в кабинет. Но он едва успел сделать несколько шагов по коридору, как услышал в зале голоса. Посмотрев через балюстраду, инспектор устремился вниз. Миновав последний пролет, он встретил миссис Фрэнк Амброз с сестрой, поднимавшихся вверх. Обе дамы попытались изобразить траур: миссис Амброз приехала в шубе и маленьком черном тюрбане, а мисс Пеннингтон — в сером твидовом костюме с белым шарфом и без шляпки. Инспектор остановил женщин, преградив им дорогу.

— Доброе утро, миссис Амброз. Очень жаль, что меня привел сюда столь прискорбный повод, но не могли бы вы уделить мне несколько минут? Я выслушаю ваши показания, и вы будете свободны.

Глаза Ирен широко распахнулись.

— Мои показания?

— Да, миссис Амброз. Поскольку мы имеем дело с внезапной смертью, я предпочел бы побеседовать со всеми, кто ужинал здесь вчера вечером. Если не возражаете, пройдемте в кабинет. Я задержу вас не более чем на несколько минут.

Ирен открыла и вновь закрыла рот. Лидия, стоя двумя ступеньками выше, смотрела на сестру. Она была бледна и совершенно не накрашена. Без косметики она казалась маленькой и ничем не примечательной. Эта мысль возникла в голове инспектора, но тут же исчезла, едва он встретил хладнокровный взгляд серо-зеленых глаз. Лидии хватало ума и смелости. А вот от мисс Пеннингтон он едва ли смог бы добиться многого. Инспектор повернулся к Ирен, которая стояла с приоткрытым ртом, и подумал, что правильно наметил жертву. Он намеревался отвести ее в кабинет, прежде чем кто-нибудь успеет внушить ей, что говорить.

Вдогонку прозвучал голос Лидии:

— А со мной вы не хотите поговорить?

Инспектор с большим удовольствием ответил:

— Не сейчас, спасибо, мисс Пеннингтон.

Глава 17

Лидия взбежала по лестнице, на мгновение задержалась, прислушиваясь, в коридоре, а затем, уловив звуки голосов в гостиной Филадельфии, открыла дверь и вошла. У всех возникла одна и та же мысль. Фрэнк, Бренда и Дики спросили одновременно:

— Где Ирен?

— Ее увел какой-то здоровенный полицейский. Он встретил нас в коридоре и пригласил Ирен в кабинет, чтобы взять показания. А что?

Бренда воскликнула:

— Кошмар!

А Дики добавил:

— Господи, Фрэнк... может, сходишь туда? Останови ее, если она начнет говорить лишнее.

Фрэнк пожал плечами:

— Кто-нибудь из вас пытался остановить Ирен, когда она начинает говорить? Она не понимает намеков, особенно моих. И потом, на что это будет похоже? Вайнер тут же все поймет.

— Зря ты ей не позвонил, — сказал Дики.

— Я же сказал, что телефон не работает.

— Но ведь кто-то сообщил им новости!

— Альберт позвонил нашим соседям Брезерстонам и попросил их сходить к нам. По-твоему, я должен был передать Джеку Брезерстону, чтобы он уговорил мою жену придержать язык?!

— Ладно, ладно...

Лидия вышла на середину комнаты и встала между ними.

— Фрэнк, что случилось? Элиот, в чем дело?

Ей ответил Марк Парадайн. Он повернулся к собравшимся и резко бросил:

— Фриз говорит, дядю Джеймса убили.

Никто до сих пор не произносил этих роковых слов. Это было как камень, запущенный в окно. Тишина раскололась. Послышались протестующие возгласы. Лидия воскликнула:

— Марк!

— Но это правда. Мы ходим вокруг да около, говорим обиняками, но ведь так и есть! Фриз утверждает, что старика толкнули. Сами подумайте: если его толкнули, значит, произошло убийство.

Лидия, стоя неподвижно, смотрела на него. Потом повернулась к Элиоту Рэю:

— Доктор Фриз говорит, что дядю Джеймса толкнули?

— Да.

— Почему он так считает?

Элиот объяснил.

— Понятно, — ответила Лидия. — Но кто... кто?

— Именно это Вайнер и пытается выяснить.

— Если Ирен перескажет инспектору, что Патриарх сказал вчера вечером, он обязательно подумает, что преступник — один из нас, — заметила Бренда Амброз.

Лидия повторила:

— Понятно...

Она подошла к Марку, взяла за руку и вышла через смежную дверь в спальню Филиды.

— Ого, — прокомментировала Бренда.

Оказавшись за закрытой дверью, Лидия продолжала держать Марка за руку.

— Что с тобой стряслось?

Он молча уставился на нее.

— Марк, в чем дело, почему у тебя такой вид?

Он ответил:

— А чего ты ожидала? Дядю Джеймса ведь убили.

— Да, дорогой, но не надо усугублять ситуацию. От этого никакого проку. — Никто бы не поверил, что голос Лидии может звучать так нежно. Она принялась гладить Марка по плечу. — Ты пережил ужасный шок, но нужно собраться с духом. Слышишь, Марк? Ты должен крепиться. Его больше нет, он нам не поможет, и мы все смотрим на тебя. Рано или поздно это бы произошло. Да, беда приходит внезапно, и тебе придется занять место старшего. То есть сделать то, что и хотел дядя Джеймс. Разве ты не понимаешь?

Он ответил по-прежнему резко:

— Это ты ничего не понимаешь.

— Что ты имеешь в виду, Марк?

Он отстранился и подошел к окну. Стоя спиной к Лидии, Марк произнес:

— Ты права в одном — бремя ложится на меня. И больше я ни о чем не могу думать. Я хотел уехать. Теперь не получится. Я упустил свой шанс, и придется остаться.

Лидия медленно подошла к нему, но прикоснуться не решилась.

— Почему ты хотел уехать?

С отчаянием в голосе Марк повторил:

— Теперь уже не уеду. Я упустил шанс. Придется остаться.

В комнате было тепло, но руки Лидии напоминали лед. Помедлив, она спросила:

— Что ты собираешься делать, Марк... по поводу того, что случилось вчера вечером за ужином? Какие вопросы тебе задавали?

— Пока никаких. Вайнер еще не виделся ни с кем, кроме тети Грейс. Но она ничего не сказала. Не знаю, впрочем, сильно ли он наседавал. Это ведь она предложила, чтобы мы помалкивали. Лично я сомневаюсь, что идея разумная. Одно дело, если бы с Патриархом и впрямь произошел несчастный случай. Полицейские расспросили бы тетю Грейс и старика Гортонна о здоровье дяди Джеймса и успокоились. Но если Фриз считает, что произошло убийство, полиция проанализирует все события вчерашнего вечера. Десять человек слышали речь дяди Джеймса. В числе этих десяти — Ирен. Ты можешь представить, что она сохранит тайну? Что-нибудь непременно выйдет наружу. А когда клубок начнет разматываться, бог весть, к чему это приведет.

По крайней мере Марк разговорился, прервав тяжелое молчание. Лидия предложила:

— Давай вернемся к остальным и обсудим, как действовать. Что говорит Элиот?

— Не знаю, я не очень-то слушал... кажется, он тоже сказал, что надо молчать. Но это было до того, как явился Альберт и передал слова Фриза.

— Альберт?

— Да, Альберт пришел и предупредил нас. И тут пришел Вайнер, чтобы побеседовать с тетей Грейс, а нас выдворили. Мы не знаем, что она сказала. Не знаем, о чем ее спрашивали.

Краска вдруг прихлынула к лицу Лидии, щеки запылали. Когда Марк отвернулся от окна, она схватила его за плечо и встряхнула.

— Почему мы ведем такие разговоры? Зачем запутываться во лжи? Нам нечего скрывать.

— Правда? — мрачно спросил Марк.

— Почему бы не сказать правду?

Она смотрела Марку в лицо, но он отводил взгляд и лишь ответил:

— Да ты понимаешь, что значит сказать правду? — И добавил почти с яростью: — Ты забыла, о чем старик, черт возьми, объявил за ужином? Он обвинил одного из нас в преступлении. Вот что главное: он обвинил одного

из членов семьи, одного из десяти человек, которые с ним ужинали. Патриарх пообещал, что будет сидеть в кабинете и ждать, пока виновный не придет и не признается. Он так и поступил — и его убили. Думаешь, Вайнер отправится на поиски преступника куда-то в другое место?

— Боюсь, что нет... — кивнула Лидия. — Но вряд ли ложь поможет.

Марк с горечью сказал:

— Я сам готов поставить миллион против одного, что вранье не сойдет нам с рук. Черт возьми, честность — лучшая тактика. С меня хватит. Пойдем к остальным и вразумим их.

Глава 18

Ирен в тревоге вошла в кабинет, быстро осмотрелась и устроилась как можно дальше от письменного стола. Просьбе инспектора пересесть чуть ближе она подчинилась с явной неохотой. Так странно и непривычно было видеть постороннего человека на месте мистера Парадайна. Никто никогда не сидел здесь, за столом Патриарха. Ирен не давало покоя ощущение, что Джеймс Парадайн вот-вот войдет, застанет их врасплох и страшно рассердится. От этих мыслей казалось, что по спине катятся холодные струи воды, как с края зонтика. Ирен очень надеялась, что беседа не продлится долго.

Инспектор приветливо смотрел на нее. Его слова прозвучали эхом собственных размышлений Ирен.

— Я не задержу вас, миссис Амброз. Просто хочу, чтобы вы рассказали, что случилось вчера вечером.

— Вчера вечером?

— Да. В доме была вечеринка в честь Нового года, если не ошибаюсь? На ней присутствовали вы, ваш муж, мисс Амброз и мисс Пеннингтон?

— Да.

— Ужин, кажется, начался в восемь или чуть позже. Вы сидели за столом примерно до девяти. В половине десятого ваша компания поехала домой. Почему?

Ирен ожила:

— Ах да... моей дочке нездоровилось... то есть я испугалась, что ей может нездоровиться... но сегодня уже все в порядке. Понимаете, у Рины появилось пятнышко на грудке, и доктор Гортон сказал, ничего страшного, но с этими пятнышками никогда не знаешь наверняка... У нее не было температуры, ничего такого, иначе, разумеется, я бы осталась дома, но мне, сами понимаете, не терпелось вернуться. Сначала я вообще не хотела ехать, но муж настаивал. И конечно, мистер Парадайн обиделся бы, если бы кто-нибудь из нас не появился.

Инспектор Вайнер сказал:

— Так. Значит, вы вернулись домой так рано из-за девочки. А не из-за того ли, что произошло за ужином?

Выражение лица Ирен изменилось. Интерес, с которым она говорила о маленькой Рине, угас. Она подняла руку и принялась неловко поправлять выбившуюся прядь волос.

Инспектор повторил вопрос:

— Что-то ведь случилось за ужином, не так ли? Вы хотели вернуться домой, к дочери, но ваш супруг не стал бы расстраивать вечеринку только из-за этого. Значит, произошло нечто более серьезное, я прав?

Ирен всегда с трудом переключалась с одной темы на другую. Она ухватилась за то, что сочла спасительной соломинкой.

— Он не возражал, — заговорила она. — Точнее, он сам предложил... я не хотела уезжать так рано. Но Фрэнк сказал, что пора ехать... честное слово, Фрэнк.

Прядь волос никак не заправлялась. Ирен прекратила ее теребить, сложила руки на коленях и взглянула на инспектора. Она перестала волноваться. Вайнер казался очень приятным человеком. Ирен задумалась, сколько ему лет. Возможно, у него есть внуки, такие же, как Джимми и Рина. Она решила при случае спросить. У инспектора были красивые синие глаза. Ирен надеялась, что у Рины тоже будут синие...

И вдруг он спросил:

— Мистер Амброз захотел уехать из-за того, что произошло за ужином?

У Ирен вытянулось лицо. Фрэнк предпочел бы, чтобы она сказала «нет». Ирен смущенно произнесла:

— Э... не знаю...

— Миссис Амброз, вам всем наверняка стало неприятно. Видимо, мистер Амброз решил, что вечеринку лучше прервать.

— Я правда не знаю...

Инспектор быстро перебил:

— Мистер Парадайн ушел из столовой в кабинет и больше не выходил к гостям. Он ведь не появлялся в гостиной?

— Нет... не появлялся.

— Наверное, для вас это было очень тягостно.

— О да!

Инспектор ощутил легкое торжество, хоть и остался внешне невозмутимым. Он слегка подался к Ирен через стол и спросил:

— Ну, миссис Амброз... не желаете рассказать, что произошло? У людей остаются разные впечатления о случившемся. Я бы очень хотел услышать вашу версию, изложенную вашими собственными словами. Если вы не против.

Ирен погрузилась в процесс, который называла раздумьем. Ее сознание переполняло множество неопределенных, путаных мыслей. Должно быть, Фрэнк рассказал инспектору о вчерашнем вечере — ну или

кто-нибудь другой, — и если это сделал не Фрэнк, то он наверняка рассердится.

И Ирен неохотно произнесла:

— Даже не знаю, как...

— Может, вы хотя бы попытаетесь, миссис Амброз? Давайте с самого начала. Что произошло?

— Ну... все получилось как-то само собой. Мистер Парадайн встал, и мы решили, что сейчас он произнесет тост — по крайней мере я так решила, а про остальных не знаю. Но он сделал совсем другое...

— Так. И что же вы запомнили? Просто перескажите своими словами.

Ирен повторила:

— Ну, я не знаю...

— То есть вы ничего не помните?

— Нет, я помню.

— Тогда давайте посмотрим, не сумеете ли вы мне помочь. С чего он начал?

Ирен засомневалась:

— Не помню. Он сказал, что нам не будет скучно... что у него неприятные новости... что мы все связаны родством или браком, что все в семье должны быть заодно, ну и так далее в том же духе...

— А потом?

— Не уверена, что об этом стоит говорить... не знаю, нужно ли...

Инспектор негромко произнес:

— Боюсь, я вынужден попросить вас продолжить. Расскажите то, что сохранилось в памяти.

— Ну, он говорил очень сложно, я даже не запомнила. Не думаю, что...

— Пожалуйста, миссис Амброз. Только то, что помните.

Ирен, сидевшая в шубе, задрожала. Она уже почти не сомневалась, что Фрэнк разозлится, и не знала, что делать. Если человек не хочет отвечать на вопросы полицейских, они начинают думать, что у него совесть нечиста. Но отвечать ей тоже не хотелось, поскольку теперь, когда в голове стали формироваться связные фразы, это были совсем не те фразы, что хочется произносить в присутствии полицейского, да и вообще чужого человека. Ирен запинаясь, пересказывая речь Джеймса Парадайна.

— Он сказал... что кто-то... предал семью. Что кто-то... изменил семейным интересам... что это... один из нас.

Вайнер побагровел. Выходило, он не ошибся — что-то действительно произошло! Инспектор посмотрел на промокашку и увидел маленький ежедневник в кожаном переплете — обыкновенную записную книжку

ярко-синего цвета, с золотыми цифрами «1942». Ему хотелось отвести взгляд от миссис Амброз. Не следовало пугать дамочку, не следовало... Инспектор собрался с силами и спросил:

— Он не уточнил, кто этот человек?

— Нет.

— Как по-вашему, он знал?

— Да... он так сказал.

— Мистер Парадайн заявил, что кто-то предал семейные интересы и что он знает виновника?

— Да.

Инспектор снова взглянул на Ирен.

— Вы молодчина, миссис Амброз. Что еще он сказал?

Ирен ощутила некое приятное волнение. Она молодчина — ее похвалили, — а говорить с полицией не так уж трудно, как она думала. Она с легким самодовольством продолжила:

— Это было ужасно. Я не знала, куда смотреть. Представляете, я ведь сидела рядом с ним. Просто жуть. Мы решили, что дядя Джеймс, наверное, сошел с ума.

— Он казался возбужденным?

— Нет-нет, потому-то мы и перепугались — он был абсолютно спокоен. Не знаю, как можно быть спокойным и говорить такое, но тем не менее...

— И что произошло дальше?

— Он еще поговорил в таком духе. А потом сказал, что будет ждать в кабинете до полуночи, и если кто-нибудь захочет... захочет признаться, он будет там, и... честное слово, не помню в точности, но... кажется, он пообещал, что не будет слишком суров, если виновный придет сам. Наверное, он это имел в виду, хотя про наказание тоже упомянул...

— Вы помните, что именно сказал мистер Парадайн?

Ирен задумалась.

— Нет... боюсь, нет. Что-то о том, что виновного накажут.

— Понятно. Наверное, все испытали облегчение, когда вечер закончился.

— О да.

— Вы видели мистера Парадайна потом?

— Нет-нет.

— Никто из гостей не попрощался с ним?

— Нет-нет.

— Вы поехали домой вместе?

— Да.

— По моим прикидкам, вы оказались дома без четверти десять. Кто-нибудь из членов вашей семьи выходил после этого?

Ирен покраснела, глаза у нее широко распахнулись. Она воскликнула:

— О Боже!

Вайнер подумал: «Ей-богу, тут что-то есть». Он пристально взглянул на нее.

— Кто выходил из дому?

Она заволновалась, и не без повода.

— Рина... моя дочь... понимаете, я не смогла ее разбудить.

Инспектор слегка остолбенел.

— А зачем вы ее будили?

— Ну, не то чтобы специально... то есть сначала, когда я приехала домой, то очень обрадовалась, что девочка крепко спит... потом я поговорила с сестрой, а когда вернулась в спальню и собралась ложиться, то подумала: по-моему, она спит слишком крепко.

— И?

— Я испугалась. Моя сестра ничего не понимает в детях. Я хотела позвать мужа, чтобы он посмотрел на девочку, но он ответил: «Чушь и ерунда». Он думает, я зря паникую. Но когда я взяла Рину на руки, она продолжала спать, и я страшно испугалась и попыталась позвонить доктору Гортону, но телефон не работал... а я и забыла. Я не дозвонилась и решила сбегать сама — он живет неподалеку, — ну и пошла.

— Вы пошли и привели доктора Гортона?

Ирен вновь смутилась.

— Нет, не привела, потому что он как раз сидел в машине и собирался куда-то ехать. Я закричала и побежала за ним, но он не услышал.

— Потом вы вернулись домой?

— Нет... не сразу. Я подумала, что, может, он ненадолго. Я походила по улице. Звонить я не решилась: миссис Гортон вечно твердит, что вырастила восьмерых детей и не тряслась ни над одним.

Лицо Вайнера было совершенно бесстрастным.

— Как долго вы ждали доктора Гортона, миссис Амброз?

— С полчаса. Потом я снова испугалась, все гадала, что стряслось с Риной, и вернулась домой. Я всю дорогу бежала, но, слава Богу...

— Девочка по-прежнему спала?

— Да. Муж страшно разозлился.

— Он хватился вас?

— Да. Он как раз искал меня, когда я вернулась, и явился в бешенстве.

- Который был час, когда он пришел?
 - Не знаю... наверное, уже поздно. Я только и мечтала лечь и заснуть.
 - Ваш муж сказал, куда ходил?
 - Он сказал, что искал меня.
 - Он не уточнил, где именно?
 - Нет.
 - Просто сказал, что искал вас?
- Ирен густо покраснела.
- Он выразился очень невежливо, — ответила она.

Глава 19

Инспектор Вайнер сидел в массивном кресле и смотрел на начальника полиции, расположившегося по другую сторону уютного камина. Главный констебль, полковник Босток, был жилистым малорослым мужчиной с коричневой сморщенной кожей, яркими блестящими глазами и неизменно бодрым выражением лица. Ему стукнуло шестьдесят, и он выглядел как человек, который наслаждался каждой минутой жизни. Ему не мешало даже то, что он овдовел: миссис Босток умерла так давно, что все печальные воспоминания давно изгладились из памяти. Три дочери Бостока, служившие в вооруженных силах, были здоровыми и приятными молодыми женщинами, не доставлявшими ему никаких хлопот. Одна из них находилась за границей, две другие получили недельный отпуск, который проводили дома.

Вайнер произнес слово «убийство». Полковник Босток бодро взглянул на него, склонив голову, как терьер, которому сказали: «Крысы!»

— Что вы говорите!

— Так считает доктор Фриз. И доктор Гортон не возражает, хотя явно был бы рад сделать это, если б мог. По-моему, сэр, доктор Фриз совершенно прав. Несомненно, мистера Парадайна убили. Его столкнули с террасы — и это проделал человек, знавший, что у старика есть привычка стоять у парапета и любоваться рекой. Дворецкий говорит, мистер Парадайн выходил на террасу каждый вечер, прежде чем лечь спать. Он был точен, как часы.

— Хорошо, но кто знал, во сколько он ляжет спать? Или он ложился в определенное время?

— Нет, сэр. Но вчера вечером те десять человек, которые ужинали с ним... они слышали, сэр, как он сказал, что просидит в кабинете до полуночи. Он выдвинул серьезное обвинение против одного из родственников и собирался ждать, пока этот человек не придет и не сознается. Вот вам и мотив. Мы не знаем, насколько все обстояло серьезно. Возможно даже, случилось нечто криминальное. Несомненно, это очень сплоченная семья, и, разумеется, все будут держать рты на замке. Вот показания мисс Парадайн: она вообще все отрицает. Она бы не стала отпираться, если бы не рассчитывала на поддержку остальных. Но они не учли, что я перехвачу миссис Амброс, прежде чем они внушат ей, как себя вести.

Полковник Босток коротко и сухо фыркнул:

— Миссис Амброз? Ирен, если не ошибаюсь. Лидия — это рыжая. Дочери покойного старика Пеннингтона. Матери у них тоже нет. Миссис Пеннингтон была красавица. Божественно танцевала. Дочери ей и в подметки не годятся. Рыжие волосы достались Лидии как раз со стороны Пеннингтонов. Старый Пеннингтон был славный малый и отличный стрелок. Рыжий как морковка. Его девочки учились в школе вместе с моей дочкой. Погодите-ка... одна из них, помню, попала в какую-то историю. Не Лидия, нет, я бы как раз не удивился, если бы рыжая ввязалась во что-нибудь. Нет-нет, другая, Ирен... хотя на вид она и воды не замутит.

Вайнер решил, что пора прервать воспоминания шефа. Он сделал это уважительно, но решительно:

— Видите ли, сэр, как только я поговорил с миссис Амброз, остальные перестали таиться. Потом я побеседовал с ее сестрой, мисс Лидией Пеннингтон, очень разумной молодой особой, смею заметить, и она сразу поняла, что игра окончена. Я прочитал ей показания миссис Амброз, и она подтвердила, что все именно так и было. Правда, она изо всех сил старалась мне внушить, что мистер Парадайн, возможно, ничего такого не имел в виду. Она сказала, что очень любила его, и так далее, но нельзя отрицать, что он был очень строг и старомоден — требовал, чтобы члены семьи делали все только по его указке.

— Что ж, она права, это всякий знает. Парадайн был талантливый человек, очень талантливый. Но авторитарный. Даже в какой-то степени деспотичный.

— Да, сэр, именно такое впечатление и пыталась оставить мисс Пеннингтон. Она хорошо постаралась. Вот ее показания.

Полковник Босток пробежал глазами бумаги.

— Так... так. Что ж, она не лжет. Кто следующий?

— Мистер Амброз. Вот его показания. Очень коротко и по существу. Но ему чертовски не хотелось говорить. Он страшно разозлился, когда я зачитал то, что сказала его жена. Не сомневаюсь, бедняжке достанется. Но он не стал ничего отрицать. Сказал, будто понятия не имел, о чем говорил мистер Парадайн, и решил, что не стоит обращать внимания — тот работал, не щадя сил, и мистер Амброз подумал, что отчим поднял шум из-за чего-то несущественного. Когда я спросил, выходил ли он из дома после возвращения из гостей, мистер Амброз сказал: да, он искал жену. Когда я спросил, знал ли он, где ее искать, он ответил, что не знал, но решил, что она побежала к доктору Гортону. Миссис Амброз вечно нервничает из-за детей, а телефон не работал. Звучит не слишком убедительно, сэр.

— Ну, не знаю, — сказал полковник Босток и добавил: — Господи, дружище, вы что же, намекаете, что Амброз отправился пешком в Ривер-Хаус, чтобы столкнуть старого Парадайна с балкона?

Вайнер бросил на него быстрый взгляд.

— До Ривер-Хауса не так уж далеко.

— Четверть часа езды на машине.

— Да, на машине. Но пешком, через мостик и по тропинке вдоль реки, — не более шести-семи минут.

Полковник Босток присвистнул:

— Мостик! Ну разумеется. Неудивительно, что Амброзы поселились в Мидоукрофте. Пешком им рукой подать. Амброз не сказал, долго ли отсутствовал и когда вернулся?

— Сказал, что не знает — не смотрел на часы. На мой взгляд, это неестественно, сэр, потому что когда мужчина ждет женщину — и особенно если он взвинчен, — он все время смотрит на часы. Сужу по себе, сэр.

— Может, у его часов не светится циферблат, — рассудительно сказал полковник Босток. — И не забывайте про затемнение.

— Сияла очень яркая луна, сэр. Вплоть до без пятнадцати двенадцать.

— Хм... Давайте-ка уточним, что он сказал. Коротко и ясно. Спасибо и на том. — Полковник просмотрел показания и вновь отложил листок. — Знаете, Вайнер, все действительно могло быть именно так, как он утверждает. К слову об Ирен, то есть миссис Амброз... как она вам показалась? Похожа она на женщину, которая способна броситься за доктором Гортоном посреди ночи? От этого, сами понимаете, многое зависит.

Вайнер позволил себе улыбнуться:

— Да, сэр. По-моему, она именно такая женщина.

— Не блещет умом, да? Она бывала у нас, пока девочки не разъехались, но, честно говоря, не помню, чтобы перебросился с ней хотя бы парой слов, с тех пор как она вышла замуж. Славные люди эти Пеннингтоны. Но слышал я что-то такое про Ирен... спрошу у дочерей, когда придут. Значит, вы думаете, она глуповата?

— Да, сэр.

— Ну допустим. Если женщина глупа — значит, глупа. Тогда она способна сделать что угодно.

Инспектор перевел разговор с миссис Амброз:

— Да, сэр. Затем я встретился с мужчинами — мистером Марком Парадайдом, мистером Ричардом Парадайдом, мистером Пирсоном и

мистером Рэем. Я не узнал ничего нового, что мог бы добавить к показаниям Амбросов. Если вы посмотрите на записи, то увидите, что слегка разнится формулировка, не более того. Несомненно, миссис Амброс максимально полно рассказала о случившемся. Я не зачитывал ее показаний другим, и у них не было возможности увидеться с ней и с мистером Амбросом, прежде чем я их вызвал — по одному. Таким образом, они понятия не имели, какие сведения мне известны. Я объявил каждому, что мистер и миссис Амброс рассказали о неприятном инциденте, имевшем место за ужином вчера вечером. Я намекнул на природу этого инцидента и предложил каждому дать собственную версию случившегося. Ни один не горел желанием это сделать, но никто и не отказался. Все старались говорить как можно лаконичнее и сообщить ровно столько, сколько было необходимо, но в любом случае мало что можно прочесть между строк. Думаю, никто не солгал, но, разумеется, и не сказал ничего лишнего.

— Да-да. Затруднительное положение для семьи.

Вайнер сухо отозвался:

— Да, сэр. Особенно если кто-то из них столкнул мистера Парадайна с террасы.

Полковник Босток, казалось, был несказанно удивлен и растерян.

— Господи помилуй, Вайнер... какие ужасы вы говорите.

— Да, ужасно, сэр, но и впрямь похоже на правду. Кстати, если просмотреть показания, вы увидите, что мистер Марк Парадайн и мистер Элиот Рэй скрытничали больше других. Опустили все, что могли. Мистер Ричард был довольно словоохотлив, просто из кожи вон лез, чтобы не осталось никаких недоразумений. А мистер Пирсон оказался... очень сдержан.

— Погодите, давайте по порядку. Марк и Ричард — племянники. Высокий и темноволосый — это кто?

— Марк, сэр.

— Так. Мне о нем рассказывали. Он собирался в авиацию, но старик его в жизни не отпустил бы. Он же работает в исследовательском отделе. Что касается второго... он знаком с моими девочками. Такой веселый, не прочь пофлиртовать. Ухаживает за Лидией Пеннингтон.

— Да, сэр.

— Элиот Рэй — парень, который женат на приемной дочери Грейс, как ее... Филиде. Брак распался, едва закончился медовый месяц. Что-то невероятное. Славный молодой человек и хорошенькая девушка. Просто не представляю, куда катится молодежь. Вот уж не удивлюсь, если здесь не обошлось без третьего лица. Например, без самой Грейс Парадайн. Дочь

старой девы — по-моему, это ненормально. Жаль, что Грейс не вышла за Боба Моффета и не родила полдюжину ребятишек. Никогда не мог понять, отчего она не согласилась. Вроде бы она любила Боба и хвасталась помолвкой, и все были довольны, как мыши в сыре, но потом вдруг помолвку расторгли, а семьи совсем разошлись. Чертовски неприятно, если такое имеет отношение к твоему деловому партнеру.

Вайнер согласился:

— Да, сэр.

Полковник Босток взял показания Альберта Пирсона, просмотрел их и спросил:

— Кто такой Пирсон? При чем тут он?

— Он секретарь, сэр. И тоже родственник. Живет в доме.

Полковник Босток потер лоб.

— Пирсон, Пирсон... ну да, конечно, сын Милли Парадайн. Такая была здоровенная неловкая девица, упрямая как черт. Троюродная сестра, кажется. Приезжала в гости к Парадайнам. Сбежала с сыном старика Пирсона, ювелира, об этом много болтали. Старый Пирсон отказал молодым от дома, и Парадаины тоже. Пирсон свое получил — умер через несколько лет. Я слышал, парень стал обучаться отцовскому ремеслу. Погодите-ка... дай Бог памяти, кто недавно упоминал Милли Парадайн? Кэмптон? Нет, не Кэмптон. Миссис Гортон — да, должно быть, миссис Гортон, она никогда ничего не забывает. Ну разумеется! Она сказала, что молодой Пирсон всегда был почтительным сыном и славным малым. Работящий, честолюбивый, порядочный... вечерами изучал иностранные языки, машинопись, стенографию, старался что есть сил. Его мать умерла пару лет назад. Конечно, это он.

Полковник с удовлетворенным видом перечитал краткое заявление Альберта Пирсона.

— Сами видите, сэр, — сказал Вайнер. — Пирсон действительно общался с мистером Парадайном, после того как тот удалился в кабинет. Он находился в гостиной вместе с остальными, пока не уехало семейство Амбровов, а потом и двое младших Парадаинов. Затем Пирсон вернулся в гостиную, пожелал всем спокойной ночи и направился в кабинет, желая узнать, не нуждается ли мистер Парадайн в услугах секретаря. Там он увидел дворецкого, который принес напитки, и Лейн это подтверждает. По словам Пирсона, мистер Парадайн сначала отослал его, но тут же окликнул, когда тот выходил из комнаты вслед за дворецким. Он попросил внести небольшую правку в письмо, которое продиктовал днем. Пирсон говорит, что не задержался и минуты, он уже собирался пойти к себе, когда вдруг

сообразил, что оказался, по его словам, «в очень неблагоприятном положении». Пирсон некоторое время простоял в раздумьях и пришел к выводу, что хорошо бы ему побыть с кем-нибудь, пока не пройдет время, которое определил мистер Парадайн на тот случай, если виновник вздумает сознаться. Пирсон сказал, что собирался вернуться в гостиную, когда увидел мистера Элиота Рэя, появившегося поблизости. Комнаты мистера Парадайна находятся на первом этаже. Это спальня, ванная, кабинет и будуар его покойной жены, — их никто не занимает. Мистер Пирсон стоял в дальнем конце коридора, ближе к лестнице, по которой можно добраться до его собственной комнаты. Он увидел, как мистер Рэй зашел в кабинет, и решил подождать. Меньше чем через две минуты мистер Рэй вышел, Пирсон обратился к нему и попросил позволения посидеть с ним до полуночи. Они поднялись к мистеру Рэю — через коридор от комнаты Пирсона — и оставались там до половины двенадцатого, после чего пошли в столовую выпить. Они вернулись в восемь минут первого. Мистер Рэй отправился в ванную, а Пирсон — спать. Оба подтверждают показания друг друга и, следовательно, находятся вне подозрений, если мы говорим об убийстве, поскольку мистер Парадайн в полночь был уже мертв. Это несомненный факт, совершенно неоспоримый, поскольку примерно в полночь начался проливной дождь, за что я сам поручусь. Мы встречали Новый год, слушая радио. С последним ударом часов в окна застучал дождь. Он начался в полночь, и не раньше — я только что впустил собаку со двора, и она не успела промокнуть. Значит, вот как обстояло дело, сэр: мистер Парадайн умер, как только часы пробили двенадцать.

Полковник Босток поморщился, так что на лице ожили все его морщины.

— Похоже на заурядный детективный роман. Кто подтвердит, что было восемь минут первого, когда Рэй и Пирсон поднялись к себе?

— Они оба, сэр.

Главный констебль усмехнулся:

— Очень странно. Люди обычно не смотрят на часы всякий раз, когда заходят в комнату.

— Да, сэр, но ведь наступал Новый год. И Пирсон не стесняясь заявил, что хотел обзавестись алиби. Он прямо сказал, что родственники охотно обвинили бы его, если бы могли.

— Что он имеет в виду — признание или убийство?

— И то и другое, — сухо ответил Вайнер и добавил: — Не стану утверждать, что Пирсон ошибался. Он, можно сказать, в семье сбоку припека. Но показания мистера Рэя совпадают: он сообщил, что было

восемь минут первого, когда они расстались.

— Хм... — задумался полковник Босток. — А если часы врут?

— Нет, сэр, мистер Парадайн такого не потерпел бы. Раньше раз в неделю вызывали мастера, который заводил и отлаживал часы, но с началом войны часовщиков стало мало, и тогда мистер Парадайн сам этим занялся. Лейн упомянул, хозяин просто с ума сходил, если какие-нибудь часы в доме спешили или отставали хотя бы на полминуты. Я лично их проверил, и все они показывали одинаковое время, тютелька в тютельку.

— Пойдем дальше. Что скажете про племянников? Они вроде бы тоже уехали рано?

— Да, сэр, примерно без четверти десять.

— Вместе?

— Да, сэр, на велосипедах. У мистера Марка служебная квартира в новом квартале, Берлтон-Мэншн, сразу как въедешь в город. Мистер Ричард живет чуть дальше, на Леннокс-стрит. Оба сказали, что уехали, не простившись с мистером Парадайном. Мистер Ричард якобы никуда не выходил, когда вернулся домой. Мистер Марк сообщил, что отправился погулять. Кстати, полицейский, дежуривший на мосту, его видел. Пока не начался дождь, стояла ясная лунная ночь. Полицейский заметил, что мистер Марк прошел мимо, направляясь в сторону Ривер-Хауса, примерно в двадцать минут одиннадцатого — он посмотрел на часы через несколько минут после того, как увидел мистера Марка. Хотел узнать, скоро ли Новый год. Я только что получил эти сведения и еще не успел известить мистера Марка. Вот пока все, что мне известно от племянников. Дальше идут мистер и миссис Рэй. Он здесь по делам. Они с женой занимали комнаты в разных концах дома.

Полковник Босток кивнул:

— Брак распался. Очень жаль. Странно, что Рэй вообще остался ночевать. Какое неловкое положение.

— Он сказал, сэр, будто у него были какие-то срочные дела, и мистер Парадайн настоятельно просил его остаться. Дело государственной важности, судя по всему. Совершенно секретное.

Полковник снова кивнул:

— Так, так. Он же работает с Кэдоганом. Бомбы и все такое. Я слышал, Рэй очень талантливый человек.

— Да, сэр. Я не так уж много выяснил. Он сказал, что заглянул к мистеру Парадайну пожелать спокойной ночи. И Пирсон это подтвердил. Но миссис Рэй... она, сэр, призналась, что разговаривала с мистером Парадайном, когда остальные отправились спать.

— Что?!

— Вряд ли тут что-то серьезное, сэр. Тем более что она могла бы и промолчать. Я спросил совершенно без задней мысли, видела ли миссис Рэй мистера Парадайна после ужина, и она сразу сказала, что видела. Она пошла к себе, но вспомнила, что хотела кое-что обсудить с мистером Парадайн, потому и вернулась вниз. Миссис Рэй провела в кабинете около двадцати минут. Разговор был очень спокойный, никоим образом не связанный с тем, что произошло за ужином. Больше она ничего не сказала, но у меня создалось впечатление, что она не ожидала встретить тем вечером мужа — дворецкий сказал, никто не ждал мистера Рэя. Думаю, она немного расстроилась, вот и решила побеседовать с дядей.

— Вполне естественно.

— Да, сэр, вот и я так подумал — но, конечно, не поручусь. Мэннерс и Коттон допрашивают прислугу. С дворецким Лейном я поговорил сам, вот показания. Именно он обнаружил труп. Вот показания его жены, миссис Лейн, кухарки... горничной Луизы Хольм, она служит здесь пятнадцать лет... и еще двух молодых особ, Полли Парсонс, младшей горничной, и Глэдис Хаггинс, судомойки. Никто из них ничего не знает. Мисс Хольм прислуживала за ужином вместе с Лейном, но даже не подходила к кабинету. Остальным там тоже было нечего делать. Комнаты слуг в том же крыле, что и кухня, по другую сторону столовой. Их окна не выходят на террасу. Жилые помещения с видом на реку заняты мистером Рэем в одном конце здания, более или менее над кабинетом Парадайна, и миссис Рэй в противоположном конце. Когда мистер Парадайн упал с террасы, Рэй находился в столовой, обращенной окнами в другую сторону. Но миссис Рэй утверждает, что проснулась с ощущением, будто кто-то закричал. Она не уверена в этом, потому что толком не пришла в себя, но ей почудилось, будто она что-то услышала. Она включила свет и посмотрела на часы — было начало первого. Скорее всего она услышала крик мистера Парадайна, когда он падал.

Полковник Босток скорчил недвусмысленную гримасу:

— Господи помилуй, Вайнер! То, что девушка услышала во сне, не назовешь уликой.

— Согласен, сэр. Больше показаний нет, за исключением того, что я услышал от мисс Бренды Амброз. Я оставил ее напоследок и не особенно надеялся что-нибудь узнать. А теперь даже не знаю, что получилось в итоге...

Полковник насторожился:

— То есть?

— Вот показания, сэр, под которыми стоит имя Бренды Амброз. Но все не так просто. Она каждый раз с особым нажимом упоминала свою невестку, миссис Амброз, — у меня сложилось такое впечатление, что она специально старалась вернуть ее имя в разговор.

Полковник Босток присвистнул. Он перелистал заявление Бренды Амброз, вчитался...

— Да, дело не столько в том, что она говорит, сколько в количестве яда.

— Вы тоже это заметили, сэр...

Полковник Босток вновь негромко присвистнул.

— Что-то такое я слышал про эту Ирен... — повторил он.

Глава 20

Мисс Мод Сильвер отправилась за покупками. Даже во время войны, когда существуют трудности с карточками, дети должны быть тепло одеты. Она намеревалась связать свитер и рейтузы для младшего, трехмесячного, сынишки своей племянницы Этель. Та отдала две карточки, но этого не хватило бы. Пришлось воспользоваться собственными весенними запасами. Ничего страшного — платье, сшитое прошлым летом, выглядело по-прежнему превосходно, и чулок тоже было много. Разумеется, девушкам, носившим тоненькие шелковые чулки, приходилось очень нелегко. Достаточно одного взгляда, чтобы понять: долго они не протянут. Лично она носила совсем другие чулки, куда более практичные — зимой из рубчатой серой шерсти, летом из прочной нитки.

Уладив проблему с карточками, мисс Сильвер отправилась выбирать подходящую шерсть. В Берлтоне были очень хорошие магазины, не хуже, чем в Лондоне, например, «Хорнби», но, разумеется, во время войны особым выбором он похвастать не мог, да и не следовало этого ожидать.

Девушка лет пятнадцати за прилавком предложила мисс Сильвер лишь темно-серую, пурпурную и очень яркую изумрудно-зеленую шерсть. Мисс Сильвер, неодобрительно посмотрев на все три цвета, всерьез задумалась о замене. Нужно было нечто плотное и мягкое, на самом деле даже не шерсть, а что-нибудь доступное и более приятных оттенков. Нечасто случалось, чтобы мисс Сильвер с трудом принимала решение. Конечно, самое главное суровой зимой — это тепло, но зеленый цвет все же показался ей слишком ярким, просто ослепительным. А темно-серый для ребенка — нет-нет, ни за что.

Пока она стояла у прилавка в необычной для нее задумчивости, со стороны витрины с яркими шарфами послышались голоса, пониженные до свистящего шепота, который обладает способностью великолепно разноситься вокруг.

— Какой ужас! И именно мистер Парадайн! — прозвучал один голос.

Затем послышался второй, высокий, с чуть заметным пришепетыванием:

— Говорят, его убили.

— Быть того не может!

— Так говорят.

— Да что вы!

— Миссис Кертин... вы знаете, она у меня работает...

— И что?

— Ее племянница Глэдис служит на кухне у Парадайнов. Она говорит, полицейские абсолютно уверены: он ни за что не свалился бы с террасы, если бы его не толкнули.

— Ш-ш!

— Ну, дорогая моя, я просто повторяю то, что услышала... но, конечно, разное болтают...

— Людям рты не заткнешь. Но какое ужасное...

— Ш-ш... сюда идет Лидия Пеннингтон.

Мисс Сильвер внезапно решила. Маленький Роджер будет носить темно-серый костюмчик с воротничком, манжетами и поясом ярко-зеленого цвета. Она быстро распорядилась, протянула карточку, чтобы с нее срезали купоны, и повернулась, желая посмотреть в дальний конец магазина.

К ней шла Лидия Пеннингтон в темно-сером пальто. Черная фетровая шляпка, которую она только что купила, низко сидела на рыжих кудряшках, поля затеняли маленькое бледное личико без единой кровинки. Губы были едва накрашены. Вполне возможно, что мисс Сильвер, до сих пор встречавшая Лидию лишь однажды, не узнала бы ее, если бы не голоса за стойкой с шарфами.

Лидия, напротив, узнала бы мисс Мод Сильвер где угодно. Опрятная фигурка в допотопном черном жакете и старых мехах, шляпка с букетиком фиолетовых анютиных глазок, аккуратно уложенные волосы мышиноного цвета, непримечательные черты, общее впечатление мягкости и самообладания — все это оставляло прочный след в памяти. Мод Сильвер всегда сразу узнавали при встрече.

Мисс Сильвер услышала, как ее окликают, и ощутила уверенное рукопожатие.

— Мисс Сильвер, вы меня помните? Ну конечно, нет. Но мы с вами все-таки встречались месяц назад. Вы тогда были с Лорой Десборо, и она нас познакомила. Она моя подруга. Я Лидия Пеннингтон.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Я вас хорошо помню, мисс Пеннингтон.

Лидия быстро спросила:

— Что вы здесь делаете?

Ее щеки вновь окрасились румянцем.

Мисс Сильвер самым сухим тоном ответила:

— Покупаю шерсть.

Лидия раскраснелась еще больше и понизила голос:

— Я имела в виду другое. Я хотела спросить — вы что-то расследуете? Мисс Сильвер пристально посмотрела на собеседницу.

— Нет-нет. Я гощу у племянницы, миссис Беркетт. Мистера Беркетта перевели в берлтонский филиал банка. Он пошел в армию, но здоровье у него не слишком крепкое, и его отправили домой. Этель так рада. Они очень привязаны друг к другу, и у них трое детей, все мальчики. Они любезно пригласили меня на Рождество, но я не смогла приехать, однако решила встретиться с ними Новый год.

Говоря, мисс Сильвер наблюдала, как играют краски на лице мисс Пеннингтон и как она старательно отворачивается от других покупателей. Впрочем, мисс Сильвер не слишком удивилась, когда Лидия сказала:

— Мисс Сильвер... я хочу с вами посоветоваться... вы можете уделить мне немного времени?

— Здесь неподалеку есть хорошая кондитерская. Давайте выпьем по чашке чая.

— Даже не знаю... вряд ли... меня слишком многие здесь знают. Я просто зашла, чтобы купить черную шляпку, у нас же будет следствие, а потом похороны... Где вы живете? Может, я вас провожу?

Мисс Сильвер кивнула:

— Да, конечно, мы можем пройтись. Моя племянница живет в Берлтон-Мэншн.

— Что?

— Новый, очень удобный дом. На первом этаже есть ресторанчик, и цены весьма разумные. Но конечно, Этель почти все готовит сама, у нее ведь дети. Кухня там самая современная. А вы, я вижу, знаете этот район?

— Там живет один мой знакомый.

— Тогда я сейчас заплачу за шерсть, и мы прогуляемся, — сказала мисс Сильвер.

Глава 21

Примерно через час Лидия вышла из квартиры миссис Беркетт (Берлтон-Мэншн, двенадцать) и несколько секунд постояла на площадке. Можно было спуститься пешком или на лифте. Лидия недолго любила автоматические лифты. Она посмотрела на дверь соседней квартиры и подумала: какое необыкновенное совпадение, что племянница мисс Сильвер живет на одной площадке с Марком Парадайном. Может быть, он дома? Лидии до боли захотелось, чтобы он оказался дома. Она подошла к двери и позвонила. Они сэкономят несколько часов и в кои-то веки поговорят наедине, без непрерывно суетящихся родственников. А потом он ее подвезет. Несомненно, Марк поедет в Ривер-Хаус. Отличные доводы, полные здравого смысла. Но причина, которая повлекла Лидию через площадку и заставила надавить пальцем на кнопку звонка, не имела ничего общего со здравым смыслом.

В глубине квартиры звякнул колокольчик. Лидия не сомневалась, что Марка не окажется дома. Да и с какой стати? Было почти пять. Скорее всего он пил чай с Грейс Парадайн и Филидой, в то время как Элиот и Альберт маячили где-то на периферии, если их вообще пустили на порог. Ну или он разговаривал с поверенными, гробовщиками и полицейскими.

Лидия уже дошла до крайнего отчаяния, но дверь вдруг распахнулась, и перед ней возник мрачный Марк. Оставалось лишь надеяться, что столь яростный взгляд вызван не ее приходом. Лидия почти успокоилась, когда Марк коротко буркнул:

— Я думал, это снова чертов репортер.

Она вновь стала холодной и сдержанной.

— Спасибо, милый, я тоже рада, что я не репортер. У тебя на лице написана жажда убийства. Можно войти?

Он отступил от двери.

— Зачем ты это сказала?

— Сказала что?

Он хрипло повторил:

— «Убийство».

Лидию замутило. Что он сотворил с собой? Что он делает, зачем говорит такое и доводит себя до подобного состояния? Она захлопнула дверь, прислонилась спиной и в порыве гнева воскликнула:

— Не будь идиотом!

Они стояли, яростно глядя друг на друга, но наконец Марк пришел в себя, коротко и невесело рассмеялся и повернулся к комнате, откуда вышел.

— Ну ладно, ладно. Ты все еще не прочь войти?

— Да.

Она прошла мимо него в неприбранную, но уютную гостиную: коричневые кожаные кресла, коричневые шторы, потертый ковер, полки, заставленные книгами, письменный стол, электрический камин. Лидия присела на подлокотник кресла.

— Хватит! — потребовала она. — Я обожаю с тобой ссориться, дорогой, но сейчас времени нет. Нам надо поговорить. И сядь, пожалуйста, потому что ты ужасно высокий, а я не могу говорить, когда кто-то мрачно нависает надо мной.

Он неохотно опустил на подлокотник кресла напротив.

— Что тебе надо? Сама знаешь, я занят. Я заскочил домой за бумагами.

— Не бойся, я задержу тебя не дольше, чем потребуется. Вообще не задержу, если не захочешь.

— Выкладывай, что случилось?

Марк желал, чтобы Лидия принимала его таким, какой он есть. Чтобы она осталась, переполняемая бурными чувствами, которым он сопротивлялся. Глубоко в душе внутренний голос твердил Марку то же самое, что и Лидия: «Идиот, безнадежный идиот».

Она спросила тихо и серьезно:

— Марк, ты слушаешь? Я очень хочу с тобой поговорить, но не произнесу ни слова, если ты не будешь слушать.

Он посмотрел на нее, кивнул и вновь отвел глаза.

— Ладно.

— Сам понимаешь, в Мидоукрофте или Ривер-Хаусе уединиться нельзя. А мне нужно поговорить.

— Давай говори.

Лидия не смотрела на Марка. Взгляд ее был устремлен на ярко-красные поленья в бронзовой пасти камина. Она сказала:

— Марк, случилась большая беда. Полиция думает, виноват один из нас.

— До тебя только что дошло?

— Нет, конечно, нет. Но я не знаю, как выпутаться.

— Я тоже. Что дальше?

— Нам нужен кто-нибудь, способный помочь.

— Что ты имеешь в виду?

Наконец Лидия подняла взгляд на него.

— Есть подходящий человек. Прямо здесь, в этом доме. Ее зовут мисс Мод Сильвер. Я услышала о ней от Лоры Десборо. Ты ее не знаешь, но, наверное, помнишь дело о китайской шали — так вот, именно мисс Сильвер помогла его раскрыть. И прошлогодние убийства в доме Ванделеров, когда полиция схватила ту женщину... Симпсон, если не ошибаюсь, которую искали много лет. Им тоже помогла мисс Сильвер. Она просто чудо — и сейчас она гостит в соседней квартире. Миссис Беркетт — ее племянница.

Марк посмотрел на Лидию с сомнением и грустью.

— И что, по-твоему, способна сделать твоя замечательная знакомая? Найти козла отпущения за пределами семьи? Нечего сказать, хорошая перспектива.

— Мне не нужен козел отпущения, — сказала Лидия. — Я хочу знать правду.

— Какова бы она ни была?

— Да. А ты разве не хочешь?

— Даже не знаю...

Она всплеснула руками.

— Марк, но мы обязаны! Как мы будем жить, если не узнаем правду? Это тайна, которую нужно раскрыть. Иначе... что будет дальше? Вечные сомнения, все подозревают друг друга и гадают, что думают окружающие... боятся вести себя естественно... боятся открыть рот... Посмотри на себя... и на меня! Я произнесла самое обыкновенное слово, а ты сразу взвился! За такой прием надо было прикусить язык и надавать тебе пощечин... жаль только, мне не дотянуться! Что, теперь мы составим список тем, которые нельзя обсуждать? Список слов, которые нельзя произносить? Мы так и будем ходить вокруг да около и шипеть, как кошки на раскаленной крыше? Какой бы ни была правда, ее нужно узнать.

Марк встал, приблизился к одной из книжных полок и остановился, поглаживая корешки книг.

— Какова бы ни была? — повторил он. — Сомневаюсь. Легко сказать... но когда дойдет до дела и ты начнешь перебирать родственников по одному и думать, кто же виноват... ей-богу, не знаю. Допустим, старика убили, допустим, кто-то действительно столкнул его с террасы, допустим, полиция, ну или твоя мисс Сильвер найдет виновника... и кто, по-твоему, убийца? Тетя Грейс? Фрэнк Амброс? Бренда? Ирен? Ты? Я? Дики? Альберт Пирсон? Элиот? Филида? Вот мы все, и один из нас это сделал. Ты говоришь: давайте выясним во что бы то ни стало. Ну ладно. Допустим, полиция или твоя мисс Сильвер раскроет дело, и виновника повесят... —

Он повернулся и быстро зашагал обратно. — Повесят одного из десяти человек. Тетю Грейс, Фрэнка Амброза, Брендю, Ирен, тебя, меня, Дики, Альберта, Элиота, Филиду... Кого?

Лидия тоже встала. Она была блее мела, но решительно взглянула на Марка:

— Это я и хочу узнать.

— У тебя нет никаких предпочтений? Конечно, мы все хотели бы, чтобы убийцей оказался Альберт, потому что он нам никогда не нравился. Но нельзя повесить человека только за то, что он зануда. И к сожалению, Альберт и Элиот — единственные, у кого есть хотя бы некоторое подобие алиби. Если желаешь знать, на ком скорее всего остановит свой выбор полиция, я тебе скажу. На мне.

— Почему? — Голос Лидии оставался таким же спокойным, как и взгляд.

Марк рассмеялся:

— Потому что я возвращался в Ривер-Хаус.

— Зачем?

— А ты как думаешь?

— Не представляю, Марк.

— Не такая уж ты смышленная, детка. Ты, кажется, не в силах сложить два и два. Зато полиция умеет собирать головоломки, и это у них неплохо получается. Они скажут, что я вернулся, чтобы признаться дяде Джеймсу, на что бы он там ни намекал, а потом придут к выводу, что я сбросил его с балкона.

После небольшой паузы Лидия спросила:

— Полицейские знают, что ты возвращался?

Он дернул плечом:

— Узнают. В тот вечер к Вайнеру присоединился начальник полиции. Я рассказал им, что вышел погулять. Жалкая отговорка. Почти наверняка парень, который дежурил на мосту, сообщил, что видел Марка Парадайна. Он меня хорошо знает. Скорее всего он даже поздоровался, когда я проходил мимо. Они не усомнятся, что я вернулся в Ривер-Хаус.

— Ты действительно туда ходил?

— Да.

— Зачем?

— Конечно, чтобы убить дядю Джеймса. Зачем же еще?

Лидия схватила его за плечо и встряхнула.

— Марк, перестань говорить глупости, это слишком опасно! Разве ты не понимаешь, что играешь с огнем?

Он вывернулся, отошел в угол, постоял там и вновь вернулся.

Лидия попросила:

— Пригласи мисс Сильвер. Нам нужна помощь, сами мы не справимся. Марк, ты сделаешь это?

— Да.

— Что насчет наследства? Ты душеприказчик?

— Да. Мы с Робертом Моффетом.

— А дом? Кто получит дом?

— Я. Дом, пай в фирме и целую кучу денег. Вот и мотив, за который ухватится полиция.

— Чушь! — возразила Лидия. — Если дом твой и ты душеприказчик, ничто не помешает тебе пригласить мисс Сильвер. Выдай ее за секретаршу. Никто не узнает.

— Я не стану дурачить членов семьи. Подобные трюки годятся разве что для прислуги, а что эта женщина собой представляет?

Лидия расслабилась, поняв, что Марк подчинится. Упрямый, непокорный нрав, с которым она боролась, отступил на второй план. Как ни странно, ее охватила дрожь.

Лидия негромко рассмеялась и сказала:

— Она вылитая гувернантка.

Глава 22

Мисс Сильвер с самым серьезным видом сидела за письменным столом. Перед ней, рядом с пачкой промокательной бумаги, лежала тетрадь в ярко-зеленой обложке. Марк устроился напротив. Лидия откинулась на спинку самого удобного кресла и смотрела на обоих. В тетрадь были внесены имена членов семьи и родных Парадаинов, а также факты, известные о каждом. В очередной раз прозвучал рассказ об обстоятельствах новогоднего ужина и смерти Парадайна.

Марк отрывисто произнес:

— Мы ставим вас в неловкое положение. Думаю, следовало сначала посоветоваться с родными. Возможно, они не...

Мисс Сильвер кашлянула.

— Вы ничем себя не связываете, мистер Парадайн, это само собой разумеется. Разумеется, я считаю конфиденциальным все, что вы мне сообщили. В то же время я считаю своим долгом указать, что противодействие следствию со стороны любого члена вашей семьи послужит весьма серьезным признаком, который не следует упускать из виду.

Марк, нахмурившись, откинулся на спинку кресла.

— Человек необязательно преступник и убийца только потому, что ему не хочется отвечать на вопросы посторонних.

Мисс Сильвер снисходительно улыбнулась:

— Вы правы, мистер Парадайн. Известность, которую из-за убийства обретает пострадавшая семья, поистине мучительна, но, боюсь, неизбежна. Я расширю ваше замечание, если позволите, и скажу, что не всякий, кому есть что скрывать, — преступник. Одна из сложностей такого рода дел заключается в том, что у многих людей есть мысли, желания и поступки, которые они неохотно раскроют даже другу, но тем не менее, когда производится полицейское расследование, многие тайные мотивы и поступки становятся явными. Честно говоря, немного напоминает Судный день, если можно использовать такое сравнение, не боясь богохульства.

— Да-да, вы правы, — сказал Марк.

Он удивлялся самому себе. После двадцати минут разговора с этой на удивление неизящной маленькой особой, во время которого она не сказала и не сделала, казалось бы, ничего примечательного, он испытывал странное облегчение. Ничего подобного не происходило с ним со времен детства.

Старая няня, тиран и главная поддержка Марка в те далекие полузабытые времена до смерти родителей... Что-то в мисс Сильвер оживило давние воспоминания. Старомодная благопристойность, авторитет, который не нуждался в самоутверждении, потому что никто в нем и не сомневался, — вот что Марк увидел в мисс Сильвер и был весьма расположен искать опору в этих качествах. Проницательный добрый взгляд мисс Сильвер — несомненно добрый и проницательный! — перенес Парадайна-младшего в давние времена. «Нет совершенно ничего хорошего в том, что вы стоите здесь и лжете мне, мистер Марк. Во-первых, я вам не поверю, а во-вторых, ложь не принесет вам никакой пользы».

Эффект был тот же самый, а еще в него вселилась уверенность, которой он не знал с тех самых пор, когда просыпался в поту после кошмара и видел огонек свечи в руках няни и слышал: «Ну, ну, ну, что такое?»

Он поднял голову и встретился взглядом с мисс Сильвер. Глаза Марка светились особым светом. Мисс Сильвер увидела в них то же, что и в глазах многих других, — отчаянный зов о помощи. Она улыбнулась, как улыбаются испуганному ребенку, и сказала:

— Что ж, мистер Парадайн, пока оставим дело как есть. Возвращайтесь и посоветуйтесь с родными. А потом, если угодно, я приеду в Ривер-Хаус и сделаю все возможное, чтобы помочь вам.

Он коротко ответил:

— Я не собираюсь ни с кем советоваться, я готов принять ответственность на себя. Я хочу, чтобы вы занялись расследованием. Поедьте туда немедленно.

Мисс Сильвер посерьезнела.

— Вы абсолютно уверены?

Марк в нетерпении кивнул:

— Да, я уверен. Я хочу, чтобы вы поехали. Лидия права, надо во всем разобраться. Я прекрасно понимаю, что у детектива, который живет в доме, больше шансов, чем у полиции.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Вы должны уяснить, мистер Парадайн, что мое положение будет неофициальным и что я не стану участвовать ни в чем, чего не одобрила бы полиция. Могу я спросить, кто расследует это дело?

— Инспектор Вайнер.

На ее лице появилась заинтересованность.

— Правда? Я слышала о нем от своего давнего ученика, Рэндала Марша, инспектора в Ледлингтоне. Он считает мистера Вайнера очень

способным человеком. — Она поднялась с видом учительницы, которая отпускает класс после уроков. — Значит, мы договорились. Тогда я пойду собираться и скоро вернусь.

Глава 23

— Ты привел сюда детектива? Сюда?! — Мисс Парадайн побелела. Хозяйка дома вполне владела собой, но ее глаза сверкали, а в голосе звучала сталь.

Марк, стоявший у входа в гостиную, окинул взглядом родственников и ответил:

— Да.

Здесь собрались все, кроме Альберта Пирсона. И все смотрели на Марка — Фрэнк Амброс мрачно нахмурился, Бренда была бледнее обычного, ее взгляд перебегал туда-сюда, Дики вытянул губы, словно для неслышного свиста, Элиот смотрел сурово, а Грейс Парадайн — с таким гневом, который Марк наблюдал лишь пару раз в жизни. Лишь на лице Лидии читалось некоторое поощрение. Она встретилась взглядом с Марком — глаза ее улыбались — и быстро отвернулась. Она подумала: «Сейчас будет мясорубка. Бедный Марк».

Никто не садился. Грейс Парадайн сказала:

— Не знаю, о чем ты вообще думал. Немедленно отошли его.

Марк остался стоять у дверей. Он сказал:

— Нет. — И добавил: — Это женщина, тетя Грейс. Мисс Сильвер.

Она повторила с не меньшим гневом:

— Отошли ее немедленно.

— Не могу. Простите, если мой поступок вам не нравится, но я принял решение. Понимаю, что вы все не в восторге, но в доме произошло убийство. Насколько я могу судить, только убийца станет возражать против присутствия человека, способного распутать преступление. Я не утверждаю, что дядю Джеймса убил один из нас. Но полиция думает иначе. Я надеюсь, детективы ошибаются. Я привез мисс Сильвер сюда, поскольку считаю: это возможность узнать правду. Полагаю, мы обязаны ее узнать. Сейчас мы под подозрением. Самостоятельно разобраться невозможно, потому что мы в центре заварушки и не знаем, как ситуация выглядит извне. Полицейские подозревают всех, у кого нет алиби. Они будут копать, пока не найдут подходящий мотив. Мисс Сильвер сказала, что расследование убийства похоже на Судный день. И она абсолютно права. У большинства людей есть то, что они не желают выставлять на свет божий. Но что толку? Мы все равно ничего не сумеем скрыть. Это черт знает как неприятно, но есть и кое-что похуже: мы будем подозревать друг друга, а

остальные будут подозревать нас. Мы должны выяснить, кто виноват, причем быстро.

Воцарилась гнетущая тишина, которую прервали рыдания Ирен. Она, всхлипывая, проговорила:

— Как... как ты можешь такое говорить?

Марк коротко ответил:

— Так будут говорить все.

Грейс Парадайн произнесла голосом, полным ледяного гнева:

— Ты чересчур быстро готов обвинить своих родственников в убийстве, Марк. Может, скажешь, кого подозреваешь?

Он выпрямился и взглянул на нее с горьким изумлением:

— Насколько я понимаю, полиция оказала такую честь мне...

На сей раз Дики действительно присвистнул. Фрэнк Амброз спросил:

— С чего ты взял?

— Просто я так думаю. Но кажется, я не обязан давать показания против самого себя?

— Полиция захочет узнать условия завещания. Ты их знаешь?

— А ты?

Фрэнк Амброз ответил, пожалуй, слишком быстро:

— Нет. — И после короткой паузы продолжил: — Полагаю, что ты-то знаешь. И раз ты наследник, оно наверняка составлено в твою пользу.

— Это — одна из причин, по которым полиция будет меня подозревать.

Фрэнк не замолкал:

— Разве тебе не известна твоя доля? Я думаю, остальные тоже должны знать.

— Здесь и сейчас?

— Полагаю, мы имеем право знать столько же, сколько и ты. Я ведь не спрашиваю, откуда ты узнал.

Марк ответил:

— Это звучит чертовски оскорбительно, Фрэнк. — Необычайно отстраненным тоном он пояснил: — Дядя Джеймс показывал черновик завещания. Я всего не помню. Филида получает пять тысяч — он был очень к ней привязан. Дики получает десять плюс акции «Кроссли». Бриллианты тети Клары нужно поделить между Дики и мной — две трети мне, треть ему. Альберт получает тысячу фунтов, свободных от уплаты налога на наследство. Вы с Брендой — по две тысячи каждый, в знак признательности. Дядя сказал, что открыл для вас счета, как только вы достигли совершеннолетия. Вот и все, что я могу вспомнить прямо сейчас.

Фрэнк мрачно уставился на него:

— Кто получает остальное?

— Я. Я главный наследник.

— Ты получаешь дом?

Марк кивнул:

— Да. Сами понимаете, полиция просто обязана меня заподозрить. Но давайте вернемся к вопросу о мисс Сильвер. Она с невероятным успехом раскрыла несколько преступлений. С ней легко поладить, она совершенно не назойлива. Прошу вас не создавать для нее трудностей. Я понимаю ваши чувства, тетя Грейс, и мне очень жаль, но вы, несомненно, не меньше остальных желаете, чтобы дело распутали. Как я уже сказал, только преступник не хочет, чтобы мы узнали правду. Вряд ли кому-нибудь здесь по нраву это клеймо, поэтому я надеюсь, что все вы постараетесь помочь по мере сил.

Никто не ответил.

Когда тишина продлилась достаточно долго и стало ясно, что ответа не будет, Марк развернулся и вышел из комнаты, чуть не врезавшись на пороге в Альберта. Едва избежав столкновения, Альберт приблизился к мисс Парадайн.

— Внизу мистер Моффет. Он просит его принять.

Глава 24

Грейс Парадайн ждала Роберта Моффета. Она подошла ближе к камину и стояла, повернувшись лицом к двери, в которую он должен был войти. Она тридцать лет не оставалась в комнате наедине с ним — со времени того короткого мучительного разговора, когда она сказала Моффету, что знает про Керри Линтотт, и вернула кольцо. Сквозь дымку прошлого мисс Парадайн по-прежнему с удовольствием вспоминала, что заплакал он, а не она. До назначенного дня свадьбы оставался всего месяц. Ее свадебное платье висело, накрытое чехлом, в комнате, где теперь жила Филида. Венок и вуаль лежали в верхнем ящике комода. Именно Роберт Моффет внес в разговор необходимую толику чувств. Он ползал на коленях и хватал Грейс за подол. Униженно каялся. Умолял, упрашивал, протестовал. Грейс Парадайн вспоминала все это не только сейчас, но и каждый раз за последние тридцать лет, когда видела Роберта Моффета.

Нельзя жить в одном городе и ни разу не встретиться. Моффет-старший был компаньоном в «Парадайн — Моффет уоркс». В должный срок Роберт унаследовал отцовское дело. Они не могли вечно избегать друг друга. На некоторое время Грейс Парадайн уехала, потом вернулась. Разумеется, они встретились. В первый раз это произошло на балу графства. Она отлично выглядела в новом платье, кланяясь и улыбаясь. А он покраснел и отвернулся. Потом были многочисленные случайные встречи — на улице, в дверях церкви или театра, на балах, приемах, благотворительных базарах. Роберт перестал краснеть, но Грейс Парадайн по-прежнему вспоминала, как он стоял перед ней на коленях. Когда он женился, она нанесла официальный визит невесте и оставила отцовскую карточку. Миссис Моффет, приятная и цветущая миниатюрная особа, улыбалась, играла ямочками на щеках и старалась понравиться. Мисс Парадайн не оказалось дома, когда она приехала с ответным визитом. Встречи между представителями двух домов оставались редкими и формальными. Ни разу до нынешнего дня никто не пытался установить личные отношения.

Дверь открылась, и появился Роберт — рослый, широколицый, румяный, веселый. Он подошел к мисс Парадайн, протягивая руку. Он был поражен и потрясен, но в то же время откровенно волновался. Даже произошедшее в семье убийство не помешало Моффету подумать о том, как грозно выглядит Грейс Парадайн и как же ему повезло. Просто не

верилось, что некогда он по уши влюбился. Он думал, что наступил конец света, когда получил отказ. Зато теперь Моффет порадовался, что его счастье составила покладистая Бесси. Она воплощала собой доброту и уют. Моффет считал, что женщина должна быть доброй.

Мисс Парадайн не обратила внимания на протянутую руку. Когда Моффет воскликнул: «Какое ужасное происшествие!», она ответила, что он поступил очень любезно, придя с соболезнованиями. Он подумал: какая она бесстрастная, как отлично владеет собой. Он всерьез изменил бы мнение о Грейс Парадайн, если бы она расплакалась. Однако когда на ее лицо упал свет из дальнего окна, Моффет был поражен, увидев бледность хозяйки дома и темные круги под глазами.

— Мы страшно потрясены. Если мы чем-нибудь можем помочь... Какое несчастье для вас, Грейс... Не представляю, как вы будете жить без него, даже не в силах вообразить... он всегда был здесь, и тем тяжелее... просто не знаю, что сказать. Надеюсь, Филида здесь — она послужит вам утешением. Элиот ведь тоже приехал? Джеймс позвонил мне вчера вечером и сказал, что мистер Рэй остается в Ривер-Хаусе. Он сорвался неожиданно, и будь это кто-нибудь другой, уж я бы его отчитал, но в данном случае мы только обрадовались — мы с Бесси. Просто ужасно, когда молодые люди вот так расстаются. Джеймс, конечно, тоже переживал — он хотел, чтобы они помирились. Надеюсь, он был удовлетворен сознанием того, что соединил их. Я никогда не мог понять, что случилось. Филида такая прелестная девушка. Я рад, что она рядом с вами.

Грейс Парадайн произнесла низким, сдержанным голосом:

— Да, она со мной. — Она отступила на шаг и позвонила. — Думаю, вы не откажетесь побеседовать с Марком, Роберт.

Глава 25

Марк достиг верха лестницы, когда его догнал Элиот Рэй:

— Подождите минутку.

— Что случилось?

— Где эта женщина?

— В кабинете. Я сказал Лейну, чтобы он отвел ей комнату рядом с вашей.

Элиот коротко сказал:

— Мне нужно ее видеть.

— Ну так идемте. Хотите, чтобы я присутствовал?

Элиот задумался:

— Право, не знаю... нет, лучше мы увидимся наедине. Многие ей уже известно?

— Первой с мисс Сильвер увиделась Лидия, и я не знаю, о чем она говорила. Я сообщил о событиях вчерашнего вечера. Перечислил всех, кто находился в доме, и объяснил, каким образом они связаны. Ну и так далее.

Элиот помедлил несколько секунд, словно желая что-то сказать, наконец мрачно рассмеялся и произнес вовсе не то, что думал:

— Кажется, вы, помимо прочего, унаследовали семейную склонность бросать бомбы.

С этими словами он спустился с лестницы, завернул за угол и зашагал к кабинету, разминувшись с Робертом Моффетом, который вышел из гостиной в другом конце коридора.

Первый же взгляд на мисс Сильвер заставил Элиота изумиться. Он совершенно иначе ее представлял. Впрочем, Элиот и сам толком не знал, что ожидал увидеть. Наверное, властную, энергичную женщину с холодным взглядом и неумолимо поджатыми губами. Уж точно не эту кроткую и чопорную низенькую особу в наряде, который сочли бы старомодным уже тогда, когда Элиот родился. Он вспомнил фильм об эдвардианской эпохе, который видел достаточно недавно, чтобы образы воскресли в памяти.

Он уточнил: «Мисс Сильвер?» — и получил в ответ приятную улыбку и легкий кивок.

Она сидела за столом, а перед ней лежала зеленая тетрадь. Странно было видеть эту женщину в кресле старого Джеймса. Полицейские полдня торчали в кабинете. Они фотографировали комнату и террасу, обследовали

все в поисках отпечатков пальцев. Теперь здесь вновь царили порядок и чистота. Полиция закончила свою работу. Мистер Парадайн тоже. Если бы не маленькая женщина, похожая на гувернантку, которая сидела за столом, кабинет выглядел бы точно так же, как и накануне вечером. Стулья поставили на привычные места. Стол, чернильница, промокательная бумага — все как всегда, за исключением зеленой тетрадки перед мисс Сильвер, а слева — маленькой записной книжки, из тех, что дарила мисс Парадайн вчера. Книжка была синяя. Элиот задумался, как она сюда попала. Он не помнил, кто получил синюю, — не обратил внимания. Наверное, Марк или Ричард. Элиот подошел, взял ежедневник и повертел в руках. Ежедневник раскрылся, как и положено книжке, которую перегнули, чтобы отметить страницу. Показалась дата — 1 февраля.

По-прежнему держа записную книжку в руках, Элиот услышал вопрос мисс Сильвер:

— Вас интересуют дата и книжка?

Он немедленно положил ежедневник на место.

— Ни то ни другое. Мисс Парадайн раздавала их в качестве подарков вчера вечером. Я задумался...

— ...кому досталась эта книжка? Не мистеру ли Парадайну?

— Не знаю. — Но в голосе Элиота прозвучала уверенность. Он придвинул стул и сел. — Насколько мне известно, вы составили список имен. Меня зовут Элиот Рэй. Марк Парадайн сказал, что я могу поговорить с вами.

— Да, конечно.

Приятный тембр голоса мисс Сильвер и слегка чопорная манера говорить изобличали женщину, получившую хорошее воспитание. Пока Элиот размышлял, она напомнила:

— О чем вы хотели рассказать, мистер Рэй?

Что-то побудило его ответить:

— Мне стало интересно, много ли вы знаете.

Мисс Сильвер улыбнулась. Довольно резкий молодой человек — несомненно умный и явно не настолько взвинченный, как мистер Марк Парадайн. Превосходная память напомнила ей, что Элиот — один из двух членов семьи, которым посчастливилось обзавестись алиби на время убийства. Она улыбнулась:

— Далеко не так много, как хотелось бы, мистер Рэй. Возможно, вы дополните мои сведения. Я очень рада видеть вас. Не станете возражать, если я задам несколько вопросов?

— Вовсе нет.

— Тогда, мистер Рэй, скажите — вы ведь не живете в Берлтоне?

— Нет.

— Вы заняты секретной работой, которая связана с самолетостроением?

— Да.

— Насколько широко это известно? Как и тот факт, что ваш нынешний приезд в Берлтон связан с правительственным заказом, который получила фирма «Парадайн — Моффет уоркс»?

— Не стану утверждать, что это общеизвестно.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Вы признаете, что все собравшиеся вчера за праздничным столом были в курсе?

Он с удивлением посмотрел на собеседницу.

— Да, признаю. По крайней мере они все могли бы это узнать, если бы захотели. Но полагаю, ни одна из женщин не заинтересовалась бы.

Мисс Сильвер снова кашлянула.

— На предположениях основываться нельзя, мистер Рэй. Давайте продолжим. Вы ночевали в Ривер-Хаусе вчера, насколько я знаю, но не позавчера. Вы изначально собирались здесь оставаться?

Она увидела, как его светлые брови сдвинулись — Элиот нахмурился.

— Нет.

— Вы знали заранее, что вам придется здесь ужинать?

— Нет.

— Не расскажете ли, отчего ваши планы изменились?

С наигранной беззаботностью Элиот ответил:

— Мистер Парадайн позвонил мне в семь. Он сказал, что хочет встретиться по деловому вопросу.

— Когда вы приехали, он настоял, чтобы вы остались на ужин и переночевали? Могу я спросить, как вы намеревались провести вечер?

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Я должен был ужинать с мистером Моффетом, партнером мистера Парадайна.

— И вам пришлось отменить встречу?

— Мистер Парадайн извинился от моего лица.

— Ну надо же... — сказала мисс Сильвер. — А сейчас я собираюсь задать вопрос, на который, возможно, вы не захотите ответить. Мисс Пеннингтон и мистер Марк Парадайн рассказали о том, что случилось за ужином вчера вечером. Несомненно, все, а особенно виновник, пережили неприятные минуты. Насколько я знаю, мистер Парадайн так и выразился

— «виновник». Но, объявив, что кто-то предал семейные интересы, он не разъяснил сути предательства. Полицейские, несомненно, уже наводят справки. Я не знаю, какого рода информацию им удалось получить и к каким выводам они пришли — если вообще пришли. Я лишь хочу спросить: не привезли ли вы с собой какие-нибудь бумаги или чертежи? Уверена, что привезли.

— Разумеется.

— Вы доверили их мистеру Парадайну?

— С чего вы взяли?

Мисс Сильвер улыбнулась:

— Я в этом не сомневаюсь, мистер Рэй. Также я не сомневаюсь, что мистер Парадайн вызвал вас в семь, желая сообщить, что ваши бумаги, полностью или частично, пропали.

Элиот порывисто отодвинул стул и вскочил.

— Кто вам сказал? Марк?

Мисс Сильвер с интересом посмотрела на молодого человека и сдержанно ответила:

— Сомневаюсь, что мистеру Марку Парадайну это известно.

Элиот подался к ней.

— Значит, Лидия? Вам сказала Лидия?

Мисс Сильвер покачала головой:

— Я в равной мере уверена, что мисс Пеннингтон ничего не знает.

— Тогда откуда же, черт возьми?...

Мисс Сильвер с упреком покосилась на него. К своему крайнему удивлению, Элиот почувствовал, что краснеет.

— Прошу прощения. Но не угодно ли вам объяснить, кто?...

В ее взгляде отразилась безмерная снисходительность. Элиот ощутил себя глупым мальчиком, которому учитель терпеливо объясняет очевидное.

— Об этом говорят улики, мистер Рэй. Простите, если я затрону вопросы, которые могут оказаться болезненными. Между вами и семьей мистера Парадайна возникло отчуждение. То, что вы ужинали здесь и ночевали, означает лишь одно из двух — примирение или срочное дело, настолько серьезное, что прочие соображения пришлось отложить. Никаких признаков примирения я не усматриваю. Ваше появление в гостиной незадолго до ужина насторожило присутствующих. Оно было неожиданным даже для мисс Парадайн, то есть, прошу прощения, для миссис Рэй. Таким образом, я перехожу ко второму варианту — делу столь важному и неотложному, что мистер Парадайн лично извинился перед мистером Моффетом и уговорил вас принять участие в осуществлении

некоего плана, который предполагал, что вы присоединитесь к гостям за ужином и проведете в доме ночь. Если вспомнить его слова о предательстве и о том, что ему известно имя виновника, напрашивается вывод: ваш патрон хватился каких-то очень важных документов. Он знал, кто их взял, и надеялся оказать достаточное давление на преступника, чтобы гарантировать возвращение похищенного. Так ваше согласие и сцена за праздничным столом самым естественным образом становятся на места. Заодно появляется очень серьезный мотив для убийства человека, который обладает компрометирующей информацией.

Элиот медленно опустился обратно на стул, продолжая цепляться за край стола. Все еще не разжимая пальцев, он сказал:

— Вы провели в доме четверть часа. Вы утверждаете, что выяснили все это сами? Простите, но мне не верится. Что рассказали вам Марк и Лидия? Не хочу показаться грубым, но должны же вы понимать, что если хоть одному из них известно про мои похищенные чертежи, значит, он и есть вор. Лишь трое знали, что чертежи исчезли, — тот, кто их взял, мистер Парадайн и я. Если Марк или Лидия знают...

Мисс Сильвер вновь кашлянула.

— Очень хорошо сформулировано, мистер Рэй. Приятно иметь дело с человеком, который быстро улавливает суть. В любом случае заверяю вас: ни мистер Марк, ни мисс Лидия не имеют ни малейшего понятия о том, что обвинение мистера Парадайна каким-то образом связано с пропавшими чертежами. Мисс Лидия просто сообщила, что между вами и семейством Парадаинов возник серьезный разлад, но деловые отношения не пострадали. Мистер Марк добавил к сказанному, что ваш вчерашний визит был вызван каким-то конфиденциальным вопросом в связи с правительственным заказом. Я сделала свой вывод на основе полученных сведений и некоторых второстепенных фактов. Судя по вашим словам, мои заключения верны.

Элиот выпустил край стола и откинулся на спинку стула.

— Да, верны.

Мисс Сильвер открыла зеленую тетрадь и что-то записала. Затем она продолжила:

— Мистер Парадайн сказал вам, что знает, кто взял чертежи?

— Да.

— Он каким-либо образом дал понять, кто это?

— Нет.

Она взглянула на собеседника.

— Мистер Рэй, надеюсь на вашу помощь. Вы умны и наблюдательны.

Я хочу знать, какое впечатление произвел на вас в ту минуту его голос, вид, поведение. До какой степени облик выдавал смятение мистера Парадайна или, может быть, шок?

Элиот коротко рассмеялся:

— Мистер Парадайн не из тех, кто выказывает свои чувства.

— Тем не менее вы, наверное, составили какое-то впечатление и, следовательно, задумались. Обнаружение пропажи, несомненно, поразило мистера Парадайна. Не подумали ли вы тогда — и не думаете ли теперь, — что он ощущал личную обиду?

Элиот посмотрел на нее сначала с удивлением, затем со вниманием.

— Он был в очень хорошем настроении. Я бы даже сказал, мистер Парадайн наслаждался. Он сказал, что мне придется остаться на ночь, и пообещал, что чертежи вернут к утру. Раз уж вы так много знаете, я открою вам, что он был совершенно прав: их действительно вернули. Они лежали здесь, на столе. — Он вытянул руку и указал на левый угол стола. — Я взял их, но никому не сказал. Я, как и все мы, решил, что мистер Парадайн погиб в результате несчастного случая. Когда выяснилось, что произошло убийство, пришлось задуматься. И в результате, когда сегодня сюда приехал начальник полиции, я рассказал ему все то, что рассказали сейчас вы... — При последних словах губы Элиота изогнулись в странной кривой усмешке.

Мисс Сильвер произнесла:

— Спасибо, мистер Рэй. Вы поступили правильно. Но давайте вернемся к мистеру Парадайну. Вы говорите, он не выказывал никаких сильных чувств в связи с тем, что знал имя вора?

Элиот внезапно ухмыльнулся:

— У мистера Парадайна не было чувств.

Мисс Сильвер взглянула на молодого человека так, будто он уклонялся от темы.

— Я спрошу по-другому. Вчера вечером за столом сидело десять гостей. По вашим собственным наблюдениям, к кому из них мистер Парадайн был привязан сильнее всего?

Элиот откровенно ответил:

— Я не дурак, честное слово, и понимаю, к чему вы клоните. Вы хотите знать, не был ли человек, укравший чертежи, тем, кого мистер Парадайн любил, и не был ли старик особенно расстроен из-за этого. Я вам честно скажу: нет. Полиции я говорить этого не стану и ни при каких обстоятельствах не рискну поручиться, но если вы желаете знать мои впечатления, то охотно ими поделюсь. Я решил, что он кого-то застукал и

собирался устроить ему экзекуцию. Но возможно, мистер Парадайн делал хорошую мину при плохой игре. Я не уверен, это лишь предположение. Я знаю еще одного человека, который способен казаться довольным, как мышь в сыре, и в то же время находиться в крайне скверном расположении духа. Сомневаюсь, что мистер Парадайн выдал бы себя, какие бы эмоции он ни испытывал. Он их не выказывал, словно вообще не способен был что-то чувствовать. Он всегда был невозмутим и саркастичен. Но если хотите узнать о моих личных соображениях касательно мистера Парадайна и его семьи, — пожалуйста. Он был очень привязан к моей жене. И к своей сестре — она двадцать лет вела у него хозяйство. Но это предположения, а не впечатления. Не сомневаюсь, он любил Марка. Марк служит в отделе исследований и отлично справляется. Пару лет назад он собирался поступить в авиацию, но мистер Парадайн просто на стенку полез. Я не видел, но подозреваю, что был грандиозный скандал. Между тем я не знаю, как мистер Парадайн относился к Дику. Родные его любят, поэтому нет причин полагать, что мистер Парадайн испытывал к племяннику неприязнь. Теперь — Фрэнк и Бренда Амброз. Они ему неродные. Это дети от первого брака Клары Парадайн. Он ее очень любил и, видимо, был равнодушен к ним. Он открыл персональные счета, когда они достигли совершеннолетия. Фрэнк деловой человек — надежный, полезный, старательный и методичный. Бренда порой кажется лишней в семье — она бывает чересчур откровенна...

Он засмеялся, дав мисс Сильвер понять, что высказался чересчур мягко.

Та перевела взгляд на портрет над камином.

— Это покойная миссис Парадайн?

— Да. С ног до головы в бриллиантах.

Мисс Сильвер пристально смотрела на портрет. Красивая и безмятежная Клара Парадайн обозревала комнату. Алый бархат и бриллианты, подаренные мужем. Пухлая белая шея и плечи, светлые волосы ровного оттенка, синие, довольно широко расставленные глаза под бесцветными бровями, добродушное лицо... Мисс Сильвер внимательно рассматривала ее, а потом вновь повернулась к Элиоту.

— Она была англичанка, мистер Рэй?

— А почему вы спрашиваете?

— У нее лицо не английского типа. Мне кажется, она голландка или немка.

— Немка, — подтвердил Элиот.

— А ее первый муж, мистер Амброз?

— Англичанин.

После небольшой паузы мисс Сильвер сменила тему.

— Пожалуйста, расскажите о прочих родственниках, мистер Рэй, — попросила она и заметила, как Элиот нахмурился.

— В общем, я почти закончил. Лидию Пеннингтон вы видели. Она из тех, на кого можно положиться. Мистер Парадайн на людях обычно бранил Лидию, но, по-моему, она ему очень нравилась — не знаю, насколько это важно. Мисс Парадайн вам скажет, что он ее терпеть не мог. Ирен, сестра Лидии, замужем за Фрэнком Амбросом. Честно говоря, умом не блещет. Больше одной мысли у нее в голове не помещается. Точнее, больше двух — о маленьком Джимми и о маленькой Рине. Она просто измучила всех разговорами о детях. Думаю, мистер Парадайн смирился, у него не было иного выбора. Следующий — Альберт Пирсон, идеальный секретарь и страшный зануда. Троюродный племянник, кажется. Мистер Парадайн разыскал Альберта три года назад — тот содержал мать-вдову и оттачивал свой ум в вечерней школе.

— Достоинно всяческих похвал, — отметила самым благопристойным тоном мисс Сильвер. — Могу ли я поинтересоваться, каким образом он содержал мать?

— Если не ошибаюсь, работал помощником ювелира. Когда мать умерла, мистер Парадайн поселил его здесь и сделал своим секретарем. Пирсон освоил машинопись и стенографию.

— Мистер Парадайн был очень привязан к нему?

Элиот рассмеялся.

— К Альберту невозможно привязаться, — ответил он.

Глава 26

Мисс Сильвер поужинала с семейством Парадаинов, а потом посидела в пурпурно-золотой гостиной, от которой пришла в восторг. Огромная величественная комната, теплые цвета, богатые ткани, толстый ковер, прекрасные хрустальные люстры. Мисс Сильвер одобрила вкус мистера Парадайна и искренне пожалела о его смерти. Теперь скорее всего этой красивой и величавой обстановке предстояло смениться ситцем и льном.

Ужин был нелегким испытанием. Поскольку мисс Сильвер непременно хотела увидеть семью целиком и Марк настоятельно того потребовал, родственники собрались, хоть и не при параде. Мужчины появились в пиджаках, Ирен, Лидия и Бренда в жакетах и юбках, Филида в сером платье, простом, с высоким воротом. Мисс Сильвер, по своему обыкновению, надела легкое платье двухлетней давности, из искусственного зеленого шелка, с ошеломляющим узором из оранжевых точек и пятен. Огромная камея с изображением какого-то мифического грека в шлеме украшала наряд. Когда мисс Сильвер сняла шляпку, открылась густая копна мягких седоватых волос, заплетенных сзади в косы. Надо лбом были уложены тугие завитки. И косы, и челку стягивала сеточка. Помимо брошки с камеей, мисс Сильвер носила маленькие золотые серьги, золотую цепочку и булавку, украшенную мелким жемчугом, — к ней она цепляла пенсне, которым периодически пользовалась при чтении. Мисс Сильвер осталась в теплых серых чулках в рубчик, которые считала очень удобными зимой, но сменила уличные ботинки на шнурках на пару черных блестящих домашних туфель с вышитыми бисером мысками. Стоило Элиоту посмотреть на нее, как он все сильнее убеждался, что видел Мод Сильвер в каком-то фильме про эдвардианскую эпоху, разве что платью следовало быть длиннее — доходить до самого пола.

Элиота посадили как можно дальше от Филиды, насколько позволял стол, — Грейс Парадайн об этом позаботилась. Также она постаралась, чтобы в течение дня он не оставался наедине с женой и пяти минут. Она пыталась отпугнуть незваного гостя. Ну и пусть. Раз уж его сюда притащили, он был намерен остаться, невзирая на усилия мисс Парадайн. Дом принадлежал Марку, а не ей, и отчего-то Элиот сомневался, что она склонит племянника на свою сторону.

Занятый этими размышлениями, он молчал во время обеда. В этом он не был одинок — Фрэнк Амброз заговорил лишь два раза, да и Марк

упорно держал язык за зубами. Обед получился своего рода карикатурой на вчерашнее сборище. Мелко рубленая индейка, рождественский пудинг, пустое место во главе стола, которое никто не занял. Мисс Сильвер, сидевшая с ними, наблюдала, как они разговаривают, едят, пьют, думают, выглядят.

Ее присутствие не слишком-то располагало других к беседе. Даже у Дики иссяк поток слов. У женщин оказалось больше такта, чем у мужчин. Филида неустанно пыталась заговорить с Фрэнком и Марком, которые сидели по обе стороны от нее, пока не убедилась, что ждать ответа бесполезно. Лидия и Дики обменялись несколькими фразами вполголоса и тоже замолчали. Величественная фигура мисс Парадайн в дальнем конце стола воплощала горе. Длинное черное платье с высоким воротом и ниспадающими рукавами еще более усиливало эффект. Под глазами виднелись темные круги, от лба до щеки пролегла хорошо заметная складка. В ее взгляде больше не было гнева, а в поведении — негодования, глаза наполнились печалью. Грейс Парадайн, как положено внимательной хозяйке, стремилась заботиться о гостях и скрывать собственную скорбь. Она ласково говорила с Филидой, с подобающей учтивостью — с мисс Сильвер и радушно — со всеми, кроме Элиота Рэя, которого как будто не замечала вовсе.

Мисс Сильвер, которую посадили рядом с Альбертом Пирсоном, в полной мере извлекла пользу из разговора. Убийства в доме явно оказалось недостаточно, чтобы остудить страсть секретаря делиться информацией. Впрочем, исключительно информацией по выбору самого Альберта. Зная благодаря Марку Парадайну историю Пирсона, мисс Сильвер попыталась навести его на тему, которая, по ее мнению, могла пробудить в нем любопытство. Она интересовалась необычными и курьезными драгоценными камнями, но, обратившись с вопросом к Альберту, не получила ответа. Вместо этого за индейкой гостье изложили краткую историю Берлтона от саксонских времен до правления королевы Елизаветы. Пудинг позволил довести повествование до нынешних дней. Рассказ об основании «Парадайн уоркс» трудами Бенджамина Парадайна — «дедушки покойного мистера Парадайна и моего собственного прадедушки» — прервался, когда мисс Парадайн подала дамам знак удалиться.

В гостиной хозяйка сама занялась мисс Сильвер:

— Надеюсь, вы ни в чем не нуждаетесь?

— Ничуть, мисс Парадайн.

— Непременно скажите, если я смогу чем-нибудь помочь.

Мисс Парадайн была очень любезна. Если в ее голосе и звучала некоторая снисходительность, нотка гордости, которая имитирует скромность, то тщательно замаскированная. Тем не менее мисс Сильвер живо представила себе члена королевской семьи, открывающего благотворительный базар. Она достала мешочек для рукоделия — рождественский подарок от Этель, — вытащила спицы и клубок темно-серой шерсти и сказала:

— Вы очень добры.

С трех спиц свисали примерно полдюйма нижней части костюмчика для маленького Роджера. Мисс Сильвер вставила четвертую спицу и принялась вязать очень быстро и ловко. После некоторого колебания мисс Парадайн устроилась в противоположном углу дивана.

— Все в нашей семье надеются, что это ужасное дело будет раскрыто как можно скорее.

Мисс Сильвер щелкала спицами.

— О да, конечно.

Поведение мисс Парадайн слегка изменилось, в нем стало заметно тепло и сочувствие, как и в ее голосе.

— Внезапные утраты достаточно тяжелы и сами по себе, без унижительных подозрений.

— Конечно.

— Мой брат очень много значил для всех нас. Мисс Пеннингтон, конечно, не так уж хорошо его знала. Она сестра моей племянницы, миссис Амброз, и не вполне член семьи, хотя мы очень привязаны к Лидии. А мой племянник Марк, боюсь, не слишком внятно изъясняется — по-своему он достаточно умен, но очень сдержан, а сейчас, конечно, сильно расстроен из-за смерти дяди. Подозреваю, они не в полной мере дали вам понять, как отражается на близких потеря Джеймса.

Мисс Сильвер, внимательно посмотрев на хозяйку, продолжила вязать.

Грейс Парадайн вздохнула:

— Мой брат был необычным человеком. Он предпочитал всегда поступать по-своему. Полагаю, вы уже знаете, что произошло за ужином вчера вечером. Нам очень больно, поскольку полиция делает совершенно неоправданные заключения на основании того, что им известно. Я настоятельно прошу поверить: все это крайне преувеличено. Джеймс имел склонность выражаться резко и слегка театрально даже по пустякам. Что-то его задело — или, скорее, кто-то, — и он в своей манере дал остальным это понять. Заверяю вас: случившееся вполне в духе Джеймса. Я настолько не придавала этому значения, что утром, когда инспектор задавал мне вопросы,

вовсе не упомянула о вчерашнем.

— Надо же, — отозвалась мисс Сильвер.

Чуть заметное движение темных бровей мисс Парадайн дало понять, что она готова была нахмуриться. Со слабой печальной улыбкой она продолжала:

— Я действительно не придавала этому никакого значения. Как сказала сегодня полковнику Бостоку, начальнику полиции, вчерашние слова Джеймса просто вылетели у меня из головы. Шок после смерти брата... я по-прежнему верю, что произошел несчастный случай... — Мисс Парадайн замолчала, на мгновение крепко сжала руки и полуприкрыла глаза, после чего поднялась. — Простите... я напрасно об этом заговорила, рана еще свежа. Может быть, вы не откажетесь поговорить с моей племянницей, миссис Амброз, или с мисс Амброз.

Мисс Сильвер окинула взглядом компанию у камина — Ирен, Брендю, Филиду — и сказала:

— Я бы очень хотела поговорить с мисс Амброз, с вашего позволения.

Когда Бренда с явной неохотой уселась рядом, мисс Сильвер приветливо улыбнулась и начала:

— Я попросила о встрече с вами, мисс Амброз, поскольку ищу наблюдательного и внимательного человека, который рассказал бы, что произошло, когда вчера вечером вы все перешли в гостиную.

Бренда взглянула на собеседницу светлыми глазами, похожими на глаза Клары Парадайн, но не такими синими. Ей передалась необычная материнская внешность, но без уютной миловидности и безмятежности.

— Здесь, вчера вечером?

— Если можно.

Бренда продолжала изучать мисс Сильвер.

— Право, даже не знаю. Мы вошли, и я сказала, что отчим, наверное, сошел с ума. Я так понимаю, вы знаете, что он устроил за ужином?

— Да.

— Я сказала, что он, наверное, сошел с ума, если собрал нас на праздничный ужин и брякнул вот такое. Я сказала, что всему есть предел, а моя невестка Ирен, так она просто разрыдалась и стала твердить, что мистер Парадайн намекал на нее.

— Ну надо же... она не объяснила почему?

— Нет. Ирен устроила настоящий спектакль: она ничего такого не делала, ах, почему, почему же он решил, что она виновата?... Она вообще-то склонна к истерии и совсем не умеет владеть собой. Не знаю, что стряслось на сей раз, но, честно говоря, я готова предположить, что у Ирен

совесть нечиста — иначе с чего так расстраиваться? Если бы не мисс Парадайн, ее бы в жизни не уgomонили. Я-то, конечно, осталась в стороне, ведь мы с тетей Грейс не ладим — она терпит меня в доме только ради Фрэнка. Кстати, я вам кое-что скажу про Ирен. Она мстительна. В жизни не подумаешь — на вид она такая жалкая и говорит только о детях, пока других не затошнит. Но если она на кого-то затаила злобу, то не отстанет. Ирен не желает мне добра, потому что я всегда была у брата хозяйкой в доме и, черт возьми, справлялась намного лучше, чем она. В этом вся Ирен — если она что-то не в состоянии сделать, то ненавидит тех, кому это удается.

Спицы мисс Сильвер щелкали.

— Неприятная черта, но, к сожалению, распространенная, — отметила она.

Бренда сердито рассмеялась.

— Ирен любит только тех, кто льстит ей, — продолжила она. — Фрэнку надоело умасливать жену, он ее раскусил. Начинаю подозревать, что отчим тоже. Между прочим, это серьезно. Знаете, она так носится с детьми, потому что они обожают мамочку. Малыши думают, она лучше всех на свете. Их ожидает неприятное открытие, когда они подрастут. Тогда мы увидим, что от ее преданности не осталось и следа. Меня от нее просто тошнит!..

— Ну надо же, — повторила мисс Сильвер, — как интересно. — Она приветливо взглянула на Бренду Амброс. — Пожалуйста, продолжайте. Вы начали рассказывать, что произошло вчера вечером после ужина. Итак, мисс Парадайн успокоила вашу невестку...

— Да, да. Она умна, умеет управляться с людьми. Она приготовила нам подарки. Мисс Парадайн сходила за ними сама: не хотела, чтобы Лейн заметил что-нибудь, когда принесет кофе.

Пока она рассказывала, все шло своим чередом: появился Лейн с большим серебряным подносом, за ним следовала Луиза с подставкой для пирога. Мисс Сильвер сочла эти предметы весьма красивыми и подходящими к обстановке. Она восхитилась грубоватым викторианским узором на подносе, кофейнике и молочнике и пожалела об отсутствии, несомненно, столь же красивой сахарницы. Пузырек с сахарином, которого Лейн явно стыдился, был скрыт от глаз, но в любом случае мисс Сильвер сочла бы его слабой заменой. Как положено патриотически настроенной англичанке, она морально приготовилась пить кофе без сахара — но только не с сахарином. Продолжая вязать, она заметила:

— Хорошо, что мисс Парадайн пришла в голову эта мысль. Вы

сказали, что она отправилась за подарками. То есть покинула комнату?

— Конечно. Подарки лежали наверху.

— И долго она отсутствовала, мисс Амброз?

Бренда уставилась на собеседницу:

— Она вернулась почти сразу. Много ли нужно времени, чтобы принести свертки?

— Недостаточно, чтобы переговорить с братом?

— Конечно, нет. Он не выходил из столовой.

— Вы уверены?

— Разумеется. Я не стала бы говорить, если бы не была уверена.

Мужчины оставались в столовой. Они вышли лишь после того, как мисс Парадайн вручила нам подарки. Я получила подсвечник, Филида — носовые платки, Лидия — соли для ванны, а Ирен — фотографии детей. Потом появились мужчины.

— Они тоже получили подарки?

— Все, кроме Элиота Рэя. Его ведь не ждали. Они с Филидой не виделись целый год. И хватило же человеку наглости вот так заявиться! Мисс Парадайн пришла в ярость. Она бы в любом случае ничего не подарила Рэю, она всегда его ненавидела. Остальным она подарила записные книжки. Чертовски трудно придумать подходящий подарок для мужчины, правда?

— О да, но записная книжка — полезная вещь. Мисс Парадайн приобрела книжки разных цветов?

Бренда кивнула:

— Да. Она молодец и не отказывается от подобных хлопот.

— Не сомневаюсь. И какие же книжки она раздобыла?

— Коричневую, красную, синюю и фиолетовую. — Бренда начала скучать, думая, что мисс Сильвер — просто глупая старая дева. Она коротко предложила: — Я принесу вам кофе.

Но едва она встала, как мисс Сильвер заговорила вновь:

— Лично я предпочитаю синий цвет. Интересно, какой любит мисс Парадайн? Кому она подарила синюю книжку, мисс Амброз?

Бренда обернулась. С легким чувством превосходства она произнесла:

— Боюсь, это вам ничего не даст. Синюю книжку она подарила Марку. Но любимчик тети Грейс — Ричард. Он получил красную. Некоторым людям, знаете ли, больше нравится красный цвет. Например, мисс Парадайн.

Глава 27

За вечер мисс Сильвер умудрилась поговорить с большинством членов семьи Парадайн. Заметив, что миссис Амброз заинтересовалась рейтузами для маленького Роджера, она посоветовалась с ней — оставить ли их серыми или оживить вкраплениями ярко-зеленого? Заодно она поделилась историями о Джонни, Дерекке и Роджере и выслушала рассказы про Джимми и маленькую Рину. Ирен оживилась и поведала мисс Сильвер, как не могла разбудить Рину минувшей ночью, как побежала за доктором Гортоном и как разозлился Фрэнк. «Мужчины такие неразумные!»

Мисс Сильвер ответила, что они просто не в состоянии понять материнские чувства. Лед окончательно растаял, и Ирен призналась, как трудно ей уживаться с Брендой и как жаль, что Лидия не соглашается выйти за Дики и поселиться в Берлтоне — ведь очень приятно иметь поблизости человека, на которого можно оставить детей. Даже мимолетное знакомство с мисс Пеннингтон помешало мисс Сильвер поверить, что возня с детьми способна заинтересовать Лидию, но она промолчала.

Стоило легонько и тактично поощрить Ирен — и та разговорилась. Она начала с похвал мисс Парадайн:

— Вы только посмотрите, как она держится. Глядя со стороны, не скажешь, что произошло нечто ужасное. У тети Грейс такое самообладание — даже не знаю, как она справляется. Я всегда завидую людям, которые умеют владеть собой. В этом смысле тетя Грейс — сущее чудо. Помнится, на свадьбе Филиды никто даже не догадался бы, что у нее разрывается сердце, хотя, конечно, она страдала. Вряд ли она хотела, чтобы Филида вообще выходила замуж, но, разумеется, если бы за девочку посватался кто-нибудь из Берлтона, все было бы лучше. Мы все желали, чтобы Филида вышла за Марка. Филида, как вы знаете, приемная дочь, так что никаких проблем. Но она вышла за Элиота Рэя, а значит, как мы думали, расстанется с бедной тетей Грейс — неудивительно, что она так расстроилась. Прямо не знаю, что будет со мной, когда Рина выйдет замуж... Даже не хочу об этом думать.

Мисс Сильвер успокоила ее.

— Лично мне Элиот нравится, — продолжила Ирен, — и Филида вдобавок по уши влюбилась. Представляете, они разъехались! Не знаю, что случилось, тетя Грейс не рассказывала. Они только вернулись из свадебного путешествия, и все мы восхищались, какие они счастливые, и

вдруг тетя Грейс сообщила, что Элиот ушел и больше не вернется. Бедная Фил превратилась в тень. Вы не представляете, как мы удивились, когда вчера вечером он явился как ни в чем не бывало!

— О, представляю, — отозвалась мисс Сильвер.

Затем она поговорила с Филидой, которая откровенно признала, что заходила в кабинет и разговаривала с дядей, когда остальные отправились спать.

— Элиот хотел, чтобы я умолчала об этом, но, по-моему, это неправильно. То, что дядя сказал за ужином, не имело к этому никакого отношения. Элиот боялся, что полиция так не подумает. Но я хотела поговорить с дядей Джеймсом совсем о другом.

Мисс Сильвер с улыбкой взглянула на нее.

— Вполне естественно, миссис Рэй.

Филида как будто испугалась:

— Но я не объяснила...

— Несомненно, вам хотелось знать, для чего мистер Парадайн пригласил мистера Рэя и почему тот принял приглашение.

Филида покраснела еще ярче. Она не знала, что сказать. Раздумывая, что ответить, она встретила взгляд мисс Сильвер и вдруг почувствовала: нет смысла притворяться и лгать. Филида ощутила облегчение. Обычно люди не раскрывают потаенных чувств незнакомцам, но ей пришла в голову мысль о том, что мисс Сильвер вовсе не посторонняя. Она вошла, села у камина, устроилась здесь как дома — самым естественным образом.

Филида объяснила:

— Я должна была с кем-нибудь поговорить.

— И мистер Парадайн мог разрешить ваши сомнения?

— Думаю, да.

Мисс Сильвер перестала вязать, на мгновение опустил спицы на колени. Она негромко произнесла:

— Очень рада слышать. Нельзя, чтобы недоразумение продолжалось слишком долго.

— Да. Но это было не просто недоразумение.

Мисс Сильвер улыбнулась. Филиде показалось, что они с Элиотом вновь в детской. Им велят не ссориться, поцеловать друг друга и отныне стать друзьями. Она слабо улыбнулась, услышав новый вопрос:

— Вы кого-нибудь видели, когда вышли из кабинета?

Застигнутая врасплох Филида поблагодарила Бога, что может сказать «нет». Она откровенно испугалась.

Быстро последовал второй вопрос:

— Вы что-нибудь слышали, миссис Рэй?

На сей раз Филида побледнела. Она опустила глаза, явно встревоженная, и сказала дрожащим голосом:

— Нет... ничего...

Мисс Сильвер не настаивала. Она не сомневалась, что со временем выяснит, в чем дело.

Появление мужчин дало Филиде возможность спастись бегством. Она перехватила проходившего мимо Дики и усадила его подле мисс Сильвер. Филида подумала, что кузен отлично держится. Дики отлично ладил со старыми девами, которые неизменно отзывались о нем как об «очаровательном юноше». И тут неприятная мысль, словно холодная змея, медленно выползла из потаенных уголков сознания. Филиду охватила дрожь, она вдруг так побледнела, что мисс Парадайн окинула ее тревожным взглядом.

— Сядь, милая, и согрейся. Ты слишком далеко от огня.

Филида нерешительно улыбнулась в ответ, но, вместо того чтобы подойти к подносу с кофе, встала по другую сторону камина, полуобернувшись к остальным, в изящной позе — одна ножка на мраморном бордюре, рука покоится на белом холодном камне.

Элиот приблизился к жене, держа в руках чашку. Он поставил ее на каминную полку и сказал:

— Я хочу с тобой поговорить.

Со щек Филиды сбежала краска. Как будто кто-то вошел в комнату и захлопнул дверь. Это настроение Элиота она помнила и приняла как обнадеживающий знак. Все лучше, чем остаться одной, в темноте, со змеей. Не отводя взгляда от огня, Филида пробормотала:

— Не понимаю как...

Он взял чашку, допил черный кофе одним глотком и вновь поставил.

— А кто нам помешает выйти из комнаты вдвоем?

Филида чуть покраснела.

— Я не могу.

Элиот усмехнулся:

— Боишься скандала?

— Не могу. Завтра... я найду время завтра.

Он негромко и сердито произнес:

— Она весь день гоняет тебя с поручениями. Завтра будет то же самое.

Родные уж постараются, чтобы мы ни на минуту не оставались одни.

Филида продолжала смотреть в огонь. Элиот был в слишком дурном настроении, чтобы почувствовать приятное тепло, проникающее в

холодное страшное место, где пребывала Филица. Она молчала. Древний инстинкт подсказывал, что не будет хуже, если Элиот подождет.

До нее донесся настоящий зов Грейс Парадайн:

— Фил, дорогая!

На сей раз Филица подошла, тоже с чашкой в руках, и поставила ее на массивный серебряный поднос.

— Да, тетя Грейс?

Мисс Парадайн поманила к себе девушку и понизила голос:

— Детка, не могла бы ты составить компанию Бренде и не подпускать ее к Ирен? Они обе на грани срыва, и, боюсь, я больше не выдержу.

Невозможно отказать. Невозможно сделать что-нибудь, кроме как спокойно подчиниться. Филица смирилась, что придется провести вечер, полный скрытых намеков, постепенно складывающихся в прямое обвинение. Попытки сменить тему были бесполезны. Шла ли речь о Северном полюсе, о войне на Востоке или о недавнем фильме, Бренда непременно умудрялась приплести Ирен. Филица сочла бы это забавным, если бы ситуация не была столь драматической. Она начала гадать, отчего лишь дамам Амброс дозволено впадать в истерику. Ей ничего так не хотелось, как закатить Бренде пощечину и разрыдаться. Но разумеется, она не могла.

И Филица болтала на самые разные темы, какие только удавалось придумать, а Бренда продолжала говорить об Ирен.

Глава 28

Гостиная Ривер-Хауса была не единственным местом в городе, где обсуждали Ирен. Полковник Босток, уютно расположившийся в обществе дочерей, подбросил полено в огонь и, еще не успев принять прежнюю позу, вспомнил, что хотел кое-что у них спросить. Он обратился к Джанет, румяной, хорошо сложенной молодой женщине с приятным серьезным лицом:

— Помнишь дочерей старого Пеннингтона? Ирен и... как ее... Лидию?

— Конечно. А что?

— Одна из них замужем за пасынком покойного Парадайна, если не ошибаюсь? Амброз, или как его там.

Элис Босток сказала:

— После мистера Парадайна наверняка осталась уйма денег. Интересно, получит Ирен хоть что-нибудь?

— Ирен — это рыжая? — уточнил полковник.

Две дочери ответили одновременно:

— Нет, рыжая — это Лидия.

Полковник Босток откинулся на спинку кресла. Глядя на дочерей, он испытывал полное удовлетворение. Они не были красавицами и не хватали с неба звезд. Просто приличные молодые женщины, которые умели усердно работать и наслаждаться отдыхом в выходные — достаточно милостивые, достаточно смысленные, никаких причуд, никаких излишеств. Отец особенно гордился Джанет. Очень благоразумная девушка. Элис — чуть поизящнее и чуть красивее, не такая правильная... но тоже славная девочка. И Милли — Милли пошла в него, из всех трех она самая проворная. Жаль, что на сей раз она не приехала.

Он рассеянно произнес:

— Ирен... Была с этой Ирен какая-то история.

Элис взглянула на сестру и отвела взгляд. Обе промолчали.

Полковник Босток повторил уже решительнее:

— Что-то такое было связано с Ирен, я ведь помню. Ты с ней училась в школе, Джанет. Что там стряслось?

Дочь ответила:

— Столько лет прошло...

Отец нетерпеливо передернул плечом:

— Да уж. Тебе двадцать пять. Вы, кажется, ровесницы. С ней приключилась какая-то история. Какая? Я желаю знать.

Джанет неохотно произнесла:

— Я имею в виду, что это было так давно... незачем ворошить прошлое.

На лице полковника Бостока отразился живейший интерес.

— Чушь! История либо была, либо нет. Если да — в курсе еще десятки человек. Ты хочешь, чтобы я ходил и расспрашивал? Я спросил вас обеих. Вам не кажется, что так будет лучше? Давайте ближе к делу.

Джанет серьезно взглянула на отца:

— По-моему, несправедливо об этом вспоминать через двенадцать лет. И на самом деле ничего такого не произошло... честное слово, ничего серьезного, Минна не пострадала.

Полковник Босток фыркнул и устремил саркастический взгляд на дочь:

— Ничего не произошло? Ну-ка выкладывай!

— У Ирен был котенок, — сказала Элис. — Точнее, он был не совсем ее. Просто бродячий котенок. Конечно, нам не разрешали держать в школе животных, поэтому Ирен спрятала его в сарае.

— Она отдала все карманные деньги помощнику садовника, чтобы тот молчал... сам садовник болел, — подхватила Джанет. — Она откладывала для котенка кусочки в носовой платок за ленчем и чаем.

— Конечно, Ирен не сумела бы долго прятать бедняжку, но сильно к нему привязалась, хотя он был страшно облезлый, — продолжала Элис. — А Минна Коттерелл пригрозила пожаловаться мисс Грэм. Минну все девочки ненавидели за гнусный характер. Она сказала, что у котенка наверняка блохи.

— Возможно, так и было.

— Не важно, — сказала Джанет. — Ирен жутко разозлилась. Ей-богу, она вряд ли сознавала, что делает. Она взяла и столкнула Минну в реку.

— Минна не пострадала, — быстро добавила Джанет.

Элис поморщилась:

— Да, но могла бы. Это очень опасно. Ты ведь помнишь то место, куда нам не разрешали ходить. Строго-настрого запрещали, поскольку там высокий берег над рекой. Не знаю, как Ирен заманила туда Минну, но все-таки заманила — и столкнула вниз.

Полковник Босток воскликнул:

— Господи помилуй! — И добавил: — Да-да, я вспомнил. Пеннингтоны были в шоке. Девочка спаслась чудом. Кажется, она не умела

плавать.

— Да, — подтвердила Джанет. — Но поблизости оказался какой-то рыбак, он и вытащил Минну. Без скандала, конечно, не обошлось. Ирен наверняка исключили бы, если бы Коттереллы не вступились. Видимо, Минна сказала, что котенка утопят. По-моему, Ирен сама не знала, что делала. Она вообще такая — если что-нибудь вобьет в голову, то больше ни о чем думать не может. В тот раз она только и думала что о несчастном котенке. А теперь думает о детях. И больше ни о чем она не говорит. Так скучно...

Полковник Босток кивнул:

— Ну надо же, и кто бы мог подумать? — И после паузы: — Лучше об этом не говорить. Никому.

Вскоре к начальнику полиции явился инспектор Вайнер. Его провели в кабинет.

— Простите, что отвлекаю, сэр, но есть пара моментов...

— Садитесь, Вайнер. Что случилось?

Инспектор опустился в большое кресло. Свет падал сбоку на густые светлые волосы инспектора, начинавшие седеть, и подчеркивал очертания лба и подбородка. В ярко-синих глазах читалось нечто среднее между колебанием и приятным удивлением.

— Мисс Пеннингтон не было сегодня в Ривер-Хаусе, и я подумал, что надо бы съездить и спросить, не слышала ли она, как миссис Амброз уходила и возвращалась вчера вечером. Нам нужно установить точное время, поэтому я отправился в Мидоукрофт к Амброзу, обнаружил, что вся компания в Ривер-Хаусе, и поехал туда.

— Что-нибудь выяснили?

— Не от мисс Пеннингтон. Зато я видел мистера Марка Парадайна. Он сказал, что вызвал частного детектива.

Как и всякий человек, на которого обрушивалась эта новость, полковник Босток в изумлении воскликнул:

— Что?!

— Да, сэр. Вы когда-нибудь слышали о мисс Сильвер?

— Господи помилуй, — сказал полковник. — Что она здесь делает?

— Вы ее знаете, сэр?

Полковник Босток вздрогнул.

— Я виделся с молодым Эбботом, когда тот приезжал на Рождество. Он служит сержантом в Ярде. Кстати, приходится кузеном Эбботам из Хантерсгрэнджа. Там-то мы и встретились. Он с восторгом рассказывал о мисс Сильвер. Ей-богу, до тех пор я готов был биться об заклад, что Эббот

не из тех людей, которые способны чем-то восторгаться. Самоуверенный молодой человек. Хладнокровный. Умный.

— Так вот, сэр, мисс Сильвер не раз отлично справлялась — я-то знаю. В газетах о ней не пишут, но слухи сами расходятся. В первый раз мне рассказывал инспектор Марч из Ледлингтона. Он расследовал дело о ядовитых гусеницах и клялся, что мисс Сильвер спасла ему жизнь. — Вайнер рассмеялся. — Странное совпадение, сэр. Мисс Сильвер служила у Марчей гувернанткой, когда тот был мальчишкой, и, в общем, именно так она и выглядит — старая дева, типичная гувернантка. Марч немало про нее рассказал. А прошлой зимой — помните знаменитое дело о китайской шали? Потом однажды в Лондоне я встретил детектива Лэма, и он рассказал про убийства в доме Ванделеров — там-то они и взяли миссис Симпсон, если помните. Так вот, он сказал, что заслуга в раскрытии дела принадлежит мисс Сильвер. Прямо так и выразился.

— И Марк Парадайн ее пригласил?

— Да, сэр. Вот в чем вопрос — что делать дальше? На мой взгляд, она может быть весьма полезна. Она там, в доме, по личному приглашению семьи — то есть мисс Сильвер живет бок о бок с ними. Таким образом, она наблюдает с ракурса, который недоступен нам. Нечто вроде приватной точки зрения, если вы меня понимаете, сэр. В этом ее сила, если верить Лэму. Люди разговаривают с мисс Сильвер, а она безошибочно определяет, чего они стоят. Разумеется, всякий свободнее чувствует себя с человеком, который не служит в полиции, и вдобавок она не связана правилами в отличие от нас.

— И что вы намерены делать?

— Я бы предложил ознакомить мисс Сильвер с показаниями. Лэм говорит, ей можно доверять — она ничего не разболтает.

— Бывают и такие женщины.

— Да, сэр. Марч и Лэм оба утверждают, что она надежна как скала, поэтому, с вашего позволения...

Полковник Босток дернул плечом.

— Пригласите же ее, пригласите. Вот что, Вайнер, дело чертовски неприятное. Чертовски неприятное. Нечестно и дальше держать вас в неведении. Я уже говорил, что эта особа, Ирен, не такая уж простая. Ну так слушайте...

Глава 29

Как и накануне вечером, семейство Амбросов уехало домой рано. Не считая самого Фрэнка Амброза, который был крайне неразговорчив, мисс Сильвер непринужденно побеседовала со всеми. Вскоре после их отъезда она извинилась и удалилась в отведенную ей комнату. За минуту до того как пожелать остальным спокойной ночи, она спросила у мисс Парадайн про записную книжку.

— Прошу прощения, если касаюсь болезненной темы, но, помнится, ваша племянница упомянула, что вы подарили на Новый год своим племянникам записные книжки.

Грейс Парадайн улыбнулась:

— Здесь нет ничего болезненного.

Мисс Сильвер кивнула:

— Нет, конечно, нет. Но я собиралась спросить, подарили ли вы такую книжку и своему брату?

— Нет. — Мисс Парадайн, казалось, удивилась. — Джеймса подобные вещи не интересовали. У него никогда не было календаря, кроме самого простого, большого.

— Эти маленькие ежедневники очень удобны. Я подумала, мистер Парадайн не отказался бы иметь такой под рукой. Очень трудно найти подходящий подарок для мужчины.

— Он не стал бы им пользоваться. — И мисс Парадайн повторила: — Такие вещи его не интересовали.

Мисс Сильвер почувствовала, что продолжать было бы бестактностью. Она решила, что пора проститься.

Ей отвели очень удобную и уютную комнату с цветистым ковром, где преобладал алый, с занавесками, покрывалом и ситцевыми обивками, на которых красовались яркие маки, васильки и початки кукурузы. Красный кафель камина блестел в свете электрического огня. Комната, насколько знала мисс Сильвер, находилась напротив спальни мистера Пирсона и по соседству с Элиотом Рэем. В дальнем конце была дверь в ванную — красивую и современную.

Мисс Сильвер сменила довольно холодное платье из искусственного шелка на уютный, теплый ярко-красный халат, отделанный у ворота кружевом ручной работы. На талии он завязывался шерстяным пояском, больше похожим на старинную сонетку. Обув удобные черные фетровые

тапочки вместо блестящих туфель с вышитыми мысками, мисс Сильвер устроилась в кресле у огня, положила на колени подушку, пристроила сверху зеленую тетрадь и принялась делать заметки с помощью перьевой ручки.

Она исписала несколько страниц, когда в дверь постучали. Мисс Сильвер сказала: «Войдите», и, подняв глаза, увидела девушку лет шестнадцати в коротком черном платье, белом переднике и чепчике с оборками. У нее были толстенькие ножки, пухлая фигурка, щеки словно яблоки и ярко-синие глаза, точь-в-точь как у фарфоровой куколки. Девушка держала грелку. Увидев мисс Сильвер в халате, она остановилась как вкопанная и пробормотала:

— Простите, мисс.

— Ничего страшного, — ответила мисс Сильвер. — Вы пришли перестелить постель? Как вас зовут?

— Полли, мисс. Полли Парсонс.

— Это ваше первое место работы?

— Да, мисс.

— Грустный выдался Новый год, — заметила мисс Сильвер.

Полли начала снимать и сворачивать ситцевое покрывало, под которым оказалось теплое ярко-красное одеяло.

— Да, мисс. Просто жуть.

Мисс Сильвер согласилась.

— Наверное, вы все пережили сильный шок.

— Да уж, мисс. До сих пор так страшно.

Девушка положила свернутое покрывало на стул и вернулась к постели.

— Вам что-то приходится делать в кабинете, Полли? Вы туда заходите?

Девушка, стоявшая к ней спиной, наклонилась, чтобы взбить постель. Мисс Сильвер увидела, что Полли густо покраснела до самых корней коротких каштановых волос, которые вились на концах.

— Только чтобы растопить камин, мисс, пока хозяева ужинают. Потому что мистер Лейн занят.

— Мистер Парадайн часто сидел в кабинете после ужина?

— Да, мисс.

— И вы, как обычно, пришли вчера вечером, чтобы развести огонь?

Полли сунула грелку в постель.

— Да, мисс.

— Во сколько примерно?

Полли обернулась:

— Не знаю, мисс.

Она встретила ласковый взгляд и услышала настоятельную просьбу:

— А вы попытайтесь вспомнить, Полли.

Никогда еще девушке так не хотелось уйти, как теперь, но сбежать она не могла. Пройти мимо мисс Сильвер к двери было не проще, чем открыто послушаться Луизу. Просто невозможно. Она поспешно заговорила:

— Я слегка припозднилась... мне велели помочь, потому что приехали гости...

Мисс Сильвер улыбнулась:

— И вы, вероятно, взглянули на часы. Непременно посмотрели — боялись опоздать. Сколько было времени?

— Ровно девять, мисс.

— И все были еще в столовой?

Полли посмотрела по сторонам.

— Ну? — мягко, но настойчиво побуждала ее к ответу мисс Сильвер.

— Дамы вышли, как только я закрыла за собой дверь кабинета.

Мисс Сильвер продолжала изучать девушку ласково и строго, прямая и чопорная в своем пурпурном халате, с подушкой на коленях.

— И долго вы там пробыли?

Щеки Полли сделались багровыми, как свекла. Сдавленным голосом она проговорила:

— Я только топила камин...

Мисс Сильвер не сводила с нее глаз. Полли краснела. Услышав шаги в коридоре, она сглотнула и двинулась к двери. На пороге она пробормотала несколько слов — видимо, оправдание. Мисс Сильвер разобрала «Луиза» и «другие бутылки». Дверь закрылась. Было слышно, как Полли побежала по коридору.

— Ну надо же, — произнесла мисс Сильвер.

Глава 30

Полковник Босток, инспектор Вайнер и мисс Сильвер собрались в кабинете на следующее утро. В камине ярко горел огонь. Алые занавески были полностью раздвинуты, так что собравшиеся видели террасу, серую в тени дома, и выбоину на парапете, о который ударился Джеймс Парадайн, перед тем как упасть. Ночью прогремела гроза, но облака уже расходились. То и дело в воде отражался слабый луч солнца.

Инспектор Вайнер сидел за столом. Показания, которые он позволил прочесть мисс Сильвер, лежали там, где она их оставила, — слева от него. Мисс Сильвер выбрала самое подходящее кресло в комнате, с высокой узкой спинкой и плоским сиденьем, украшенным маленькими блестящими заклепками. Она сидела очень прямо, сложив руки на коленях, обтянутых подолом глухого коричневого платья с брошкой из дерева. На лице у нее отражалась смесь приличествующего самоуважения с должным почтением к властям — несомненно, в сознании мисс Сильвер это слово писалось с заглавной буквы «В».

Полковник Босток придвинул стул к дальнему краю стола, оперся на подлокотники и откинулся на спинку, насколько было возможно. Время от времени, когда мисс Сильвер смотрела в другую сторону, он окидывал ее озадаченным взглядом. С губ полковника рвались слова: «Господи помилуй». Брошка не давала ему покоя. В прошлом он видел точно такую же. Она ассоциировалась со свадебным торжеством — со свадьбой двоюродной сестры Джейн, в честь которой назвали Джанет. Одна из тетюшек жениха носила такую штучку. Чопорная старая дама в шляпке с перьями. Она не оставила семье ничего, завещав все деньги на приют, кажется, для бездомных попугаев. Насчет попугаев Босток не поручился бы, но дама была со странностями. В любом случае Джейн с мужем не получили ничего. Чудовищно.

Мисс Сильвер произнесла звучным, хоть и сдержанным голосом:

— Вы любезно собирались рассказать мне про отпечатки, инспектор.

— Да. — Вайнер повернулся к собеседнице. — Разумеется, в семейных делах такого рода отпечатки непременно будут повсюду. Даже если вы их найдете, то вряд ли сумеете что-то доказать. Вот, к примеру, дверная ручка. Она сплошь в пятнах. В тот вечер за нее брались Лейн, мистер Пирсон, мистер Рэй и миссис Рэй, не считая самого мистера Парадайна.

Мисс Сильвер кашлянула:

— И та девушка, которая топит камин.

— Да.

Мисс Сильвер сообщила:

— Она побывала здесь примерно в девять.

— Хм... Слишком рано, чтобы мы могли ее в чем-то заподозрить. Все остальные заходили в кабинет после девяти, — сказал полковник Босток. — Это установлено.

— И так везде, — подхватил Вайнер. — Лейн, ваша Полли, мистер Парадайн, мистер Пирсон, мистер и миссис Рэй... в кабинете полно их отпечатков. Мы сумели понять только, что девушка открывала один из ящиков стола. Мистер Парадайн держал там конфеты. Судя по всему, она их оттуда таскала.

Так вот почему Полли покраснела и сбежала? Или нет? Мисс Сильвер задумалась, а Вайнер продолжил рассказ:

— Я ничего ей не сказал. Но вот в чем беда — мы ищем убийцу, а находим девчонку, которая ворует сладости. Ну, это не все, конечно. Здесь есть и отпечатки мистера Марка Парадайна, появление которых не так-то легко объяснить. Отпечатки мистера Марка и мистера Ричарда — на том кресле, где сидит полковник, и на краю письменного стола. Вдобавок отпечатки Марка — на записной книжке. Что касается мистера Ричарда, то вечером он зашел повидать мисс Парадайн, это установлено. Он утверждает, что заглянул в кабинет к дяде, когда тот уходил. Мы располагаем только показаниями самого мистера Ричарда, но они звучат вполне правдоподобно и вполне объясняют наличие отпечатков. Но что касается мистера Марка Парадайна... откуда взялись его отпечатки? В среду он не приезжал в Ривер-Хаус, и во вторник, и в понедельник. Он явился на праздничный ужин, но не виделся с дядей, потому что мистер Парадайн заперся с мистером Рэем. Мистер Марк Парадайн, как и остальные, утверждает, что не подходил к кабинету после ужина. Он ушел вместе с мистером Ричардом без четверти десять и вернулся к себе в Берлтон-Мэншн. Но, по его словам, вскоре после этого он вышел прогуляться. Необычное время для прогулки. Констебль, дежуривший на мосту, видел, как он направился в сторону Ривер-Хауса примерно в двадцать минут одиннадцатого. Ярко светила луна, а он хорошо знает мистера Марка Парадайна в лицо. Сам Марк Парадайн говорит, что немного прошел вдоль дороги и вернулся. Никто не видел, как он возвращался. Констебль Гардинг сменился в половине одиннадцатого, и на пост заступил новичок, который мог и не обратить внимания. Полагаю,

отпечатки оставлены Марком Парадайном после десяти двадцати, когда Гардинг видел, как он шел к Ривер-Хаусу.

— Кто же его впустил? — спросил полковник Босток. — Точно не Лейн.

— Дверь была не заперта, сэр. Господа Марк и Ричард до недавних пор жили здесь. Скорее всего у них остались ключи. А если нет, Марку Парадаину ничего не стоило обойти дом со стороны террасы и постучать в стеклянную дверь. Все в доме знали, что мистер Джеймс Парадайн будет ждать до полуночи.

Полковник Босток сказал:

— Жуть...

— Да, сэр. Но именно тогда Марк Парадайн и оставил здесь отпечатки — не раньше чем в двадцать минут одиннадцатого, вечером в среду. Ни в какое другое время он этого сделать не мог.

Мисс Сильвер кашлянула.

— У мистера Марка Парадайна требовали объяснений, инспектор? Приглашая меня сюда, он откровенно сказал, что находится под подозрением. Я предупредила, что не стану участвовать в сокрытии улик и что моя главная обязанность — приложить все усилия для выяснения правды. Он ответил, что именно потому и прибег к моей профессиональной помощи. Вам известно, что ежедневник принадлежит ему?

— Что?! — воскликнул полковник Босток.

— Это новогодний подарок от мисс Парадайн, — продолжала мисс Сильвер. — Мистер Амброз, мистер Пирсон и оба племянника получили по записной книжке. Подарки раздавали в гостиной после ужина в среду вечером. Ежедневники были разного цвета. Синий достался Марку.

— Господи помилуй!

— Я бы сказал, что можно ставить точку, — заметил Вайнер.

Мисс Сильвер взяла со стола записную книжку.

— Одну минуту, полковник Босток. Книжка новенькая, но вы видите, что она легко открывается. Если вы с инспектором посмотрите внимательно, то, несомненно, согласитесь, что ее перегнули, чтобы оставить открытой на определенной странице. На странице с датой «1 февраля».

— Да, мы заметили, — сказал Вайнер. — Кстати говоря, здесь такой же отчетливый отпечаток, как и на переплете. Немного странно, что отпечатки Марка Парадайна внутри и снаружи, как и отпечатки Джеймса Парадайна, и всякий раз, когда они перекрываются, отпечатки Джеймса Парадайна оказываются сверху. Похоже, они обсуждали эту дату, и Марк

протянул ему ежедневник, чтобы тот сам посмотрел. Что касается объяснений, я бы предложил вызвать мистера Марка Парадайна сейчас же. Я спрошу, не возражает ли он против вашего присутствия, но, поскольку он сам вас пригласил, вряд ли он откажет. Если он желает, чтобы вы находились здесь, остальные родственники вроде как должны последовать примеру, если вы понимаете...

Мисс Сильвер понимала. Она слегка склонила голову и вежливо ответила:

— Очень любезно с вашей стороны.

Инспектор позвонил и пригласил Марка Парадайна. Тот вошел с видом человека, который давно не спал и держался из последних сил. Он был менее мрачен и насуплен, чем накануне, а лицо свидетельствовало о его строгом самоконтроле. Если мистер Марк и опасался, что ему грозит арест, то неплохо владел собой.

Полковник Босток сказал:

— Здравствуйте, Парадайн. Садитесь.

Вайнер добавил:

— Доброе утро.

Оба остались сидеть, ни один не протянул руку. С самого начала они демонстрировали, что разговор предстоит официальный.

Марк сел напротив мисс Сильвер. Четверо за столом — трое на службе закона и один, уже как будто примеряющий на себя роль подсудимого.

На лице полковника Бостока словно были написаны слова: «Очень, очень неприятное дело». Он кашлянул и спросил:

— Не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Ничуть.

— Вы не возражаете против присутствия мисс Сильвер? Если не ошибаюсь, вы сами ее пригласили.

— Нет, не возражаю.

Полковник Босток посмотрел на инспектора.

— Ладно, Вайнер, приступайте.

Инспектор повернулся к Марку, держа в руках записную книжку.

— Это ваша вещь, мистер Парадайн?

Марк, нахмурившись, посмотрел на ежедневник.

— С чего вы взяли?

— Нам известно, что в среду вечером мисс Парадайн раздала в качестве новогодних подарков четыре записные книжки. Насколько я знаю, синяя досталась вам. Я прав?

Марк слегка насторожился.

— Да, — ответил он.

— Подарки были вручены в гостиной, когда вы присоединились к дамам?

— Да.

— Вы не приходили сюда в промежутке между вручением подарков и той минутой, когда уехали? То есть примерно без четверти десять?

— Нет.

— Тогда, мистер Парадайн, объясните, как получилось, что книжку нашли здесь, на столе, когда на следующее утро, в четверть двенадцатого, прибыла полиция? На ней отпечатки ваших пальцев и пальцев покойного мистера Парадайна — на обложке и на странице с датой «1 февраля», на которой книжка была открыта. Есть ли у вас объяснение, которым вы могли бы поделиться с нами?

Марк взглянул на мисс Сильвер. Та смотрела на него совершенно спокойно. В ее глазах читалось ободрение — так учитель поощряет робкого ученика. Марк и сам не знал, отчего вдруг ощутил прилив уверенности.

— Да, полагаю, есть. Лучше я просто расскажу, что случилось.

Полковник Босток вновь откашлялся:

— Мой долг, Парадайн, предупредить, что все сказанное вами может быть записано и использовано против вас.

Марк взглянул на начальника полиции с легким подобием улыбки:

— Спасибо, сэр... но я объясняю, а не признаюсь. Я вернулся к себе, в Берлтон-Мэншн, и снова вышел, как уже говорил инспектору. Я, впрочем, не удосужился рассказать ему, куда ходил, но, видимо, рано или поздно это должно было выясниться. Я вернулся сюда, решив повидаться с дядей. Но, учитывая то, что он сказал за ужином, я не хотел, чтобы остальные узнали об этом.

— Господи помилуй! Вы вернулись сюда и видели мистера Парадайна?

— Да, сэр.

— Как же вы вошли?

— Я открыл дверь старым ключом.

Полковник Босток издал странный неопределенный звук. Инспектор же спросил:

— Не объясните ли, зачем вы хотели встретиться с мистером Парадайнном?

Марк нахмурился:

— Сейчас расскажу. Я долго ждал, когда мне позволят покинуть фирму, чтобы поступить в авиацию. Но дядя неизменно отказывал. Надо

сказать, решение зависело не только от него. Правительство вряд ли отпустило бы меня — разве что дядя сказал бы, что готов обойтись без моих услуг.

Полковник Босток пристально взглянул на Марка:

— Вы ведь занимаетесь исследованиями?

— Да, сэр.

— Продолжайте.

— Дядя упорствовал. Вчера вечером я пришел сюда, чтобы сказать: у него нет иного выхода. Вот и все.

— Почему?

— Это личное.

— Не объясните?

— Нет, сэр. Смерть дяди все изменила. Теперь я и не надеюсь уехать.

Вайнер, внимательно посмотрев на Марка, спросил:

— Какого рода разговор состоялся у вас с мистером Парадайн? Он был дружеским?

— Да. Дядя согласился отпустить меня. Вот почему записная книжка открыта на первом февраля. Я кое над чем работаю сейчас... и сказал, что закончу через месяц. Тогда он попросил подождать еще месяц и снова встретиться с ним. Я уточнил: «Через четыре недели, считая с сегодняшнего дня?» Он ответил: «Нет, отсчитай календарный месяц». Я вспомнил про ежедневник, который тем же вечером подарила тетя, достал его из кармана и нашел листок с первым февраля, чтобы взглянуть, какой это день недели. Потом я протянул книжку дяде, и он сказал: «Договорились — если ты не передумаешь».

— И что же потом?

— Я пошел домой. Я и не знал, что оставил книжку здесь. Даже не вспоминал про нее.

— Когда именно вы ушли?

— Не знаю... наверное, где-нибудь в половине двенадцатого.

— Кто-нибудь видел, как вы приходили или уходили?

— Кажется, нет.

Вайнер, помедлив, продолжил:

— Мистер Рэй и мистер Пирсон спустились в столовую в половине двенадцатого. По словам мистера Рэя, ему показалось, что захлопнулась входная дверь, когда он вошел в зал. Это совпадает со временем вашего ухода.

— Да.

— Мистер Парадайн... как вы расстались с дядей? По-дружески?

Мисс Сильвер увидела, как на смуглой щеке Марка дернулась жилка. Темные брови сдвинулись.

— Да, — ответил он.

— Джеймс Парадайн был жив, когда вы ушли?

Глаза под насупленными бровями на мгновение сверкнули. После долгой паузы Марк Парадайн произнес:

— Да.

Глава 31

Мисс Сильвер нарушила воцарившуюся на какое-то время тишину негромким покашливанием.

— Мистер Парадайн, не могли бы вы сказать, что находилось на письменном столе, когда вы пришли сюда в среду вечером?

На лице Марка отразилось удивление.

— Что вы имеете в виду?

— Попробуйте представить стол, каким он был тогда, и перечислите как можно больше предметов, которые помните.

Марк сосредоточенно нахмурился.

— Не знаю... я не обращал внимания. На нем лежало примерно то же, что и сейчас.

— Пожалуйста, мистер Парадайн, перечислите. Возможно, вы что-нибудь вспомните.

Он нахмурился сильнее, то ли насмешливо, то ли нетерпеливо вздернул губу, а потом сказал:

— Ну, то же, что вы видите перед собой: чернильница... ручка... карандаши... промокашка... писчая бумага...

— Сейчас бумаги нет.

— Перед дядей лежала бумага, когда мы разговаривали, это точно. Но на ней ничего не было написано.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Больше ничего не могу вспомнить.

— Как насчет календаря? Мисс Парадайн упомянула, что ее брат пользовался простым настольным календарем.

Марк покачал головой:

— Нет, никакого календаря, иначе мне не пришлось бы доставать ежедневник. И потом, был последний день года. Наверное, дядя выбросил старый календарь, а новый еще не принесли.

— Что-нибудь лежало на краю стола, вот здесь, между мной и инспектором?

— Только газета.

— Вот как? — отозвалась мисс Сильвер. — Газета лежала, занимая весь угол?

— Да. «Таймс». Он, должно быть, как раз ее читал.

— Мистер Парадайн, вы не помните, лежала ли газета ровно? Как по-

вашему, могла бы она прикрывать, допустим, чертежи мистера Рэя? Насколько я знаю, они лежали в картонном тубусе. Удалось бы спрятать их под газетой?

Марк глубоко задумался и перевел взгляд с Вайнера на начальника полиции.

— Они вернулись! Неужели дядя имел в виду именно это?

— До вас только что дошло? — спросил полковник Босток.

Марк попытался подняться, но ноги как будто ему не повиновались. Он снова сел, оперся о стол и посмотрел на обоих.

Полковник Босток резко произнес:

— Ну же, Парадайн! Что, по-вашему, имел в виду дядя, когда сказал, что кто-то из членов семьи предал интересы клана? Такое в равной мере неприятно говорить и слышать. Что он имел в виду?

— Он хватился чертежей? Ведь так?

— Я спрашиваю, о чем вы подумали в ту минуту, Парадайн.

Марк выпрямился.

— Извините, сэр, но я и понятия не имел о чертежах.

— Правда? Тогда расскажите, что пришло вам в голову.

Марк с полминуты молчал. Время, казалось, тянулось бесконечно долго. Наконец он произнес:

— Я скажу, сэр. Все это, разумеется, повергло нас в шок. Было очень неприятно, как вы заметили. Я не думал ни о каких чертежах. Я не знал, что думать. Я был занят собственными проблемами, а когда наконец спохватился, то заподозрил, что дядя намекал на меня. Я не преувеличиваю — он всегда страшно злился, стоило ему вспомнить, что я намерен покинуть фирму. В последний раз, когда мы разговаривали, дядя сказал примерно то же самое, что и в среду вечером.

— Вы помните, что именно?

— Что я намерен предать и фирму и страну, погнавшись за дешевой славой.

— Значит, вы решили, что в среду вечером он намекнул именно на вас?

Марк покачал головой:

— Ну, не на сто процентов. Мне просто показалось, что ситуация вышла из-под контроля. Я понял, что не могу так больше, и вернулся для разговора.

Глаза полковника Бостока сверкнули, когда он скептически спросил:

— И вы утверждаете, что разговор прошел вполне по-дружески?

Марк Парадайн внезапно покраснел.

— Да, сэр. Я наконец убедил дядю. Как я уже сказал, он согласился отпустить меня через месяц, если я не передумаю.

— Да, вы так и сказали. — Полковник явно ему не верил.

Марк заметно напрягся. Вайнер уточнил:

— Вы не знали, что чертежи пропали? Когда вы видели их в последний раз?

— Я вообще не видел никаких чертежей.

— Уверены?

— Совершенно уверен.

— Но вы про них знали? Знали, что мистер Рэй их привез?

— Да.

— Вы заходили в контору покойного мистера Парадайна днем в среду?

— Да.

— Во сколько? И долго ли пробыли там?

— Я зашел вместе с Фрэнком Амброзом около четырех и пробыл примерно четверть часа.

— Вы оставались в кабинете один?

— Да. Дядя куда-то вышел, потом Амброз отправился домой. Я подождал и тоже ушел.

— Вы не заметили на столе портфеля?

— Да, заметил. Дядя носил в нем документы.

— Вы к нему притрагивались?

Марк нахмурился.

— Вполне возможно, потому что я опирался о стол.

— А что делал мистер Амброз?

— Не знаю, ей-богу. Мы с ним просто поболтали.

— Вы опирались о стол... Вы все время так стояли, когда мистер Амброз был в комнате?

— Нет, иногда я подходил к окну.

— Зачем?

— Просто смотрел. Мы ждали дядю и не знали, как убить время. В конце концов Амброз так и не дождался.

— А вы остались в кабинете?

— Да.

— Когда ушел мистер Амброз, сколько времени вы провели один?

— Пару минут.

— И портфель был там?

— Да.

— Вы его открывали?

— Нет, конечно, — ответил Марк отчасти небрежно, отчасти язвительно.

— Вы не открывали портфель и не брали чертежи?

— Я даже не знал, что их кто-то взял. — Теперь скептицизм взял верх. Вайнер взглянул на начальника полиции. Полковник Босток сказал:

— Итак, вы не знали, что чертежи украдены. А вам известно, что их вернули?

Выражение лица Марка Парадайна изменилось. Он заметно расслабился, подался вперед и пылко переспросил:

— Действительно вернули?

Полковник Босток кивнул.

— Когда, сэр?

Мисс Сильвер ответила:

— Именно это, мистер Парадайн, мы и пытаемся выяснить — и будем рады, если вы сумеете нам помочь. Чертежи лежали в картонном тубусе. Его обнаружил на краю стола мистер Рэй, когда вошел в кабинет рано утром в четверг, как только узнал о смерти мистера Парадайна. Возможно ли, по-вашему, что тубус уже был здесь, когда вы зашли к дяде в среду вечером?

Марк думал, медлил, хмурился и наконец произнес:

— Не исключено... Кстати, а отпечатки? Если тубус вернули, на нем должны быть отпечатки пальцев человека, который его взял.

Он перевел взгляд с инспектора на Бостока. Вайнер пристально посмотрел на него.

— Я ничего не говорил об отпечатках на тубусе, мистер Парадайн.

Марк отодвинул стул и встал.

— Ну, моих там точно нет, — сказал он.

Глава 32

Когда дверь — чуть громче, чем следовало — закрылась, полковник Босток взглянул на Вайнера и спросил:

— Какие выводы?

— Сэр, проблема с тубусом заключается в том, что на нем много, слишком много смазанных отпечатков, не считая пальцев самого мистера Рэя. То же самое с бумагами, которые лежат внутри. По словам мистера Рэя, мистер Парадайн с мистером Моффетом и мистером Амброзом провели нечто вроде совещания над этими чертежами. Иными словами, они их брали и передавали друг другу. У нас нет отпечатков мистера Моффета для сравнения, но отпечатки двух других повсюду, ну а остальные, видимо, принадлежат ему. Наружная поверхность тубуса способна лишь запутать следствие — просто хаос, именно то, чего и следует ожидать от предмета с большой поверхностью, который пускали по кругу. В том числе есть очень четкий отпечаток мистера Парадайна и отпечатки большого и указательного пальцев мистера Рэя.

Полковник Босток повернулся к мисс Сильвер.

— У вас появились какие-нибудь соображения? — спросил он. — По моему, тут замешаны Марк Парадайн и эта особа, Ирен — миссис Амброз.

— Вот как?... — отозвалась мисс Сильвер. Она сложила руки на коленях, слегка склонила голову и выжидательно посмотрела на полковника.

Полковник Босток, приготовившийся иметь дело с бойкой на язык дамой, испытал облегчение и охотно продолжал:

— Возьмем, к примеру, Марка. Он признает, что вернулся повидать дядю, и не исключает, что фраза о предательстве семейных интересов могла относиться к нему. Странная история, если хорошенько подумать. Так или иначе, он вернулся. По его словам. Марк утверждает, что разговор прошел по-дружески. Признает, что раньше эта тема неизменно повергала дядю в ярость. Но на сей раз — никакой ярости, просто спокойная беседа. Дядя якобы соглашается отпустить Марка. Уйма противоречий. Что скажете?

Мисс Сильвер еле заметно улыбнулась:

— Если хотите знать мое мнение, я считаю, что мистер Марк Парадайн сочинил бы историю получше, если бы собирался солгать.

— Хм! Мы приперли его к стенке, предъявив ежедневник. Он должен

был что-нибудь сказать, а подумать хорошенько не успел.

Мисс Сильвер покачала головой:

— Марку Парадайну известно, что он под подозрением. Он сказал мне это в первую же минуту. Он знал, что констебль на мосту скорее всего видел его. Марк Парадайн мог бы придумать куда более складную историю. Ежедневник не опровергает, а подтверждает его слова, чего он сам, конечно, никоим образом не предвидел. Он достал записную книжку, чтобы взглянуть на дату, и протянул ее дяде, о чем свидетельствует расположение отпечатков. В подтверждение слов мистера Парадайна говорит и то, что на столе нет другого календаря.

— Не слишком убедительно, — поспешно возразил полковник. — Парадайн объявил родным, что один из них — преступник и что он знает виновного. Он сказал, что ждет признания, что будет сидеть в кабинете до полуночи. Спрашивается, насколько разумно предположить, что Марк сначала фабрикует алиби, прощаясь с гостями и уходя вместе с кузеном, а затем незаметно возвращается с какой-либо иной целью, помимо признания?

Мисс Сильвер вновь покачала головой:

— Я думаю, он действительно вернулся, чтобы признаться, но отнюдь не в краже чертежей мистера Рэя.

Полковник повнимательнее уставился на нее. Мисс Сильвер улыбнулась:

— Объяснение очень простое. Мистер Марк Парадайн влюблен в мисс Пеннингтон. Думаю, он любит ее уже некоторое время, но, судя по всему, еще не открыл своих чувств. У меня сложилось такое впечатление, после того как я увидела обоих вместе. По словам миссис Амброс, семья ожидает, что мисс Пеннингтон выйдет замуж за мистера Ричарда Парадайна, который неоднократно делал ей предложение. За ужином в среду они сидели рядом, и во время одного из тостов мистер Джеймс Парадайн допустил легкий намек, объединив их имена. Думаю, несложно представить, что мистер Марк дошел до крайней степени и решил, что подобное положение невыносимо. Возможно, Ричард сказал что-нибудь по пути домой — мы этого не узнаем, но я с легкостью способна предположить, что Марк был не в состоянии спать. Вы говорите, невиновный человек не стал бы искать встречи в столь неподходящий момент, но вы забыли, что невиновные не имели понятия о краже. У Марка запросто могло возникнуть ошибочное представление, что дядя намекал на его желание покинуть фирму. Вполне естественно, он решил вернуться и уладить вопрос. Весьма вероятно, что он объяснил мистеру Джеймсу

Парадайну истинную причину, по которой желал уйти. В таком случае неудивительно, что разговор был дружеским. Зная, что мистер Парадайн попросил племянника подождать месяц, прежде чем принять окончательное решение, я делаю вывод, что он с гораздо большим оптимизмом относился к надеждам мистера Марка Парадайна в отношении мисс Пеннингтон, нежели сам Марк. Вот видите, полковник Босток, все объяснимо, не так ли?

Полковник хмыкнул, как делает человек, который предпочитает придерживаться собственного мнения. Вайнер, поймав испытующий взгляд мисс Сильвер, заметил:

— В этом что-то есть.

Начальник полиции недовольно взглянул на инспектора:

— И что толку? Слова, одни слова. Мы по-прежнему ничего не знаем. Марк, по его собственным показаниям, пробыл здесь до половины двенадцатого. Возможно, он действительно ушел, когда его дядя был жив... а возможно, сам сбросил его с террасы.

— Марк наследует большую часть собственности... — с сомнением произнес Вайнер.

Полковник Босток вновь обернулся к мисс Сильвер:

— Убийца он или Ирен. Страшно подумать... но когда девица сталкивает человека в реку с обрыва, никто не поручится, что она не сделает это и второй раз. Когда Ирен училась в школе вместе с моими дочерьми, то завела котенка. Это было против правил. Какая-то школьная ябеда пригрозила донести. Тогда котенка бы утопили. Ирен сбросила ее в реку. Девочка могла бы утонуть, но, к счастью, не пострадала. Очень неприятный случай.

Вайнер подхватил:

— Миссис Амброз, говорят, полностью поглощена детьми. Предположим, чертежи взял мистер Амброз — он один из тех, кто про них хорошо знал. Несомненно, он держал их в руках и имел возможность вытащить тубус из портфеля мистера Парадайна, пока Марк смотрел в окно. Я скажу нечто неприятное... но, если не ошибаюсь, его мать была немка. Возможно, голос крови сказался. В городе болтают, что Амброзы живут не по средствам. Миссис Амброз плохая хозяйка. Они много должны, им непрерывно приходят счета. Я не утверждаю, что они не в состоянии расплатиться — но они не платят. Предположим, Амброз взял чертежи — вероятно, ему пообещали крупную сумму за возможность их сфотографировать. Он надеялся вернуть бумаги в среду вечером. Думал, никто не заметит. Но еще до конца ужина мистер Парадайн встал и

произнес речь. Он сказал, что среди членов семьи есть предатель и что он знает имя виновного. Подсунуть чертежи незаметно не получалось. Посмотрите показания мистера Амброза — вы увидите, что он сказал меньше других. Насколько мне известно, в течение этого времени никто не слышал от него лишнего слова.

Полковник Босток хмыкнул:

— Нельзя обвинить человека только потому, что он молчит.

— Да, сэр, я и не говорю, что мистер Амброз виновен. Просто излагаю версию. Если он взял чертежи, то должен был придумать, что делать дальше, и придумать быстро. Единственное, что оставалось, — положиться на милость мистера Джеймса Парадайна. Мы знаем, что мистер Амброз увез семью без четверти десять. Знаем, что он и его жена после возвращения выходили из дома. Миссис Амброз утверждает, что ходила за доктором Гортоном. Мистер Амброз якобы ее искал. Никто не знает, когда они оба вернулись. Предположим, мистер Амброз отправился в Ривер-Хаус, а миссис Амброз последовала за ним — он, возможно, что-то сказал, ну или она сама догадалась. Амброзы живут в Мидоукрофте, через реку от Парадайнов. Долго добираться, если ехать на машине по шоссе, но всего семь-восемь минут пешком через мост и по тропке. Предположим, они пошли именно так — мистер Амброз не стал бы рисковать, возвращаясь в Ривер-Хаус через парадный вход. По крайней мере я бы на его месте точно не стал. Я бы подошел к террасе и постучал в стеклянную дверь. Допустим, мистер Амброз так и поступил. Отчим открыл, и они поговорили. Если миссис Амброз шла вслед за мужем, ничто не могло помешать ей отворить дверь и подслушать их беседу. Отпечатками это не докажешь, поскольку все успели прикоснуться к той двери, до того как мы приехали. Предположим, Ирен явилась в Ривер-Хаус, предположим, услышала, что муж рискует лишиться места — как минимум, если его застукали на выдаче военной тайны. Как ни посмотри, им грозило полное разорение. Судя по тому, что мы знаем о миссис Амброз, она в первую очередь подумала бы о детях. В возрасте двенадцати лет, когда ее котенку грозила опасность, она столкнула другую девочку в реку. Как по-вашему, что Ирен способна сделать теперь, если сочтет, что кто-то угрожает ее детям?

— Господи помилуй! — воскликнул полковник Босток. — Но что толку спорить? У нас нет доказательств.

— Вы правы, сэр. Но вероятность такого развития событий была. Я не утверждаю, что миссис Амброз виновата. Мистер Амброз тоже мог убить Парадайна. Я лишь хочу заметить: у обоих была такая возможность. Они выходили из своего дома, и им ничего не стоило спустя короткое время

оказаться здесь. Оба имели серьезный мотив, если мистер Амброз действительно взял чертежи. Все в семье знали, что мистер Парадайн сидит в кабинете. И все, если не ошибаюсь, знали, что перед сном он всегда выходит на террасу. Как мистер Амброз, так и его жена вполне могли подкараулить старика и столкнуть.

— Да, а кроме Амброзов, это могли сделать и другие! Я не утверждаю, что эти двое невиновны. Я говорю, что у нас нет улики.

— Да, сэр, — подтвердил инспектор Вайнер.

Мисс Сильвер кашлянула и вдруг задала странный вопрос:

— Не могли бы вы сказать, где нашли отпечатки пальцев миссис Рэй?

— Господи помилуй... вы что, подозреваете ее?

Мисс Сильвер уклончиво улыбнулась:

— Если инспектор будет настолько любезен и сообщит мне...

У Вайнера ответ был наготове:

— Она сидела в кресле, которое сейчас занимает полковник. Мистер Марк Парадайн тоже там сидел. На спинке и подлокотниках отпечатки пальцев их обоих. А еще — мистера Ричарда, но он утверждает, что заходил в кабинет в шесть.

— Нет ли еще где-нибудь отпечатков миссис Рэй, инспектор?

Вайнер нахмурился:

— Есть. Причем в довольно странных местах. Похоже, она вышла через спальню покойной миссис Парадайн. Вон та дверь, между камином и стеной — на ручке с обеих сторон, а также на двери, ведущей в коридор, отпечатки пальцев. И полный отпечаток ладони высоко на филенке изнутри. Похоже, миссис Рэй нащупывала путь в темноте. Я еще не расспрашивал ее — не было времени.

— Вы не задумывались, по какой причине она вышла через другую комнату?

— Признаюсь, что нет.

Мисс Сильвер продолжила:

— Если миссис Рэй разговаривала с дядей и в эту минуту в дверь постучали... возможно, мистер Парадайн, не захотел, чтобы она увидела пришедшего. Вероятно, он попросил ее выйти через спальню. Вы допускаете такое объяснение?

Вайнер с уважением взглянул на собеседницу:

— Вполне.

— Думаю, именно так и было.

— По-вашему, миссис Рэй слышала голос мистера Амброза?

— Не знаю... Но у меня возникло ощущение, что она и впрямь что-то

слышала. Охотно рассказав о разговоре с мистером Парадайном, миссис Рэй вдруг сделалась очень сдержанна, как будто боялась продолжать. Она нашла предлог, чтобы уйти. Я не настаивала, но, если вы позволите, я побеседую с ней еще раз.

Вайнер посмотрел на шефа. Полковник Босток молча кивнул.

Глава 33

Чуть позже мисс Сильвер встретила с четырьмя членами семьи. Она приняла их самым естественным и радушным образом и к каждому обратилась с одним и тем же вопросом.

Альберт Пирсон шел по коридору, когда мисс Сильвер показалась из кабинета. Он как раз направлялся к дальней лестнице, ведущей в жилые комнаты второго этажа. Услышав легкое покашливание, Пирсон обернулся. Когда она сказала: «А, мистер Пирсон», — он подошел.

— Чем могу помочь, мисс Сильвер?

— Ничего особенного, мистер Пирсон. Я просто подумала, куда делась вчерашняя газета. Я кое-что собралась в ней посмотреть. Но впрочем, пустяки, не хочу никого обременять.

Мистер Пирсон был воплощенная вежливость. Он предположил, что Лейн наверняка знает.

— Я у него спрошу.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. Я лишь подумала... вы, случайно, не в курсе, принесли ли мистеру Парадайн газету в среду вечером?

Альберт посмотрел на пожилую женщину сквозь толстые стекла очков — внимательно и обеспокоенно. Мисс Сильвер напоминала муравья. Вспоминая известную басню Лафонтена, он ответил:

— Кажется, да. Более того, я уверен. Газета лежала на столе, когда я распрощался с ним.

— Мистер Парадайн читал, когда вы вошли?

— Нет, газета лежала на столе.

— Слева?

— Кажется, да, мисс Сильвер.

Ответом была любезная улыбка:

— Спасибо, мистер Пирсон. Наверное, она у Лейна. Прошу вас, не беспокойтесь, я уточню сама.

Она встретила Лейна в коридоре. Дворецкий немедленно принес «Таймс» за тридцать первое декабря. Посмотрев на газету, они отреагировали совершенно по-разному. Тогда как на лице мисс Сильвер отразилось удовлетворение, Лейн расчувствовался. То, что газета, судя по всему, осталась неразвернутой, послужило поводом для его горестного излияния.

— Как ужасно, — сказал он. — Прежде никогда не бывало, чтобы

мистер Парадайн не прочел «Таймс». Сразу после ужина он раскрывал газету, хоть часы по нему сверяй.

— Значит, никто другой ее тоже не читал?

Лейн покачал головой:

— Нет, мэм. У дам свои газеты. «Таймс» приносили специально для мистера Парадайна, он не любил, чтобы кто-то другой ее брал. Но наверное, он был слишком взволнован в среду, чтобы вспомнить об этом.

— Вы видели газету, когда зашли в кабинет после ужина?

— Да, мэм. Она лежала на столе, слева.

— То есть мистер Парадайн не читал ее?

— Нет, мэм, она была сложена.

— Вы не помните, как именно она лежала на столе? Ровно?

— Нет, мэм.

— Вы уверены?

Лейн негромко, но решительно ответил, что уверен.

— Знаете, мэм, я даже задумался, отчего она не лежит ровно. Похоже, под ней что-то было, и я прикинул, что это могло быть, поскольку мистер Парадайн, мэм, все на столе держал в идеальном порядке.

— Спасибо, Лейн.

С газетой в руке мисс Сильвер поднялась по лестнице. Наверху она встретила Филиду Рэй и негромко поинтересовалась:

— Вы видели эту газету на столе в кабинете, когда разговаривали с дядей в среду вечером?

Филида на мгновение смешалась, но тут же овладела собой и забормотала:

— Да, кажется... да, видела.

Дальнейшие расспросы показали, что тогда она не обратила особого внимания, но теперь припоминала, что газета лежала так, словно ею что-то накрыли. Вечером Филида об этом даже не задумалась, но в разговоре с мисс Сильвер подтвердила, что так все и было.

Мисс Сильвер вернулась в спальню, где увидела Полли Парсонс в сиреневом платице, с метелочкой для пыли. Закрыв дверь, она сказала:

— Можете продолжать уборку, Полли. Я лишь хочу задать вам один вопрос. — Она показала девушке «Таймс». — Лежала ли эта газета на столе в кабинете в среду вечером, когда вы зашли растопить камин? Хорошенько подумайте, прежде чем ответить.

Полли округлившись от удивления глазами уставилась на газету.

— Нет, мисс, не лежала.

— Вы уверены, Полли?

— Да, мисс. Мистер Лейн ни за что ее бы туда не положил — есть отдельный столик для газет. Я бы сразу заметила, если бы она оказалась не на месте.

От вчерашнего смущения не осталось и следа — ни запинок, ни румянца. Розовые щеки слегка переливались, как настоящие яблоки. Синие глаза смотрели на мисс Сильвер совершенно невинно.

Та сказала:

— Спасибо, Полли. — И вышла, закрыв за собой дверь.

Мистер Рэй был у себя, в соседней комнате. Мисс Сильвер слышала шаги.

Когда она постучала, он произнес «войдите» с легкой ноткой нетерпения. Видимо, Элиот расхаживал по комнате, потому что теперь стоял у окна и смотрел на лужайку. Когда дверь закрылась, он, взглянув через плечо, казалось, удивился:

— Мисс Сильвер!

— Я хотела бы поговорить с вами, мистер Рэй. Позвольте присесть?

— Что случилось? Пожалуйста, вот кресло... а я сяду на кровать. О чем вы хотите поговорить?

Мисс Сильвер смотрела на молодого человека серьезно и внимательно, по-прежнему держа в руках «Таймс» за тридцать первое декабря. Она протянула Элиоту газету:

— Вы видели ее в среду вечером, когда зашли попрощаться к мистеру Парадайну?

— Да, она лежала на столе... видимо, он читал.

— Нет, мистер Рэй, она осталась нераскрытой.

Он нетерпеливо усмехнулся:

— Тогда, наверное, мистер Парадайн собирался ее прочитать.

— Газету так и не развернули, мистер Рэй.

Элиот поставил локти на латунную спинку кровати, положил подбородок на руки и сказал:

— Ну ладно... поехали дальше.

Мисс Сильвер кашлянула — не то чтобы с упреком, скорее затем, чтобы сосредоточиться на обсуждаемой теме. «Странный оборот речи, — подумала она, — но довольно выразительный, надо запомнить. Интересно, что сказал бы дорогой лорд Теннисон о современном жаргоне? Скорее всего что-нибудь весьма резкое».

Вспомнив о своих обязанностях, мисс Сильвер решительно произнесла:

— Мистер Парадайн привык читать «Таймс» каждый вечер после

ужина. В среду он находился в кабинете с девяти до двенадцати, но даже не развернул газету. На какие мысли вас это наводит?

Элиот пристально посмотрел на нее:

— Может быть, вы скажете, на какие мысли это наводит вас?

— Хорошо. Если бы речь шла о ком-нибудь другом, причиной наверняка послужило бы волнение, но вы, исходя из наблюдений за мистером Парадайн, утверждаете, что он не был взволнован. У миссис Рэй сложилось точно такое же впечатление. И у мистера Марка Парадайна. После разговора с дядей миссис Рэй успокоилась, ощутив поддержку. С мистером Марком Парадайн обошлись сочувственно и благожелательно. «Коль сердце боль не бременит, оно открыто всем». Люди, которые находятся в состоянии сильного эмоционального напряжения, нечасто ведут себя так.

Элиот улыбнулся:

— Знаете, это не очень-то похоже на мистера Парадайна.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Мы выражаем свои чувства по-разному, мистер Рэй. Установленный факт, что миссис Рэй и мистер Марк Парадайн душевно побеседовали с мистером Джеймсом Парадайн.

— Марк?

— Да. Он побывал у мистера Джеймса Парадайна в среду вечером, между одиннадцатью и половиной двенадцатого. Думаю, вы разминулись с ним, когда спускались в столовую с мистером Пирсоном. У мистера Марка Парадайна имелся вполне достаточный повод для визита, хотя сейчас нет необходимости об этом говорить. Пожалуйста, давайте вернемся к «Таймс». Полагаю, есть две причины, по которым она осталась непрочитанной. Во-первых, ею воспользовались, чтобы что-то прикрыть. А во-вторых, мистер Парадайн был слишком занят.

— Чем же?

Мисс Сильвер внимательно взглянула на него.

— Судя по всему, принимал многочисленных посетителей.

— Многочисленных?

— Да. Сначала вы с мистером Пирсоном. Потом миссис Рэй между десятью и половиной одиннадцатого. Мистер Марк Парадайн вряд ли появился раньше одиннадцати, но у меня есть основания считать, что к хозяину кабинета в половине одиннадцатого заглянул еще один гость, поскольку миссис Рэй покинула помещение в спешке, через спальню покойной миссис Парадайн.

— Вы были там?

Мисс Сильвер улыбнулась и объяснила тоном учительницы, наставляющей нерадивый класс:

— Она оставила отпечатки пальцев на обеих дверях в комнате. Вряд ли миссис Рэй стала бы выходить через спальню, если бы не хотела избежать встречи с человеком, который постучал в кабинет.

— Допустим, допустим. Она из тех людей, которые не умеют лгать. Не давите на нее слишком сильно.

Мисс Сильвер кашлем выразила несогласие с подобным легкомыслием. Она сказала:

— Я, разумеется, не знаю, кто был этот посетитель.

— Вы меня удивляете.

— Но я уверена, что миссис Рэй знает. Впрочем, давайте пока поговорим о том, почему газета осталась неразвернутой. Это важнее.

Элиот помрачнел.

— Вы говорите, «Таймс» положили на стол, желая что-то прикрыть. Намекаете, что под ней спрятали тубус с моими чертежами?

— Да, мистер Рэй.

— С чего вы взяли?

Мисс Сильвер захватила с собой мешочек с вязаньем. Она вытащила рейтузы маленького Роджера и принялась вязать. Не переставая щелкать спицами, она неотрывно смотрела на Элиота.

— Все очень просто, мистер Рэй. В девять часов, когда дамы покинули столовую, младшая горничная, Полли Парсонс, зашла в кабинет растопить камин. «Таймс» тогда находилась на журнальном столике. Без десяти десять, когда вы с мистером Пирсоном и Лейном с интервалом в несколько минут побывали в кабинете, газета лежала на столе, слева от мистера Парадайна. Лейн заметил, что она осталась нераскрытой, но при этом явно что-то прикрывала. Он удивился, задумавшись, что под ней такое. Газета оставалась на месте, по-прежнему не развернутая, когда в начале одиннадцатого явилась миссис Рэй, а затем, в одиннадцать, Марк.

— Кстати говоря, там же я нашел ее и утром.

— И под ней был тубус с вашими чертежами?

— Да.

Порывистым движением Элиот отодвинулся от спинки кровати и сел прямо.

Мисс Сильвер сказала:

— Весьма вероятно, что тубус принесли между девятью часами, когда в кабинет заходила Полли, и без четверти десять, когда Лейн увидел, что газета лежит на столе, как бы прикрывая что-то.

Элиот сунул руки в карманы.

— Исключено.

Спицы продолжали щелкать.

— Почему вы так думаете, мистер Рэй?

— Потому что никто из членов семьи не мог вернуть чертежи в указанное вами время. Никто не оставался один.

— А мистер Пирсон?

Элиот нахмурился.

— Лейн уже находился в кабинете, когда Пирсон вошел. И потом... — Замолчав, он пожал плечами.

— Я согласна, что вряд ли кто-нибудь выбрал бы это время. Семейство Амбровов только что уехало, а остальные расходились на ночь.

— Да, это просто невозможно, — подтвердил Элиот. — И потом, Лейн пришел в кабинет первым. Вы сами сказали, что он заметил газету.

— Да. Я не подозреваю мистера Пирсона, все указывает в другую сторону. Вы говорите, ни у кого не было возможности вернуть чертежи в промежутке между девятью часами и без четверти десять, поскольку никто не оставался один. Думаю, промежуток можно сократить до четверти часа. Именно столько времени прошло до того, как мужчины присоединились к дамам в гостиной, а мистер Парадайн отправился в кабинет. Я уверена: чертежи вернули на место именно тогда, и только один человек мог это сделать.

— Ни один из мужчин не покидал столовую, мисс Сильвер.

— Я знаю, мистер Рэй. Но одна из дам выходила.

Светлые брови Элиота сдвинулись, в глазах сверкнуло необыкновенное внимание.

— Кто? — спросил он так тихо, что мисс Сильвер едва расслышала.

Она ответила молодому человеку не менее твердым взглядом, прежде чем сказать:

— Мисс Парадайн.

Глава 34

Элиот откинул голову и рассмеялся. Отнюдь не добродушно.

— А вы смелая женщина. Вы представляете, что вас ожидает?

Мисс Сильвер сдержанно произнесла:

— Я излагаю вам результаты своих наблюдений и выводов, мистер Рэй, и буду рада, если вы позволите мне продолжать.

— Пожалуйста, продолжайте.

Мисс Сильвер вновь взялась за вязанье.

— Если вы беспристрастно проанализируете факты, то признаете: мисс Парадайн — единственный член семьи, у кого была возможность вернуть чертежи. Если только вы вопреки собственному мнению не придете к совершенно нелепому выводу, что мистер Пирсон улучил минуту, когда Лейн приносил напитки, а остальные прощались на ночь... если не предположите, что в эту минуту мистер Пирсон помчался в кабинет к шефу и признался в воровстве.

Элиот покачал головой:

— Исключено. Альберт — само благоразумие.

— Вот и я так подумала. Поэтому мы возвращаемся к мисс Парадайн, которая вышла из гостиной в начале десятого под тем предлогом, чтобы принести новогодние подарки, приготовленные для гостей. Грейс Парадайн отсутствовала совсем недолго, но на то, что, по моему мнению, она сделала, не понадобилось бы много времени. Думаю, она прошла по коридору, спустилась по лестнице и заглянула в кабинет. Это задержало бы ее совсем чуть-чуть. Положив тубус на стол мистера Парадайна, она приоткрыла дверь и прислушалась, чтобы убедиться, что в прихожей никого нет, затем вернулась в гостиную с подарками.

Элиот тихонько присвистнул:

— Грейс Парадайн!.. Но зачем?

— Неужели вы не понимаете, мистер Рэй? Сомневаюсь. Простите, если я выскажусь прямо. Она ненавидит... и ревнует. Она разлучила вас с женой. У нее очень решительный характер, а все чувства обращены на миссис Рэй. Невозможно находиться с вами тремя в одной комнате и ничего не заметить. Лично я все поняла сразу. И миссис Рэй тоже это чувствует и тревожится. Воспитание, а также то, что она считает верностью и долгом, тянут ее в одну сторону, тогда как естественные инстинкты и чувства влекут в другую. А теперь представьте положение

мисс Парадайн. Она добилась того, о чем, по моему мнению, мечтала, — вашей разлуки. Не знаю, как она это устроила, но эта женщина имеет на редкость сильный характер. Думаю, она не станет излишне разбираться в средствах, если затронуты чувства к миссис Рэй. Мисс Парадайн — очень властная, авторитарная и уверенная в своих притязаниях. И вдруг вы приезжаете сюда по делу. Она боится, что вы с миссис Рэй встретитесь... боится новых визитов. Она обдумывает нечто, способное их предотвратить. Мисс Парадайн понимает, что если будут утрачены ценные бумаги, то окончательный разрыв между вами и Парадайнами неминуем. Бог весть, ошибалась ли она, но, вероятно, предположила, что будет именно так. Вспомните, мистер Ричард пил с ней чай в среду. Судя по тому, что сказал вам мистер Парадайн, мистер Ричард знал: дядя принес домой важные бумаги, раз он не намерен был оставлять их в кабинете без присмотра даже на пять минут, чтобы помыть руки. Недаром мистер Парадайн попросил племянника побыть в кабинете в его отсутствие. Мистер Ричард показался мне приветливым и довольно разговорчивым человеком. Думаю, он обмолвился тете про бумаги. Она изыскала возможность их добыть, и мистер Джеймс Парадайн догадался, кто виноват. Он сказал, что ему известно, кто украл бумаги, не так ли?

Элиот кивнул.

Быстро работая спицами, мисс Сильвер продолжила:

— Особенно меня удивило то, что мистер Парадайн, казалось, не испытывал никакого волнения в связи с пропажей ценных чертежей. Вы согласны, не так ли?

Взгляд Элиота стал сосредоточеннее.

— Да.

— Вы сказали, что он пребывал в чрезвычайно хорошем расположении духа.

— О да, — мрачно отозвался Элиот. — Он явно наслаждался.

Спицы быстро щелкали.

— Вы понимаете, какой напрашивается вывод, мистер Рэй? Пропали секретные бумаги. Если мистер Парадайн был в состоянии наслаждаться ситуацией, значит, он абсолютно не сомневался, что воровство никак не связано с происками врагов. В частности, он не боялся, что чертежи сфотографируют и передадут немцам. Подумайте немножко и убедитесь сами: вряд ли он бы стал тянуть время, будь у него хоть малейшие сомнения.

Элиот бесстрастно ответил:

— Да.

Глаза мисс Сильвер над бешено мелькающими спицами блестели ярко, как у неугомонной птички. Она слегка склонила аккуратно причесанную головку и решительно сказала:

— Мистер Джеймс Парадайн понял: чертежи пропали не потому, что они ценные, а исключительно из-за того, что они — ваши. Я не ошибусь, если предположу: прожив с сестрой последние двадцать лет, он неплохо представлял образ мыслей мисс Парадайн и ситуацию в доме. Мы не знаем, каким образом мистеру Парадайну стало известно, что именно она взяла бумаги — но он, несомненно, догадался. Он любил сестру, но, разумеется, очень рассердился и решил наказать и унижить ее. В общем, мы имеем право сказать, что она и была наказана. Речь мистера Парадайна за ужином наверняка заставила мисс Парадайн пережить несколько ужасных минут. Семья всегда относилась к ней с огромным уважением и любовью, в этом не приходится сомневаться. Даже мисс Амброз не находит для тети Грейс слов осуждения.

— Они возвели ее на пьедестал, — с горечью заметил Элиот. — Я натолкнулся на стену. «Тетя Грейс не способна ни на что дурное». Мисс Парадайн — настоящая семейная святыня, а я — единственный богохульник.

Мисс Сильвер кивнула:

— Немногие способны нести бремя непогрешимости. Но если уж человек привык стоять на пьедестале, ему очень трудно спуститься — и еще труднее пережить свержение с него, особенно публично. Когда мисс Парадайн сидела за праздничным столом в среду вечером и слушала брата, который заявил, что знает, кто совершил преступление... в глубине души она, несомненно, очень сильно страдала. Ей оставалось лишь гадать, не раскроет ли он через минуту всей семье, что она и есть преступница. Думаю, вы согласитесь, что мисс Парадайн понесла ощутимое наказание.

Лицо Элиота напоминало белую маску.

— Она сама напросилась, разве нет? Думаете, я ее пожалею? Вам известно, что она сделала со мной и с Филидой. Даже если теперь я одержу победу над Грейс Парадайн, даже если проклятый пьедестал будет расколот на кусочки и она больше никогда не поднимется... она украла у нас целый год! — Он встал, подошел к окну, постоял там несколько секунд и вернулся обратно, спокойный и сдержанный. — Она убила брата?

Спицы перестали щелкать. Мисс Сильвер сложила руки на коленях.

— Не знаю, мистер Рэй.

Глава 35

Тишина длилась, пока Элиот внезапно не произнес:

— Как это «не знаю»?

Мисс Сильвер вновь принялась вязать.

— Видите ли, мистер Рэй, я уверена, что мисс Парадайн взяла чертежи и впоследствии вернула их. Но я не уверена, что это она столкнула мистера Джеймса Парадайна с террасы. У нее был мотив, но на данный момент нет никаких доказательств того, что она действительно убила брата.

Элиот сказал:

— Послушайте, мисс Сильвер. Вы говорите, что Грейс Парадайн взяла чертежи. Я не спору. Но вы утверждаете, что она вернула украденное. Это можно было сделать лишь между девятью и четвертью десятого. Допустим. Но как вы объясните то, что мистер Парадайн ушел в кабинет и сидел там, ожидая, когда виновник придет и признается? Вы доказали, что чертежи уже вернулись и лежали на столе. И мистер Парадайн знал имя вора. Чего же тогда он ждал?

Мисс Сильвер улыбнулась:

— Думаю, вы сами способны ответить, мистер Рэй.

— Он не собирался спускать ее с крючка? Он хотел, чтобы Грейс пришла и покаялась?

— Вот именно. Они померились силой воли. Не берусь судить, кто победил. Оба были решительны и упрямы. Возможно, в конце концов мисс Парадайн остыла или рассчитывала, что мистер Джеймс Парадайн, обнаружив бумаги, не пойдет на крайности. Она, вероятно, убедила себя, что он вообще не знает, кто их взял.

— Так... — произнес Элиот. — Здесь я с вами согласен... — Помолчав, он заговорил вновь: — Не помню, что именно я сказал, когда мы беседовали. Сейчас повторю. Есть кое-что... не знаю, насколько это важно...

— Пожалуйста, продолжайте.

— Я говорил, что со мной в моей комнате сидел Альберт Пирсон. Примерно в половине двенадцатого мы спустились в столовую что-нибудь выпить. Мы сошли по лестнице в прихожую, и в это мгновение входная дверь закрылась. А потом — другая дверь, наверху.

— В какой части дома, мистер Рэй?

Он мрачно улыбнулся:

— Там, где поселили нас, некому открывать и закрывать двери. Пока вы не приехали, только мы с Альбертом занимали там две комнаты.

— Значит, дверь открылась в другом крыле?

— Да. И, как вам известно, две спальни там заняты моей женой и мисс Парадайн.

Внимательный взгляд мисс Сильвер был по-прежнему устремлен на него.

— Это произошло в половине двенадцатого?

— Чуть позже. Не знаю, какой вывод можно сделать. Наверное, она намеревалась спуститься, но вернулась, когда услышала стук входной двери и наши шаги. Я просто подумал, что вы должны знать.

— Спасибо, мистер Рэй.

Он повел рукой, как будто отмахиваясь от благодарности, и спросил:

— Что будет дальше?

Мисс Сильвер кашлянула.

— Я бы очень хотела побеседовать с миссис Рэй. Желательно в вашем присутствии. Пусть Полли сходит и спросит миссис Рэй, не уделит ли она мне несколько минут. Перейдем в мою комнату и подождем там.

Они так и сделали.

Полли чистила краны в ванной. Когда девушка отправилась с поручением, мисс Сильвер расставила по своему вкусу три стула и вновь обратилась к Элиоту:

— Когда вы зашли проститься перед сном, мистер Рэй, не помните, что сказали мистеру Парадайну и что он сам сказал?

Ей показалось, что Элиот слегка напрягся.

— Абсолютно ничего существенного.

Мисс Сильвер устроилась на стуле с прямой спинкой и принялась спокойно вязать, сидя спиной к свету. Таким образом, Элиот (а впоследствии и Филида) был вынужден расположиться лицом к окну и к собеседнице. Мисс Сильвер добродушно улыбнулась:

— Вполне может быть, мистер Рэй. Но я очень хотела бы знать, что сказал мистер Парадайн, когда вы вошли. Не возникло ли у вас впечатления, что он ждал кого-то другого?

— Было еще слишком рано, все ходили туда-сюда. Если угодно, он поинтересовался, не пришел ли я с признанием, а потом велел проваливать: ему, мол, некогда объяснять мне, какой я идиот. В частности, тогда-то я и подумал, что старик искренне веселится.

Выражение лица мисс Сильвер стало более заинтересованным, но она промолчала. Спицы щелкали. С них свисало уже восемь-девять дюймов

темно-серого полотна. Пришлось достать из мешочка еще один клубок и нарастить нить.

Она бодро откликнулась:

— Да-да, — когда постучала Филида. Молодая женщина закрыла дверь, вошла и тут же заметила Элиота, опиравшегося о каминную полку. Она что-то пробормотала про Полли, но тут же замолчала, ярко покраснев, и замерла. Мисс Сильвер приветливо сказала:

— Заходите и садитесь, миссис Рэй. Я долго вас не задержу.

Филида опустилась на стул. Она сидела лицом к мисс Сильвер, но видела и Элиота. Он молчал и как будто не замечал стула, несомненно поставленного для него. Просто стоял и смотрел. Как ни странно, Филида немного приободрилась.

Мисс Сильвер обратилась к ней:

— Миссис Рэй, отчего в среду вечером вы вышли из кабинета через соседнюю комнату?

Филида в изумлении ахнула.

Элиот рассмеялся:

— Ну, Фил, преступница из тебя никакая. Ты кругом оставила отпечатки пальцев.

Филида перевела взгляд с мужа на мисс Сильвер:

— Я... просто вышла через спальню, и все.

— Потому что кто-то постучал в дверь кабинета, не так ли? Поэтому мистер Парадайн выслал вас через смежную комнату?

Филида молча вздохнула.

Мисс Сильвер склонилась к молодой женщине:

— Я так думаю. Поправьте меня, если я ошибусь. Еще я думаю, вы знали, кто пришел. Вы оказались в темной комнате. Там нет выключателя. Некоторое время вы не двигались и, полагаю, находились достаточно близко к кабинету, который только что покинули, чтобы услышать, как мистер Парадайн обратился к пришедшему по имени. Вы также могли узнать голос этого человека. Я права?

На щеках Филиды показался румянец. Она молчала.

— Не хочется смущать вас, миссис Рэй, но лучше расскажите все, что знаете. В данный момент под подозрением мистер Марк Парадайн.

— Марк? Нет, это был не он...

Мисс Сильвер кивнула:

— Мистер Марк Парадайн действительно вернулся, чтобы повидать дядю, но зашел в кабинет лишь около одиннадцати.

В огромных глазах Филиды промелькнула тревога.

— Это был не Марк. Я вернулась к себе в половине одиннадцатого.

— Вы можете сказать, кто пришел к мистеру Парадайну, миссис Рэй? Она обратила испуганные глаза на Элиота.

— Лучше скажи, Фил, — попросил он.

Она чуть слышно произнесла:

— Фрэнк.

— Мистер Фрэнк Амброз?

— Да.

— И что вы слышали? Вы ведь что-то слышали?

Филида поднесла руки к лицу бессознательным движением, как ребенок.

— Да. Дядя Джеймс сказал: «Здравствуй, Фрэнк. Ты пришел признаться?» — и Фрэнк что-то ответил, но я не разобрала, да и не хотела. Я мечтала поскорее уйти.

Спицы щелкали.

— Естественно, миссис Рэй.

Потрясенный Элиот произнес:

— Фрэнк? Просто не верится.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Иными словами, мистер Рэй, вы не верите в виновность мистера Амброза? Или вы выражаете недоверие к словам миссис Рэй?

— Отлично сказано. Я ведь предупреждал, что Фил не умеет врать. Не умеет и даже не станет пытаться. Ей ничего не остается, кроме как не падать духом и говорить правду.

Филида с ноткой протеста в голосе воскликнула:

— Элиот! — И обратилась к мисс Сильвер: — Честное слово, я ничего такого не имела в виду. Я услышала от дяди Джеймса то же самое... насчет признания. Я постучала, и он пригласил: «Войдите». Я попросила разрешения поговорить с ним, и он предложил мне сесть, а потом спросил: «Ну, Филида, ты пришла признаться?» — вот и все, сами видите, это ничего не значит. Пожалуйста, пожалуйста, не ищите здесь скрытый смысл.

— И меня он встретил так же, — заметил Элиот. — «Вы пришли признаться?» Мрачновато, но, видимо, мистер Парадайн предпочитал черный юмор.

Мисс Сильвер приоткрыла рот, чтобы ответить, но решила промолчать. На мгновение в ее сознании вспыхнул такой яркий свет, что понадобилось усиленно сосредоточиться. Разобравшись со своими мыслями, она повернулась к Филиде, которая с жаром продолжила:

— Фрэнку все доверяют. Он непростой человек, но надежный, на него

можно положиться. Если он и зашел в кабинет, то лишь потому, что хотел побеседовать с дядей Джеймсом и выяснить, что случилось. И ничего другого... ей-богу, ничего другого.

Мисс Сильвер взглянула на нее очень серьезно:

— Несомненно, он сумеет объяснить, по какому делу явился к мистеру Парадайну. Точнее, мистеру Амброзу придется это сделать...

Убрав свернутое вязанье в мешочек, она встала.

— Я кое-что хочу спросить у Лейна. Потом он будет занят, поэтому разыщу-ка я его сейчас.

Мисс Сильвер направилась к двери с висящим на руке мешочком. Взявшись за дверную ручку, она обернулась и вновь посмотрела на Филиду.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, миссис Рэй. Истина иногда причиняет боль, но, поверьте, в конце концов всегда оказывается, что лучше говорить правду.

Глава 36

Элиот и Филида остались одни. Никто не двигался, пока наконец она не подняла глаза и не взглянула на мужа — с той же тревогой, что и прежде.

— Почему ты не писал? — спросила она.

Он стоял, прислонившись к каминной полке, но, услышав вопрос, мгновенно выпрямился.

— Почему я не писал?

Филида не сводила с Элиота глаз. Синева покинула их, они стали темными, как вода, над которой нависло облако. Краска сбегала с ее лица, щеки побледнели. Растерянный вид Филиды мог бы тронуть его сердце, если бы он не был слишком зол, чтобы говорить.

— Я думала, ты напишешь... но ты не... — Ее голос оборвался.

— Ты имеешь в виду, что не получала мои письма? — уточнил он.

Она чуть заметно качнула головой, что означало «да». Элиот заговорил так бесстрастно, что Филида испугалась:

— Я написал два письма. В первом я объяснил, что случилось и при чем тут Мейзи Дейл. Во втором попросил известить меня, получила ли ты первое письмо, и ответить, можно ли мне приехать и увидеться с тобой. Я предложил встретиться в Берлтоне, поскольку не хотел приходить сюда. В ответ я получил весьма выразительную телеграмму: «Мы не встретимся ни теперь, ни в будущем. Прошу принять это как окончательное решение». Я и принял.

Филида сидела неподвижно, слишком пораженная, чтобы двигаться. Она неотрывно смотрела на мужа, просто потому, что не могла отвести взгляд.

Он спросил резко и сердито:

— В чем дело?

Тогда она заставила себя заговорить:

— Я не получала писем... — Помолчав, Филида добавила: — И я не посылала телеграмму.

Выражение лица Элиота испугало ее, она начала дрожать, а потом, дрожащими руками закрыв лицо, произнесла тонко и жалобно:

— Не надо! Пожалуйста, не злись! Я не получала писем, честное слово, не получала.

Элиот схватил Филиду за руки и заставил встать. Ей пришлось

взглянуть на мужа. Его лицо разительно изменилось, он произнес сдержанно и мягко:

— Не будь глупой, девочка, ты ведь не хочешь, чтобы я тебя ударил. Ты подумала, я сержусь? Нужно наконец объясниться. Если ты соберешься с силами и послушаешь, я расскажу, что было в том письме, которого ты не получила. Ты можешь успокоиться?

Он до боли сжимал руки Филиды, но она не возражала, ведь это было как выражение поддержки. Она лишь произнесла:

— Да.

Элиот усадил Филиду, подтянул стул, на котором раньше сидела мисс Сильвер, и устроился напротив.

— Все в порядке?

Она кивнула:

— Да. Какая же я глупая!

— Вот ты это и признала! Ну ладно, не будем искать виноватого. Теперь слушай. Что касается аварии... я уехал, поскольку боялся, что убью кого-нибудь, если останусь. У меня тяжелый характер — полагаю, ты в курсе. Как правило, я способен владеть собой, но в тот раз мог и не сдержаться. У меня хватило здравого смысла уехать. Я вернулся в Лондон, а когда немного остыл, то сел и написал письмо. Сейчас я все расскажу. Мне нечего скрывать. Нечем и гордиться, но все было не так, как тебе кажется. Даже если я расскажу, что случилось, я не заставлю тебя поверить. Я способен доказать кое-что из того, что ты услышишь, но если ты не поверишь без доказательств, значит, мы расстанемся навсегда.

Он помолчал.

Филида подняла глаза.

— Я поверю и без...

— Хорошо, тогда слушай. В июне, еще до того как мы познакомились... да, придется вспомнить. До тех пор мы ни разу не виделись. Мы не были знакомы до сентября, когда мистер Парадайн вдруг пригласил меня на ужин, не знаю зачем. Я даже не представлял, как ты выглядишь. Я вкалывал как черт и редко развлекался. Кэдоган сказал, что я работаю слишком много. Он решил, что мне надо взять отгул на выходные и куда-нибудь съездить. Я встретил парня, с которым когда-то дружил. Он был в увольнении и позвал меня на вечеринку в каком-то доме у реки. Но в конце концов мы поехали не туда, а в придорожную гостиницу — он, я и две девицы, он с Дорис, я с Мейзи. Мы довольно бурно провели вечер, засиделись допоздна и неплохо покутили. Но ничего такого, во всяком случае у нас с Мейзи, не было. Она была из тех девушек, которые

отправляются на поиски приключений и никак не могут успокоиться. Совсем молоденькая, до краев полна энергией — просто искры летят. Неплохая девушка... Ну вот. Потом мы поехали обратно. Я накануне слегка перепил. Может, из-за этого все и случилось. Обычно я не пью. Наверное, реакция ослабла. Не знаю. Так или иначе, мы попали в аварию. Откуда-то сбоку вылетел грузовик, и я не успел отреагировать. Мы перевернулись. Машина не пострадала, но Мейзи от удара потеряла сознание. Мы перенесли ее в ближайший дом, где, разумеется, пришлось назвать наши имена и адреса. Мейзи скоро очнулась, и, когда полиция разобралась, мы поехали дальше. Я отвез Мейзи домой и решил, что приключениям конец.

Филида вздохнула, но ничего не сказала. Она не сводила глаз с лица мужа.

Он передернул плечом и продолжал:

— Слушай дальше. Целых три месяца я ничего об этой девушке не слышал. Я встретил тебя и влюбился. Когда я приехал сюда в конце сентября, то уже не сомневался, что это настоящее чувство. Я просто летал от счастья. А потом случайно встретил Дорис — вторую девицу из той компании. Она сидела в ресторане с каким-то парнем — не с тем же самым, но его я тоже знал. Я подошел поздороваться. Дорис встретила меня не очень-то приветливо — вцепилась мертвой хваткой и поинтересовалась, как у меня хватает наглости подходить и заговаривать с ней, после того что случилось с Мейзи. Я пожелал знать, что такое случилось, и она спросила: «Ты разве не знаешь?» Я ответил, что понятия не имею. Тогда Дорис немного успокоилась и сказала, чтобы я поехал и сам посмотрел. Я и поехал. Мейзи парализовало — во время аварии она повредила спину. Сначала она ничего не почувствовала, но потом... ей становилось хуже и хуже. Я спросил, отчего она не позвонила, но она сказала, что я не виноват и не обязан беспокоиться. Я возразил, что она может потребовать компенсацию от моей страховой фирмы и что я все улажу. Я нанял адвоката, и Мейзи действительно получила компенсацию. Я еще пару раз навещал ее. Она была очень благодарна и держалась молодцом. Именно этими делами я занимался с Дорис — они с Мейзи живут вместе. Я предложил вносить за Мейзи арендную плату. У нее нет родственников, а она никуда не хотела переезжать. Мейзи сказала, что ее навещают подруги и что она скорее умрет, чем ляжет в больницу. Поэтому я договорился с Дорис.

Филида снова вздохнула, но на сей раз она произнесла:

— Элиот...

Он хмуро взглянул на жену.

— Сама видишь, мисс Парадайн была абсолютно права, когда сказала, что я снимаю жилье для Мейзи. Она не ошиблась, когда сказала, что я отправился навестить ее, как только мы с тобой вернулись из свадебного путешествия. Я действительно поехал к Мейзи. И хотелось бы мне знать, как мисс Парадайн до всего докопалась.

Филида облизнула губы.

— Тете Грейс написала миссис Крэнстон... про аварию. Написала, когда узнала, что мы собираемся пожениться. Письмо запоздало... и тетя Грейс получила его лишь после нашего отъезда.

— Миссис Крэнстон? Кажется... та женщина с лошадиным лицом... в доме, куда перенесли Мейзи...

Филида кивнула:

— Миссис Крэнстон решила, что это ее долг. Знаешь, она такая. В детстве я украдкой показывала ей язык, а потом, лежа в постели, чувствовала себя страшной преступницей.

Элиот продолжал хмуриться.

— Миссис Крэнстон разболтала про аварию. А кто сказал, что я оплачиваю квартиру и что ездил к Мейзи после Рождества? Мисс Парадайн наняла детектива?

Филида покраснела до корней волос. Она молча склонила голову и услышала смех Элиота.

— Я так и думал! Фил, перестань краснеть и послушай. Придется принять вещи такими, как они есть. Боюсь, тебе не понравится, но ничего не поделаешь. Если мисс Парадайн наняла детектива, чтобы разузнать про Мейзи, значит, он раздобыл адрес у миссис Крэнстон — та внимательно слушала, пока полицейский с нами разбирался. Но раз он узнал про арендную плату, то он не мог не увидеть, что Мейзи калека. Если мисс Парадайн его наняла, он должен был отчитаться. Иными словами, Фил, она сознательно лгала тебе. Мисс Парадайн хотела нас разлучить, а потому ухватилась за первую возможность и положила на удачу. Все сошло как нельзя лучше. Ты перепугалась, а я сыграл ей на руку, уйдя из дома. Она перехватывала мои письма и прятала их, а в довершение послала мне телеграмму, сообщив, что ты больше не желаешь меня видеть, ну или примерно так. Такое нетрудно устроить, если человек намерен добиться своего и плюет на остальных. Мисс Парадайн не считалась и не считается со средствами. Она украла мои чертежи. Спроси у мисс Сильвер. Мисс Сильвер права — права, черт возьми! Мисс Парадайн всегда получает то, что хочет. Сейчас она хочет удержать тебя. И сделает что угодно, чтобы ты осталась, а я исчез.

Краска стыда пропала. Филица была бледна как смерть. Она произнесла:

— Элиот...

— Послушай, Фил, она хоть раз упоминала о разводе?

Филица покачала головой. Он продолжил:

— Разве ты не понимаешь, что это лишь подтверждает мои слова? Она прекрасно сознает, что никаких улик нет. И потом, зачем тете Грейс твоя свобода? Чего доброго, ты выйдешь за кого-нибудь еще, а она хочет, чтобы ты полностью принадлежала ей!

— Элиот, пожалуйста...

— Разве не так? Сама знаешь, что я прав.

Она вновь взглянула на мужа.

— Да...

Он обнял ее и заставил встать.

— Ну и что теперь? Мы не можем владеть тобой оба. Это мисс Парадайн понимает. Она взяла и все испортила, но вернуть прошлое невозможно. Ты либо моя жена, либо ее дочь. Ни ты, ни я не виноваты, что ты не в силах быть тем и другим. Она сделала все это своими руками.

— Элиот...

Он коротко и сердито рассмеялся:

— Мы так ни до чего не договоримся. — Он выпустил Филицу и отступил на шаг. — Я мог бы сделать так, чтобы ты выбрала меня. Мы оба это знаем. Но я ничего не стану предпринимать, я к тебе даже не прикоснусь. Придется выбирать самой. Если ты попросишь времени, чтобы подумать — я дам его сколько угодно.

— Мне не нужно время... — шепотом ответила она.

— Тогда решай.

Воцарилось молчание, которое длилось довольно долго. Наконец Филица сказала:

— Ты очень рассержен...

— Да, рассержен.

Снова пауза.

— А Мейзи хорошенькая?

— Нет! — нетерпеливо выкрикнул Элиот.

— Ты как будто ненавидишь меня, — заметила Филица. — Это так?

— Может быть... — Его лицо дернулось. Он потянулся к жене и заключил в объятия. — Черт возьми, перестань быть такой глупой, Фил!

Глава 37

Мисс Сильвер быстро вошла в столовую, где Лейн накрывал стол к ленчу. Слегка кашлянув, она привлекла внимание дворецкого. Он выпрямился и повернулся к ней.

— Вам что-нибудь нужно, мэм?

— Спасибо, Лейн. Я была бы очень рада, если бы вы согласились ответить на несколько вопросов. Думаю, вам известно, что мистер Марк Парадайн попросил меня расследовать обстоятельства смерти его дяди.

— Да, мэм.

— Я хотела бы знать, в котором часу вы отнесли в среду вечером поднос с напитками в кабинет.

Лейн как будто встревожился.

— Трудно сказать, мэм... не помню точно. Позже, чем без четверти десять, но и десяти еще не пробило.

— Это было ваше обычное время?

— Нет, мэм. Обычно я прихожу в десять, но если мистер Парадайн пожелает выпить раньше, он звонит. В среду вечером он позвонил без четверти десять. Я только что вернулся, проводив мистера Амброза и его семью, когда миссис Лейн сказала, что звонили из кабинета.

— Спасибо. Мистер Парадайн находился один, когда вы принесли поднос?

— Нет, мэм.

Она выжидательно взглянула на Лейна:

— Правда? А кто же был с ним?

— Мистер Пирсон, мэм. Но я не хочу, чтобы у вас сложилось неверное впечатление. Он заходил, когда я появился из коридора с подносом.

— Он видел вас?

— Вряд ли. Он как раз шагнул за порог.

— Мистер Пирсон закрыл за собой дверь?

— Не успел, мэм. Должно быть, услышал мои шаги, когда собирался закрыть дверь.

— Вы слышали, как он заговорил с мистером Парадайном или как мистер Парадайн заговорил с ним?

Выражение тревоги на лице Лейна еще больше усилилось.

— Мне не хотелось бы...

— Вы ведь служили мистеру Парадайнму много лет?

— Да, мэм.

— Его убили.

Лейн держал стеклянный графин. Руки у него дрожали. Он поставил графин на стол.

Мисс Сильвер продолжила:

— Под подозрением невиновные. Преступник только один. Я надеюсь разобраться. Каждый в доме знает нечто, способное помочь. Если все расскажут мне то, что им известно, невиновные будут очищены от подозрений. Кто заговорил первым — мистер Пирсон или мистер Парадайн?

Лейн отвернулся, чтобы поставить графин, и замер, глядя в пол. Наконец он тихо произнес:

— Мистер Парадайн.

— Вы слышали, что он сказал?

— Да, мэм.

— Пожалуйста, скажите, что вы слышали.

— Мэм...

— Да, Лейн? Будет гораздо лучше, если вы скажете.

— Мистер Парадайн сказал, мэм... он сказал: «Здравствуйте, Альберт. Вы пришли признаться?» Но, честно говоря, я решил, что мистер Парадайн шутит. Я прослужил в доме достаточно долго и не стал бы ручаться, что он говорил серьезно. Мистер Парадайн всегда так разговаривал — как будто сильно сердился и в то же время иронизировал. Я рассказал все, что слышал, но не хотел бы думать, что у вас сложилось превратное впечатление.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Не беспокойтесь. Как долго вы оставались в кабинете?

— Не дольше, чем нужно, чтобы поставить поднос и удалиться.

— Где был мистер Пирсон, пока вы занимались своим делом?

— Стоял у двери, мэм. С вашего позволения, он казался довольно расстроенным — видимо, не привык настолько к мистеру Парадайну, чтобы ценить его шутки. Помню, я сам крайне удивился, когда впервые попал в Ривер-Хаус. Мистер Парадайн мог показаться весьма эксцентричным, если вы не привыкли к подобной манере изъясняться.

Мисс Сильвер улыбнулась:

— Вполне понимаю. Возможно, вы успокоитесь, узнав, что мистер Парадайн обратился с той же фразой к миссис Рэй.

Лейн, казалось, испытал заметное облегчение.

— Тогда, конечно, не остается никаких сомнений, что он пошутил,

мэм. Мистер Парадайн очень любил миссис Рэй.

Мисс Сильвер кивнула:

— Это все, Лейн? Вы вышли из кабинета, оставив мистера Пирсона наедине с мистером Парадайном?

— Можно и так сказать, мэм. Точнее, мистер Пирсон выходил из комнаты передо мной, но едва мы шагнули за порог, как мистер Парадайн его вернул. Я невольно услышал то, что было сказано. Мистер Парадайн сказал: «Не отсылайте письмо Льюису, я, наверное, внесу в него изменения. Я вас позову, когда будет нужно». Потом мистер Пирсон пожелал хозяину спокойной ночи, ушел и закрыл дверь.

Глава 38

Выйдя из столовой, мисс Сильвер заметила на лестнице Марка Парадайна. Он спускался, шагая через две ступеньки за раз, и выглядел как человек, влекомый по дороге, которую избрал отнюдь не по собственному желанию. Пока мисс Сильвер не окликнула Марка по имени и очень отчетливо, он вряд ли заметил ее присутствие. Глубоко погружившись в собственные невеселые мысли, он вполне мог пройти мимо, не заметив, что мисс Сильвер стоит рядом. Но, услышав призыв: «Мистер Парадайн!», он остановился, повернулся, рассеянно посмотрел в ее сторону и наконец подошел.

— А, мисс Сильвер. Я вам нужен?

— Всего на минутку, будьте так любезны.

После короткой нерешительной паузы, во время которой Марк с болью вспомнил, что в кабинете полицейские, он открыл первую дверь с левой стороны коридора и ввел мисс Сильвер в бильярдную — огромную комнату с наполовину опущенными шторами и жаркой, удушливой атмосферой натопленного помещения, куда не проникает свежий воздух. Мисс Сильвер решила, что комната очень красивая, но лучше бы открыть окно. Однако не было времени уклоняться от темы, и она готова была задать вопрос, когда Марк спросил сурово и спокойно:

— Что, меня скоро арестуют?

— А не торопитесь ли вы с выводами?

— Вряд ли. А что еще полиции остается? Единственный вопрос, кажется, в том, придут за мной до ленча или после. Дядин поверенный, мистер Гаррисон, в половине третьего прибудет, чтобы открыть сейф. Полагаю, полиция дождетя его приезда, хотя, честно говоря, ума не приложу зачем. Насколько я знаю, в сейфе лежат только кое-какие личные документы и тетины драгоценности.

Мисс Сильвер заинтересовалась:

— Те, что изображены на портрете?

Оба стояли. Марк прислонился к краю бильярдного стола, глубоко сунув руки в карманы. Он кивнул:

— Да. Никто их не носил, с тех пор как она умерла. Нужно было отправить бриллианты в банк, но дядя предпочитал, чтоб они хранились дома. Он часто доставал камушки и рассматривал. Однажды вечером я застал его за этим занятием, и он мне все рассказал — сколько заплатил за

них, как они поднимались в цене и как смотрелись на тете Кларе.

Мисс Сильвер ухватилась за слово «цена» и повторила с предупредительным покашливанием:

— Должно быть, они имеют внушительную цену, мистер Парадайн?

— Да... — с усталым безразличием ответил тот.

Мисс Сильвер вновь кашлянула.

— Кому они перейдут?

— Кузену Ричарду и мне.

Мисс Сильвер крайне заинтересовалась.

— Бриллианты придется оценить для официального утверждения завещания. Вы не станете возражать, если это сделают чуть раньше?

— Я? С какой стати? Честно говоря, меня они совершенно не интересуют.

Мисс Сильвер задала еще один вопрос:

— Значит, вы не против, если оценщик будет присутствовать, когда откроют сейф?

Она увидела, как у молодого человека изменилось лицо. Он едва ли не впервые внимательно взглянул на нее.

— Зачем? — В его голосе прозвучал испуг.

Она серьезно ответила:

— Мистера Парадайна убили. И я еще не установила точно мотив преступления.

— Кажется, вы сказали, что похищены чертежи Элиота.

— Да, бумаги взяли, а потом вернули. Это могло случиться лишь в промежутке между девятью часами и четвертью десятого. Единственный человек, имевший возможность положить чертежи на место, — мисс Парадайн. Я пришла к выводу, что именно она их и взяла. Но я не возьмусь утверждать, что позже она вернулась и убила брата, сбросив его с террасы.

Марк вытащил руки из карманов и выпрямился.

— О чем вы говорите? Какой тут возможный мотив?

— Мисс Парадайн хотела добиться полного разрыва миссис и мистера Рэй. Она ожидала, что за пропажей чертежей последует ссора. Не исключено, что ее надежды могли оправдаться. Больше всего на свете она мечтает предотвратить примирение между супругами.

Марк взглянул на собеседницу в ужасе — не от изумления, но от невольного признания ее правоты. Он вытащил платок, вытер вспотевший лоб и спросил:

— Она... убила дядю Джеймса?

— Я уже сказала вам, что не знаю. У мисс Парадайн наличествовал

серьезный мотив. Брат знал, что она сделала, и ему ничего не стоило лишить ее доверия семьи. Вы прекрасно понимаете, что это значило для Грейс Парадайн.

— Господи, не говорите так. Какой ужас! Она ни за что бы не решилась...

Мисс Сильвер с сочувствием взглянула на Марка:

— Тогда давайте поищем мотив у кого-нибудь другого. Что сказал мистер Парадайн, когда вы вошли в кабинет в среду вечером?

Марк как будто удивился и испугался, но тут же овладел собой.

— Что вы имеете в виду?

— Я просто хочу знать, что он сказал, когда увидел вас.

Марк нахмурился, его щека дернулась, но во взгляде мелькнуло понимание. Он спросил:

— Как вы догадались?

Мисс Сильвер улыбнулась:

— Он сказал одно и то же трем посетителям, которые зашли к нему тем вечером. Мне захотелось узнать, сказал ли он то же самое и вам. Так что же вы слышали от мистера Джеймса Парадайна?

Марк отступил на шаг, ухватился за край стола возле лузы и крепко стиснул пальцы.

— Он спросил, не пришел ли я признаться.

Мисс Сильвер просияла:

— Так я и думала. Он обратился с теми же словами к мистеру Пирсону, а затем поочередно к мистеру и миссис Рэй.

— Но зачем?

Мисс Сильвер пояснила:

— По словам мистера Рэя, мистер Джеймс Парадайн наслаждался ситуацией, которую создал. Для человека с таким, как у него, ироническим складом ума было подлинным развлечением наблюдать за реакцией на подобный вопрос. Он только что напугал всех родственников, сказав, что кто-то предал семейные интересы. Мистер Парадайн имел в виду кражу чертежей, но это понял лишь один из присутствовавших. Полагаю, что мисс Парадайн. Остальные не знали, что он имел в виду, и могли лишь догадываться. К сожалению, большинству людей действительно есть что скрывать. Тайны сердца и ума. Дилеммы, ошибки, промахи, грехи, которые мы неохотно выставляем на всеобщее обозрение. Обвинение мистера Парадайна заставило не только виновного задуматься о своем поведении и совести. Интересно, сколько признаний было сделано вечером в среду? Ваше тоже вошло в их число, не так ли? И, полагаю, его выслушали

благожелательно. Но предположите, господин Марк, что среди признаний, которые принял ваш дядя, одно оказалось такого рода, что непременно предполагало некоторый ущерб? Вот и второй мотив для убийства. Именно это я имела в виду, когда сказала, что нужно выяснить, нет ли другого человека с подходящим мотивом — то есть кроме мисс Парадайн. Мы знаем, что ею двигало. Если не она убила брата, значит, в доме должен быть кто-то, имеющий столь же серьезную причину совершить преступление. Чтобы найти убийцу, надо определить его мотив. Тот факт, что в доме хранились очень ценные бриллианты, — нешуточный повод. Поскольку надлежит рассмотреть все варианты, я считаю, что украшения должен изучить опытный специалист. Вы, случайно, не знаете, нет ли подробной описи драгоценностей и где она может лежать?

Марк с прежним равнодушием ответил:

— Список в сейфе. Сомневаюсь, что оттуда хоть что-нибудь пропало. Мой дядя часто доставал бриллианты, чтобы посмотреть, — он любил их перебирать. Мы пригласим оценщика, если угодно, но он не найдет никаких изъянов. Поищите другой мотив. Полиция не станет больше утруждаться. Держу пари, меня арестуют, как только Гаррисон скажет, сколько я унаследовал по завещанию. Я получаю примерно три четверти семейного состояния — дядя Джеймс считал, что нужно поддерживать династию. Такие мотивы нравятся полицейским — убийство ради крупной суммы денег. Как только они спросят Гаррисона об условиях завещания, моя песенка будет спета. Возможно, прежде чем надеть наручники, мне позволят открыть сейф, но не более того. Сейчас половина первого, Гаррисон придет в половине третьего. То есть у меня примерно два часа. Не подскажите, чем лучше заняться?

Мисс Сильвер предпочла отнестись к словам Марка как к формальности, хотя формальности обычно произносятся менее горьким тоном. Она улыбнулась:

— Думаю, вам не повредит пока побеседовать с мисс Пеннингтон.

Глава 39

Следующие полчаса у мисс Сильвер выдались весьма занятыми. Проведя десять минут в кабинете с полковником Бостоком и инспектором Вайнером, она вернулась в спальню и никого там не обнаружила. Полли Парсонс, явившись на звонок, была встречена несколькими вопросами, искренне разрыдалась и сделала ряд интересных признаний. Ей велели вытереть глаза, не болтать лишнего и позвать Луизу. Девушка удалилась, продолжая всхлипывать и явно радуясь возможности сбежать.

Марк, оставшись один в бильярдной, несколько секунд стоял, мрачно глядя в никуда. Если ему грозил арест, в следующие полчаса нужно было увидаться с Лидией. Потом помешают ленч и прочие домашние заботы, а затем вернутся полицейские — если они вообще намеревались уезжать. Приедет Гаррисон, и в любую минуту все завертится с немыслимой скоростью.

Лидия жила в Мидоукрофте. В обычное время Марк добирался туда за семь минут по тропке у реки и через мост. Впрочем, он мог бы дойти и за пять. Марк вышел и бегом спустился с крутого склона.

Мидоукрофт лежал среди полей по ту сторону реки — благоустроенный фермерский дом, красивый и уютный. Марк всегда считал, что Фрэнк и Ирен только портят его, набивая нелепой современной мебелью.

Впрочем, не это волновало Марка, когда он вошел. Если Лидии не окажется в гостиной, он позвонит и скажет, что хочет поговорить с ней. И пусть остальные думают что хотят. Он должен был увидеть ее еще раз, прежде чем утратит свободу и превратится в обвиняемого.

Марк прошел по коридору, не встретив никого, открыл дверь гостиной и увидел в дальнем углу Дики, который стоял, положив руку на плечо Лидии и наклонив голову для поцелуя. В любое другое время Марка бы это остановило. Но только не сейчас. Он затворил за собой дверь и подошел к камину, перед которым стояли они оба.

— Привет, Марк, — сказал Дики и добавил: — Думаю, мне пора.

Слова кузена и манера, в которой они были сказаны, остались Марком незамеченными. Они не проникли в сознание и вообще как будто не существовали. Лидия рассеянно посмотрела на вошедшего, улыбнулась, что-то невнятно пробормотала и замолчала. Дики удалился.

Как только дверь закрылась, Марк приблизился и облокотился на

каминную полку, глядя в огонь. Он не смотрел на Лидию с той секунды, когда увидел ее лицо, склоненное для поцелуя. Он пришел, чтобы встретиться с ней, но, оказавшись здесь, не мог поднять глаза. Они должны были слишком многое сказать друг другу, но этим словам предстояло остаться несказанными. Она выйдет замуж за Дики и будет счастлива. В семье всегда надеялись, что так и случится.

Голос Лидии прервал «жизнерадостные» мысли Марка:

— В чем дело?

Он ответил, не поворачиваясь:

— Я хотел тебя повидать...

И безнадежно нахмурился — что было толку говорить теперь? Порыв, который привел Марка сюда, лишил его последних сил. Попытка провалилась, и он чувствовал полное изнеможение.

Лидия сказала:

— Дорогой, если ты хотел повидать меня, не надо так упорно смотреть на огонь. Ты ошибся направлением.

Он выпрямился, взглянул на нее и заметил, как она бледна. Запинаясь, Марк произнес:

— Ты странно выглядишь...

— Как?

— Ты очень бледна.

— Дорогой, мой цвет лица — это средство из косметички. Перед похоронами не красятся — по крайней мере насколько я знаю.

— Понятно... — рассеянно кивнул он.

— Марк, зачем ты пришел?

— Меня скоро арестуют. Я хотел увидаться еще разок.

— С какой стати полиции тебя арестовывать?

— Я же сказал, что вернулся в Ривер-Хаус. Я забыл на столе ежедневник, который подарила тетя Грейс. Об этом узнали. Я пробыл у дяди до половины двенадцатого. А сразу после полуночи он погиб. Я наследую большую часть того, что он оставил. Полицейские просто обязаны меня арестовать. А какие у них еще варианты?

— Зачем ты вернулся к дяде?

— Я хотел уйти из фирмы... и уехать из Берлтона. Мы с ним об этом и раньше говорили. И даже поругались. Я решил попробовать еще раз. Я объяснил, отчего хочу уехать. Дядя сказал: «Ладно, если через месяц не передумаешь, я все устрою».

— Ты все рассказал полиции?

— Более или менее.

— Ты объяснил, почему хотел уехать?

— Нет.

— А мне скажешь?

Марк покачал головой:

— Нет. Сейчас уже не важно. Я просто зашел... попрощаться.

Повисла пауза. Лидия посмотрела на него и отвернулась.

Она устремила взгляд на огонь. Он трещал и шипел самым загадочным образом. Лидия не помнила, когда плакала в последний раз, но подумала, что сейчас, наверное, заплачет. Срывающимся от гнева голосом она сказала:

— Перестань нести чушь. Нам незачем прощаться.

— Я все сказал, а теперь лучше пойду. Никого не хочу видеть. Дики сделал тебе предложение?

На щеках Лидии двумя яркими пятнами выступил румянец — уж точно не благодаря косметике. Она взглянула на него.

— С чего ты взял?

— Вы целовались, когда я вошел.

— Милый, я угодила бы в тюрьму, если бы выходила за всех, с кем целовалась. Исключено.

— Зачем он тебя целовал?

Очаровательные глаза Лидии были невинны, как у ребенка. Влажный воздух комнаты, от которого шипели дрова в камине, сделал их еще зеленее.

— Ты правда хочешь знать?

— Да.

Ее голос упал до застенчивого шепота:

— Я пообещала стать его сестрой.

— Что?!

Лидия кивнула:

— Сестрой... Дики пристал буквально с ножом к горлу. Сказал, что сделал мне предложение одиннадцать раз и не прочь дойти до дюжины, но если я снова откажу, он поставит точку. Ему невероятно нравится Дейзи Картер, и он полагает, что они будут счастливы вместе. Но все-таки Дики решил рискнуть еще разок. Я ответила: «Ладно, малыш, я говорю „нет“». Так что поцелуй был прощальным. Никаких разбитых сердец. И вдобавок Дейзи принесет в приданое богатство Картеров.

— То есть ты не собираешься замуж за Дики?

Ресницы взметнулись.

— Ты что-то туговато соображаешь, милый. — Лидия подошла ближе,

поднялась на цыпочки и обратила лицо к Марку. — Ты меня любишь?

— Да.

— Очень?

— Ужасно.

— И давно?

— Всегда.

— Тогда почему ты хотел уехать?

— Я думал, ты выйдешь за Дики. Я бы не пережил.

— А тебе не приходило в голову спросить? Никто ведь не запрещал.

Поучился бы у Дики, как это делается. Честное слово, ничего сложного.

Марк молча смотрел на нее. Лидия протянула руки, обвила его шею и сказала, то ли смеясь, то ли плача:

— Ну же, попробуй, дорогой.

Глава 40

Примерно через десять минут Ирен открыла дверь, испуганно сказала: «О!» — и застыла в нерешительности, не зная, уйти или остаться. Лидия, крепко держась за плечо Марка, который секунду назад обнимал ее за талию, со скромной гордостью произнесла:

— Не пугайся, мы помолвлены. Скажи: «Благословляю вас, дети мои». Я пойду с Марком на ленч в Ривер-Хаус, так что ты сэкономишь на провизии для меня. Поторопись с поздравлениями, ведь мы скорее всего вернемся поздно. Сама понимаешь, в каком восторге будет Грейс.

Ирен уставилась на них, затаив дыхание, и совершила самую большую оплошность в своей жизни.

— Я думала, ты выйдешь за Дики!

— Нет, — решительно отозвалась Лидия. — Так думал Марк, но мы, как видишь, уже договорились. Придумай что-нибудь пооригинальнее за пудингом, дорогая. Я долго-долго не вернусь, так что времени у тебя будет предостаточно.

В Ривер-Хаусе уже подали ленч, но он был далек от завершения, когда пришли Марк и Лидия. Грейс Парадайн чуть заметно приподняла брови, Лейн поставил еще один прибор рядом с местом Марка, и церемония пошла привычным чередом.

Когда разносили овощи, мисс Парадайн негромко спросила:

— Где Луиза?

И услышала столь же тихий ответ:

— Ей нездоровится, мэм.

Рука под тарелкой, с которой мисс Парадайн накладывала себе картофель, слегка дрожала.

Она вновь приподняла брови.

Никто сегодня не хотел долго сидеть за столом, но в отсутствие Луизы ленч проходил медленнее обычного. Филиду и Элиота посадили на противоположные концы стола. Элиот не смотрел ни на кого, ел то, что ставили перед ним, и ограничивался беседой с Марком, который то и дело отвечал невпопад. Филида не сводила глаз с тарелки. На ее лице играл румянец, губы дрожали в робкой улыбке. Грейс Парадайн, перехватив взгляд приемной дочери, застыла и перестала есть.

Марк и Лидия сидели рядом, не глядя друг на друга. Они ощущали невероятную близость. Каждый переживал почти пугающую радость,

которую окружающие могли погасить в любую секунду. Для Марка молчание было не в новинку, но если бы остальных настолько не поглощали собственные мысли, они непременно бы заметили, что Лидия тоже не раскрывала рта. Одна лишь мисс Сильвер, казалось, не испытывала неловкости. Она любезно болтала с Альбертом Пирсоном, который в кои-то веки говорил очень мало.

Все обрадовались, когда ленч закончился. Марк вышел позвонить. Лидия покинула столовую вместе с Филидой. Мисс Сильвер, Альберт и Элиот Рэй направились за ними, когда мисс Парадайн, стоявшая у окна, повернулась и обратилась к Элиоту:

— Не останетесь ли на минутку? Я кое-что должна сказать.

Он закрыл дверь и подождал.

— В чем дело, мисс Парадайн?

— Я хочу знать, когда вы намерены покинуть этот дом.

Казалось, его взгляд не может стать еще суровее, но все-таки это произошло. Элиот сказал:

— Я приехал сюда по приглашению мистера Джеймса Парадайна. По очень настоятельному приглашению. Я остаюсь здесь по просьбе Марка. И вероятно, пробуду до похорон. Разговор окончен?

— Нет. Я требую, чтобы вы уехали. Вас тут не желают видеть.

— Я не ваш гость, мисс Парадайн.

Мисс Парадайн побледнела, страшно побледнела, но тут же краска бросилась ей в лицо.

— Вы совсем не уважаете Филиду?

— А вы?

— Какая наглость!

Элиот рассмеялся:

— Боюсь, и то и другое не получится. Если мы предпочтем быть вежливыми, вы не станете гнать меня из дома Марка. Если мы примемся с наслаждением высказывать все, что думаем, я тоже скажу многое. Вы готовы это выслушать? Или все-таки вновь превратимся в хозяйку и гостя?

Мисс Парадайн, взбешенная и покрасневшая, пошла к двери, но вдруг остановилась и обернулась, опершись о косяк. Румянец погас, она опять побледнела.

— Что вы хотели сказать?

Они стояли очень близко друг к другу, на расстоянии вытянутой руки. Слишком близко, на вкус Элиота. У него перехватило горло от гнева. Он отступил, наткнувшись на стол, и уже оттуда предупредил:

— Вам не понравится.

Элиот подождал несколько секунд, глядя на мисс Парадайн, прежде чем продолжить. Морщинки на лице женщины углубились, мускулы напряглись, глаза горели.

Он заговорил:

— Думаю, вы и сами знаете. Вы хотели, чтобы Филида принадлежала вам. Вы пытались разлучить нас и думали, что добились своего. Вы прекрасно сознавали, что лжете ей. Вы не могли не знать, что я помогаю Мейзи, поскольку она калека. Вы перехватили письма, которые я посылал жене, и отправили мне телеграмму от имени Филиды. Вы думали, что победили. Когда я приехал сюда по делам, вы не оставляли нас одних. При определенном везении вы, возможно, и дальше побеждали бы. У вас возникла гениальная идея, что потеря чертежей привела бы еще и к разрыву моих деловых отношений с вашей семьей. Не знаю, как вы до такого додумались. Должно быть, ваш брат упомянул чертежи, или Дики обмолвился, что мистер Парадайн привез домой важные бумаги. Наверное, Дики. В любом случае вы их украли. Понятия не имею, как мистер Парадайн догадался, кто виноват. Но он узнал. Он послал за мной и велел остаться в доме. А потом произнес речь за ужином, и вы поняли, что вам это с рук не сойдет. Вы вернули чертежи, прежде чем мы вышли из столовой, — успели управиться, когда ходили наверх за подарками для женщин. Вы не столкнулись с мистером Парадайном, он еще был в столовой. Вы говорили с братом позже? Я слышал, как наверху закрылась дверь, когда мы с Альбертом проходили внизу в половине двенадцатого. Вы хотели спуститься и повидать мистера Парадайна, но, услышав наши шаги, притихли и подождали, пока мы не убрались? Вы спустились в кабинет потом?

Мисс Парадайн стояла и слушала. Когда Элиот закончил, она спросила:

— Это все?

— А разве недостаточно?

Она неловко повернулась и вышла.

Глава 41

Полли открыла дверь комнаты и увидела мисс Парадайн за письменным столом. Не оборачиваясь, та спросила:

— Это вы, Луиза?

— Нет, мэм, это я.

— А где Луиза?

— Ей нездоровится, мэм.

Мисс Парадайн сидела с ручкой в руке, но не писала. Перо было сухим, лежавший на столе лист бумаги — пустым. Она рассеянно произнесла:

— Да... я забыла. Ступайте вниз и позовите ко мне миссис Рэй. Если она в гостиной, подойдите к двери и спросите, можно ли сказать ей несколько слов. Когда она выйдет, передайте мою просьбу. Все запомнили?

— Да, мэм.

— Прекрасно.

Мисс Парадайн сидела, не поворачивая головы и не глядя на Полли. Никогда еще ее сознание не было столь ясным, а воля, подкрепляемая ледяным гневом, до такой степени непреклонной. Никто в жизни не разговаривал с мисс Парадайн так, как Элиот. И никогда она не ощущала такой решимости и внутренней силы.

Когда дверь открылась и вошла Филида, мисс Парадайн обернулась к приемной дочери с радушной улыбкой:

— Дорогая, я тебя не отвлекла?

— Нет, тетя Грейс, — тихо и взволнованно ответила Филида. Она казалась испуганной.

Грейс Парадайн быстро спросила:

— Что случилось, Фил? Он тебя огорчил?

— Нет.

— А по-моему, да. Вот о чем я хотела с тобой поговорить, милая. Так продолжаться не может. Ты изнервничалась, да и все мы. Честное слово, нам и без того хватает забот. — Она достала из-за манжеты платочек и прикоснулась к глазам. Рука слегка дрожала.

Филида начала:

— Пожалуйста, тетя Грейс...

Рука опустилась и легла поверх другой, продолжая сжимать платочек.

— Прости, дорогая... я пережила сильное потрясение. И не думала,

что даже Элиот Рэй способен выбрать такую минуту, чтобы усилить мою боль.

Филида молчала. А что она могла сказать? Она стояла, глядя на тетю Грейс, как смотрят на что-нибудь во сне — на нечто ненастоящее.

Грейс Парадайн встала и подошла к ней.

— Я бы перенесла оскорбительное поведение Рэя, если бы оно затрагивало только меня, но я не вправе позволить тебе терпеть нападки — и не позволю. Я попросила его уехать — исключительно ради твоего блага, милая, но он сказал, что является гостем Марка, а не моим. Я, несомненно, побеседую с Марком, однако сначала решила поговорить с тобой. Не думай, будто я что-то делаю за твоей спиной.

Филида задрожала. Если видишь сон, можно проснуться. Если это явь, приходится терпеть.

— Пожалуйста, тетя Грейс... не надо так.

— Что ты имеешь в виду, Фил?

Филида отвела взгляд:

— Вы не правы. Я так думаю. Зачем вы это сделали?

Если бы она смотрела на Грейс Парадайн, то заметила бы, как у той вспыхнули глаза, а щеки слегка порозовели. Мисс Парадайн вознамерилась драться и победить. Она ощутила жар, который всегда охватывает бойцов перед схваткой, но заговорила очень ласково:

— Фил, детка, что ты имеешь в виду? Может, расскажешь? Он что-то тебе сообщил? Если да, то, думаю, лучше поделиться со мной.

Филида взглянула на нее и вновь отвернулась. Она не в силах была принять то, что читала на лице Грейс Парадайн. Эта женщина символизировала собой любовь и безопасность, с тех пор как Филида себя помнила. А теперь Филида не могла встретиться с приемной матерью взглядом — и взмолилась почти шепотом:

— Пожалуйста, тетя Грейс... — И вдруг она набралась смелости. Так бывает, если приходится столкнуться с опасностью лицом к лицу. — Да, я скажу, я должна. Мы с Элиотом поговорили. Я знаю, что он дважды писал мне. Знаю, что было в тех письмах. Я их не получила и знаю почему. Я знаю про Мейзи...

— Ты знаешь то, что сказал тебе он.

— Да.

— Девочка моя, ты думаешь, что Элиот сказал правду? Ты думаешь, хоть один мужчина искренен в таких вещах? Ему просто надоела эта девушка — я готова поверить, что она больна, — и он решил с тобой помириться. Почему бы и нет? Ты молода, красива — и по завещанию

Джеймса получишь изрядную сумму. Разумеется, он хочет, чтобы ты вернулась.

— Вы говорите, что Мейзи больна, — твердо произнесла Филида. — Разве вы не знаете, что она парализована уже не первый месяц?

— Это тоже он сказал? И ты поверила? Милая, неужели ты хочешь, чтобы Элиот снова разбил тебе сердце? Сейчас он не прочь тебя вернуть, но сколько продлится его любовь, если ты заболеешь, как бедняжка Мейзи? Он бросил ее — и не постыдился прийти и признаться в этом. Как можно ему доверять? Наверное, она тоже думала, что будет счастлива. Что ты получишь в результате?

Филида подняла глаза, полные неизъяснимой грусти.

— Не надо... Все было совсем не так — и, наверное, вы это знали. Мы любим друг друга. Больше не пытайтесь нас разлучить.

Воцарилась тишина. Потом Грейс Парадайн сказала низким трагическим голосом:

— Вот как?

Вновь молчание.

Грейс Парадайн отвернулась. Через несколько мгновений она проговорила:

— Я хочу, чтобы ты поняла. Ты готова выслушать, Фил?

Она произнесла это мягко, даже нежно.

От жалости к ней у Филиды перехватило горло.

— Конечно.

Грейс Парадайн не смотрела на нее. Стоя вполборота, она разглядывала бумаги на столе.

— Трудно добиться понимания. Вот в чем трагедия немолодых людей — они сами страдали... иногда ужасно страдали. Зачастую по собственной вине. Они слишком многого ожидали, слишком многому верили, ошибались, потому что были невежественны и думали, будто знают все на свете. И теперь они мечтают только о том, чтобы уберечь детей, которых любят, от тех же самых ошибок и страданий. Каково, по-твоему, нам, когда дети не желают слушать и верить? Когда приходится стоять в сторонке и смотреть, как твой ребенок идет к пропасти?

— Нельзя прожить жизнь за другого, тетя Грейс, как бы вы меня ни любили... позвольте мне жить своей жизнью.

Грейс Парадайн обернулась. Пугающе бледная, она все-таки улыбнулась:

— Это твой голос, но не твои слова, Фил. Поди сюда, девочка.

Когда Филида подошла, она положила руку ей на плечо.

— Посмотри, Фил, вот первая фотография, которую я сделала, когда ты появилась здесь в полтора года. Я не прибегала ни к чьей помощи. Ты была самой прелестной малышкой на свете. Потом я взяла няню, но почти всегда купала и одевала тебя сама. Вот миниатюра, которую я заказала, когда тебе исполнилось пять лет. Ты мало изменилась с тех пор. Вот твоя первая школьная фотография, в этой ужасной спортивной блузе, но ты так ею гордилась. Вот ты на выпускном балу. Красивое платье, правда? И еще десятки фотографий. Я храню все. Они лежат здесь, в этой комнате. В доме надо мной смеются, Дики называет их «галереей Филадельфии». Пускай себе смеются. То, что связано с тобой, слишком дорого, чтобы я могла с этим расстаться. Я старалась сберечь все. Ты и есть моя жизнь.

Филадельфия шевельнулась, словно хотела заговорить, но слова так и не сорвались с ее губ. Грейс Парадайн дрогнувшим голосом продолжила:

— И другой жизни у меня нет. Ты понимаешь? Я рассказываю, дорогая, поскольку хочу, чтобы ты поняла... Ты всегда была любимой и желанной, а я — нет.

— Тетя Грейс!

Негромко и твердо Грейс Парадайн сказала:

— Место, которое принадлежит мне теперь, я создала своими руками. — Она заглянула в глаза Филадельфии. — Тебе никто не говорил, что я — приемный ребенок?

Филадельфия откровенно испугалась.

— Не может быть!

— Наверное, большинство просто забыли, ведь прошло столько лет. Мать Джеймса потеряла новорожденную девочку, и они удочерили меня. Не сомневаюсь, она меня очень любила, но умерла, когда мне не исполнилось и пяти. От остальных я видела много добра, но никому не была дочерью. И тогда я постаралась обрести свой дом. Когда я обручилась, то решила, что мечта сбылась. Наверное, ты знаешь, что мы с Робертом Моффетом собирались пожениться?

— Да.

— За месяц до свадьбы я услышала от кого-то, что у него девушка в Берстедде. Он и не отрицал — только сказал, что между ними все кончено. Джеймс и его отец хотели, чтобы я вышла за Моффета, они не понимали, отчего я придаю той связи такое большое значение. Фил, милая моя, я рассказываю не для того, чтобы расстроить тебя, просто хочу объяснить, что я почувствовала, когда узнала про Элиота Рэя.

Филадельфия тихо ответила:

— Да, я понимаю. Но ничего похожего...

— Правда? А мне так не кажется. Моя жизнь была разбита, и никто не спешил ее облегчить, как я облегчала твою жизнь, никто не стремился окружить меня любовью и лаской. Прошли десять ужасных пустых лет. А потом появилась ты. Все началось сначала. Как будто я родилась заново. Нельзя расстаться с частичкой жизни, не приблизившись немного к смерти. Вот почему я хранила твою одежду и фотографии. Я не могла ни с чем расстаться, не утратив частичку себя. И вдруг появился Элиот...

Лишь когда Грейс Парадайн произнесла имя Элиота, Филида почувствовала, что больше не выдержит. Она была кротка, но не глупа. Страдания и боль тети Грейс обратились в оружие против Элиота. Неразделенные чувства порой становятся невыносимыми. Филида просто не могла дольше оставаться рядом с Грейс Парадайн, чувствовать давление ее руки. Но отстраниться немедленно — нет, так она не могла.

Грейс Парадайн замолчала, как будто споткнувшись об имя Элиота. Но тут же продолжила:

— Он пришел... его пригласил Джеймс. Не будь я в отъезде, он никогда не ранил бы твое сердце, уж я об этом позаботилась бы. Но когда я вернулась, было уже поздно, вы обручились. Джеймс всегда поддерживал Элиота — этого я так и не простила брату. Элиот мне не нравился, я ему не доверяла, но ничего не могла предьявить. Я потребовала продлить срок помолвки. Джеймс снова принял его сторону. А потом, когда вы поженились, я получила письмо Агнесс Крэнстон. Я не в состоянии выразить, как было ужасно узнать правду — слишком поздно.

Рука на плече Филиды похолодела. Она чувствовала ее, тяжелую и холодную, сквозь платье. Невзирая на жалость к Грейс, она поняла, что больше не вытерпит. Филида отступила, и рука упала. Лицо Грейс Парадайн медленно окрасилось тусклым румянцем.

Филида заговорила, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Пожалуйста, тетя Грейс... я пришла, чтобы кое-что сказать. Позвольте мне закончить. Нет смысла перебирать произошедшие события. Мы нехорошо начали, но собираемся попробовать еще раз. То есть мы с Элиотом собираемся. Не хотите ли и вы? Почему бы не начать сначала? Нет ничего плохого в том, чтобы выйти замуж и обзавестись собственным домом. Моя родная мать была бы счастлива...

Она не могла сказать ничего более страшного. Давняя ревность вырвалась из-под спуда и вспыхнула. Филида увидела лицо, какого никогда не видела раньше, — самообладание сменилось яростью, губы беззвучно произносили слова, долетавшие до нее тихим страшным шепотом. Филида едва сознавала, где находится. Она перепугалась и дрожала.

Когда Грейс Парадайн крикнула: «Уйди!», Филида выбежала из комнаты, думая лишь о том, чтобы наконец скрыться от бури, которую вызвала сама.

Глава 42

Внизу, в кабинете, Фрэнк Амброз устало произнес:

— Да, да, я вернулся сюда. И охотно расскажу — наверное, так или иначе об этом стало бы известно.

Он сел туда, где раньше сидел Марк Парадайн, — в кресло, придвинутое к торцу письменного стола. Мисс Сильвер смотрела на Фрэнка Амброза, продолжая спокойно вязать. Инспектор Вайнер, склонившись над промокательной бумагой, делал пометки. На противоположном конце стола, хмурясь, сидел полковник Босток. Хотелось бы ему никогда не видеть всю эту публику. Чертовски неловкая ситуация, чертовски неприятное дело.

Мисс Сильвер тихо сказала:

— Думаю, да, мистер Амброз.

Фрэнк Амброз расправил плечи. Он выглядел как человек, которого уже мало что интересует в жизни. Лишь усилием ему удавалось держаться прямо. Большое бесстрастное лицо одрябло от усталости, светлая кожа казалась серой. Он кивнул:

— Ей-богу, все очень просто, но из-за смерти отчима самые простые и естественные события, которые происходят в семье, кажутся подозрительными. Я могу рассказать, что случилось, но не могу сделать так, чтобы вы поверили. Мои слова ничем не подтверждаются. Это лишь слова, без всяких доказательств. Я вернулся, поскольку очень разволновался и встревожился из-за того, что отчим сказал за ужином. Чем больше я раздумывал о его обвинении, тем сильнее убеждался, что нельзя оставить все как есть. Я решил вернуться и поговорить со стариком. Спросите кого-нибудь, кто знал нас обоих, и вам скажут, что мы были очень близки. Отчасти он обращался со мной как с сыном, отчасти как с другом. Он не отказался бы побеседовать. Поэтому я вернулся. У отчима был властный, язвительный характер. Я не хотел, чтобы какой-либо его поступок стал причиной долговременного раскола в семье.

— Как мистер Парадайн воспринял ваш приход? — спросил полковник Босток.

Фрэнк Амброз помолчал, прежде чем ответить:

— Мы поговорили. Я провел в кабинете минут двадцать, потом ушел.

Вайнер поднял глаза и спросил:

— Он сказал, что пропали чертежи мистера Рэя?

Выдержав паузу, Фрэнк Амброз ответил:

— Да.

— Он сказал вам, кто их взял?

— Боюсь, я не могу ответить.

— Конечно, вы имеете право не отвечать на вопросы сейчас, но их зададут в другом месте, когда вы принесете присягу.

— Понимаю. Но в настоящий момент вряд ли могу сообщить больше.

Когда за Амброзом закрылась дверь, мисс Сильвер бросила:

— Ну надо же!

Полковник Босток громко высморкался.

— Он что-то знает. Как по-вашему?

Вайнер отвлекся от записей.

— Сомневаться не приходится.

— Он выглядит так, будто неделю не спал. Кстати... — Босток повернулся к мисс Сильвер, — миссис Амброз... как ее, Ирен... действительно ни при чем. И слава Богу. Молодая женщина и убийство — неприятное сочетание. Да уж. Вайнер объяснит.

Инспектор взглянул добродушными синими глазами на мисс Сильвер.

— Я кое о чем порасспрашивал в доме у доктора Гортон. В комнате на чердаке, в передней части дома, живут две служанки. Одна из них говорит, что выглянула из окна в двенадцатом часу и заметила миссис Амброз, которая расхаживала туда-сюда, как она и сказала. Вы помните, что до полуночи, пока не пошел дождь, ярко светила луна. Служанка абсолютно уверена, что видела миссис Амброз. Они с подругой даже посмеялись. Миссис Амброз вечно названивала доктору Гортону насчет детей, и именно эта служанка обычно брала трубку. Смеха ради они несколько раз выглянули в окно, желая проверить, не ушла ли миссис Амброз. Они допоздна не ложились, потому что вторая девушка на следующий день собиралась на свадьбу к сестре и дошивала платье. Они утверждают, что Ирен находилась на улице до без десяти двенадцать. По-моему, мы имеем право поставить точку.

Мисс Сильвер кивнула:

— О да.

Она внимательно посмотрела на мужчин поверх вязальных спиц.

— Итак, если не ошибаюсь, большая часть времени между девятью сорока пятью и полуночью у нас учтена. Было бы весьма полезно составить список. Если инспектор будет так любезен, чтобы этим заняться...

9.45 — отъезд мистера и миссис Амброз, мисс

Амброз и мисс Пеннингтон.

9.50 или около того — уход мистера Марка Парадайна и мистера Ричарда Парадайна.

9.52 или 53 — мистер Пирсон идет в кабинет, чтобы пожелать мистеру Джеймсу Парадайнэ спокойной ночи. Вслед за ним является Лейн, который видит, как Пирсон приходит и уходит.

Через несколько минут в кабинет заходит мистер Рэй, чтобы пожелать спокойной ночи. Проводит там две-три минуты. Выходя, видит, что мистер Пирсон ждет в коридоре. Они отправляются в комнату мистера Рэя.

10.10 — миссис Рэй идет в кабинет, чтобы поговорить с дядей.

10.30 — мистер Амброз стучит в дверь кабинета, его впускают. Миссис Рэй выходит через соседнюю комнату.

10.50 — мистер Амброз покидает кабинет.

Между 10.50 и 11 часами в кабинете появляется мистер Марк Парадайн.

Незадолго до 11.30 мистер Марк Парадайн уходит. Мистер Рэй и мистер Пирсон спускаются в столовую. Мистер Рэй слышит, как закрывается входная дверь, а также — какая-то дверь наверху, в коридоре, куда выходят комнаты мисс Парадайн и миссис Рэй.

11.53 — мистер Рэй и мистер Пирсон возвращаются наверх и тут же расстаются. Мистер Рэй идет в ванную.

Инспектор Вайнер перестал писать и посмотрел на собравшихся с крайне испуганным выражением лица.

— Вы говорите — одиннадцать пятьдесят три, мисс Сильвер?

Полотно серых рейтуз для маленького Роджера вращалось на неустаннодвигающихся спицах.

— Да, именно это я сказала, инспектор.

Вайнер не сводил взгляда с ее лица.

— Мистер Рэй и мистер Пирсон оба заявили, что на часах в комнате мистера Рэя было восемь минут первого, когда они вернулись из столовой.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Стрелки перевели.

— Господи помилуй! — воскликнул полковник Босток.

Мисс Сильвер, продолжая вязать, пояснила:

— Алиби мистера Пирсона, разумеется, привлекло мое внимание. Если можно так выразиться, оно было слишком безупречным. С другой стороны, мистер Пирсон и не скрывал, что тщательно подготовил алиби. Обратившись к его показаниям, вы увидите, что он откровенно говорит: «После того как мистер Парадайн выдвинул обвинение против одного из членов семьи, которого он не назвал, я позаботился о том, чтобы родственники не заподозрили меня. Поэтому я дождался мистера Рэя и попросил позволения составить ему компанию до начала первого, поскольку мистер Парадайн указал, что будет сидеть в кабинете до полуночи. Было десять минут первого, когда мы с мистером Рэем расстались у двери комнаты».

Вайнер листал страницы. Он кивнул:

— Дословно, мисс Сильвер.

Она склонила голову.

— Вы видите, мистер Пирсон вполне искренен и говорит достаточно разумно. Остальные члены семьи его недолюбливают, родство дальнее, о каких-то близких отношениях, в общем, речи не идет. Он называет по имени лишь младших членов семьи — мисс Парадайн, мистера Амброза и мисс Амброс. Все только обрадовались бы, если бы мистер Пирсон оказался виноватым. Его желание обеспечить себе алиби вполне могло быть естественным и совершенно невинным. Но могло и не быть. Если у мистера Пирсона имелся повод убить своего шефа, невинное на вид алиби — очень полезная вещь. До сих пор мы не обнаружили никакого мотива, но, если посмотреть внимательнее, особый интерес представляют следующие пункты. — Мисс Сильвер отмотала еще серой шерсти, перевернула вязанье и продолжила: — Пункт первый. Согласно показаниям мистера Пирсона, он утверждает, что Лейн находился в кабинете, когда он пришел, чтобы пожелать мистеру Парадайну спокойной ночи. Показания Лейна вроде бы подтверждают это, но не вполне. Мистера Рэя, миссис Рэй, мистера Амброза и Марка мистер Джеймс Парадайн встретил одной и той же, отчасти язвительной, отчасти шуточной фразой: «Вы пришли признаться?» Я очень хотела знать, услышал ли то же самое и мистер Пирсон. Если да и если у него действительно была совесть нечиста, этот вопрос мог убедить Пирсона, что его вина установлена, и, возможно, именно тогда он задумался об убийстве. Разумеется, это зависит от того, совершил ли он какой-либо серьезный проступок, который следовало скрывать. Расспросив Лейна, я обнаружила, что на самом деле дворецкий еще не успел войти в кабинет, когда явился мистер Пирсон. Лейн как раз

миновал с подносом дверь в коридоре, когда мистер Пирсон, показавшись с противоположной стороны, вошел в кабинет первым. Лейн слышал, как мистер Джеймс Парадайн сказал: «Здравствуйте, Альберт. Вы пришли признаться?»

— Господи помилуй.

Спицы щелкали.

— Нет необходимости ломать голову: мы не знаем, было ли у мистера Пирсона бремя на совести или нет. Он не успел ответить своему шефу, поскольку в комнате появился Лейн. Хотя Пирсона ненадолго позвали обратно, когда дворецкий выходил, он оказался в коридоре, прежде чем Лейн добрался до лестницы. Я не требую особого внимания к этой мелочи, но полагаю, что впоследствии, возможно, придется принять ее к сведению.

Вайнер сказал:

— Вопрос в том, почему мистер Пирсон сказал, что Лейн уже был в кабинете, когда он вошел.

— Да.

— Возможно, в какой-то степени потому, что он опасался за свою репутацию.

— Я также задумалась об этом, инспектор. — Мисс Сильвер кашлянула и продолжила: — Таким образом, мы подходим ко второму пункту. Если алиби мистера Пирсона фальшивое, значит, он перевел часы в спальне мистера Рэя. Я попыталась определить, когда он мог войти в комнату. Явно не перед ужином, поскольку никто не знал, что комната будет занята или что мистер Парадайн сделает заявление, которое он, строго говоря, сделал после ужина. И точно не сразу после речи мистера Парадайна, ведь мистер Пирсон находился вместе с остальными гостями до без четверти десять. Первая возможность представилась в промежутке между той минутой, когда Лейн увидел, как Пирсон выходил из кабинета, простившись с мистером Парадайном, и временем, когда мистер Рэй встретил его в коридоре, то есть несколько минут спустя. Мистер Пирсон вполне успел бы сбегать наверх и перевести часы в комнате мистера Рэя.

Полковник Босток недоверчиво фыркнул:

— То, что он теоретически мог сделать, — не доказательство, мэм.

Мисс Сильвер встретила усмешку с невозмутимым спокойствием и поспешила согласиться:

— Разумеется. Доказательств нет. Я лишь объясняю, что заставило меня пуститься на поиски улики. Вчера вечером я отправилась к себе без четверти десять. Через несколько минут младшая горничная, юная Полли Парсонс, вошла, чтобы перестелить постель. Я задумалась, и мне пришло в

голову, что она могла, выполняя свои обязанности вечером в среду, обратить внимание на часы в комнате мистера Рэя. Я изыскала возможность расспросить девушку сегодня перед ленчем, и вот что она рассказала. Полли помогала мыть посуду вечером в среду, когда состоялся праздничный ужин, а когда без четверти десять уехали мистер и миссис Амброз, Луиза послала Полли наверх — застелить постели для двух джентльменов и положить пару грелок в постель мистера Рэя, которую не успели проветрить. Девушка поднялась по задней лестнице со стороны кухни, миновав комнаты миссис Рэй и мисс Парадайн. Она увидела, как мистер Пирсон вышел из комнаты мистера Рэя и побежал по коридору к лестнице. Полли удивилась, что он делал у мистера Рэя. Она застелила постель, положила грелки, а потом, выпрямившись, посмотрела на часы на каминной полке и подумала: «Надо же, как поздно», поскольку они показывали десять минут одиннадцатого. Потом она вошла в комнату мистера Пирсона, через коридор. Там часы показывали без пяти десять. Полли побоялась, что мистер Джеймс Парадайн рассердится — часы в его доме никогда не ввали. Она сказала, что спустилась в кухню и пожаловалась второй горничной, Глэдис, и Луизе.

Полковник Босток присвистнул.

Инспектор Вайнер заметил:

— Едва ли не первое, что мы сделали, — проверили часы. Часы в комнате мистера Рэя утром в четверг не спешили ни на минуту — но, разумеется, не исключено...

Мисс Сильвер кивнула:

— Мистер Пирсон, вероятно, перевел стрелки назад, пока мистер Рэй был в ванной. Он кажется мне очень методичным молодым человеком... — Она помедлила, привычно кашлянула и продолжила: — Остается еще один пункт. Мистер Рэй утверждает, что они с мистером Пирсоном спустились в столовую чуть позже половины двенадцатого. Когда я попросила сказать поточнее, он ответил, что посмотрел на часы, которые показывали шестнадцать или семнадцать минут двенадцатого, и предложил спуститься в столовую. Когда они оказались в прихожей, он услышал, как закрылась входная дверь. Но мистер Марк Парадайн говорит, что покинул дом примерно в половине двенадцатого — и дверь закрыл именно он. Мы наткнулись бы на ощутимое противоречие, если бы теперь не знали, что часы в комнате мистера Рэя спешили на четверть часа. И это соответствует словам Полли.

Полковник Босток вновь присвистнул. Инспектор Вайнер сказал:

— В коридоре есть часы, и еще одни — в столовой. Разве сам мистер

Рэй не заметил бы неточности?

Мисс Сильвер покачала головой:

— Думаю, нет. В коридоре горит лишь одна очень тусклая лампа, а что касается столовой, то мистер Пирсон вполне мог позаботиться о том, чтобы часы на каминной полке остались незамеченными, включив свет только над буфетом. Что вполне естественно, ведь там и стояли напитки. В любом случае сомневаюсь, что мистер Рэй был склонен подмечать мелочи. Он только что встретил жену после годовой разлуки и, разумеется, размышлял в первую очередь о собственных делах.

Вайнер кивнул:

— Похоже на то. Что ж, мисс Сильвер, с минуты на минуту здесь будет мистер Гаррисон. — Глаза инспектора ярко сверкнули. — Нужно открыть сейф. Думаете, тогда мы и обнаружим мотив мистера Пирсона?

Мисс Сильвер сдержанно ответила:

— Мне бы не хотелось этого утверждать, инспектор.

Глава 43

Мистер Гаррисон отличался пунктуальностью — он прибыл в половине третьего. Ровно без четверти три он открыл сейф Джеймса Парадайна. Первоначально предполагалось, что при этом будут присутствовать только Марк и Ричард Парадайны, но в свете недавних событий решили пригласить в кабинет всех находящихся в доме членов семьи, а также мисс Сильвер и неприметного мистера Джонса, присланного из ведущей берлтонской экспертной фирмы. Мисс Парадайн взглянула на него и, склонившись к Марку, тихо спросила, кто это такой — не служащий ли мистера Гаррисона? Получив отрицательный ответ, она, казалось, немного удивилась, но больше вопросов задавать не стала.

Мистер Гаррисон, открыв сейф, отступил назад и пропустил инспектора Вайнера. Тот принялся доставать и выкладывать на письменный стол выцветшие красные кожаные футляры, которые мистер Парадайн перебирал незадолго до смерти. Он брал их аккуратно, рукой в перчатке, касался пружины и открывал крышку.

— Давайте проверим, прежде чем двинемся дальше, мистер Гаррисон.

Мистер Гаррисон, вытащив список, прочел:

— «Бриллиантовая тиара, три года назад оценена в четыре тысячи фунтов. Серьги с солитерами — то же самое, тысяча фунтов. Кольцо с солитером — пятьсот фунтов. Кольцо с бриллиантами — двести фунтов. Кольцо с бриллиантом „Маркиз“ — сто пятьдесят фунтов. Кольцо с полукруглым бриллиантом — двести фунтов. Пара бриллиантовых браслетов — тысяча фунтов. Украшение на корсаж — две тысячи фунтов. Бриллиантовая булавка — сто фунтов. Бриллиантовое солнце — четыреста фунтов. Бриллиантовая бабочка — сто пятьдесят фунтов. Бриллиантовый трилистник — двести фунтов».

— Все правильно, все на месте, — сказал Вайнер и небрежно оглянулся. — Мистер Джонс, будьте так добры...

Собравшиеся разглядывали бриллианты. Грейс Парадайн не видела их двадцать лет. Странно было осознавать, что они лежат запертые в темноте, сохраняя красоту и блеск, точно так же, как и цену. Бриллианты Клары — скользнула в сознании презрительная мысль. Ей никогда не нравилась Клара. Фрэнк Амброз вспоминал, как в последний раз мать надевала украшения. Она казалась больной и хрупкой, бесцветные глаза над блеском бриллиантов смотрели устало и ласково. Ричард, Лидия, Филида и Элиот

Рэй никогда не видели этих драгоценностей — только на портрете над камином. Марк же видел и держал в руках. Он смотрел на камни без особого интереса, мечтая лишь, чтобы формальности наконец завершились и инспектор объявил, арестуют его или нет. Бриллианты сейчас привлекали Марка не больше, чем гравий. Альберт Пирсон, вместо того чтобы проявить понятный профессиональный интерес, казалось, был совершенно равнодушен, но явно испытывал нечто иное. Стоя с краю, он как будто ощущал некоторую неловкость от того, что находился здесь. В качестве родственника он вряд ли мог на что-то притязать. А в качестве помощника Джеймса Парадайна? Но ведь его позвали не ради исполнения секретарских обязанностей. Пирсон поморгал за толстыми стеклами очков и сунул вспотевшие руки в карманы.

Мистер Джонс сказал «позвольте» и прошел мимо.

Мисс Сильвер, сидевшая очень прямо на дальнем краю стола, наблюдала за ним. Она перестала вязать. Руки лежали на коленях, внимательные глаза блеснули. Она смотрела на мистера Джонса — маленького человечка, бледнолицего, ничем не примечательного, со старомодным, криво сидящим пенсне и сверкающими вставными зубами, заставлявшими его слегка пришепetyвать. Эксперт подошел к столу, склонился над футлярами, заглянул в каждый с выражением мучительной скрупулезности и произнес негромко и чуть картаво:

— Полагаю, мистер Парадайн знает, что некоторые из этих камней — копии?

Мгновенно оживившись, Марк выпрямился, приблизился на шаг и, встав рядом с мистером Джонсом и инспектором, испуганно спросил:

— Что вы имеете в виду?

Мистер Джонс взял ручку, как указку. Перо нависло над брошью в виде трилистника.

— Это копия. Очень хорошая имитация. То же самое могу сказать о бабочке и булавке. Солитеры в серьгах и кольцо — тоже поддельные. Крупный центральный камень на украшении для корсажа также заменен.

— Что?! — воскликнул Марк. — Вы уверены?

Мистер Джонс обнажил сверкающие зубы в легкой улыбке сожаления:

— Никаких сомнений, мистер Парадайн.

В комнате воцарилась полная тишина. Инспектор Вайнер взглянул на мисс Сильвер. С тем же успехом он мог бы сказать вслух: «Вот вам и мотив».

Мисс Сильвер кашлянула, и, словно сговорившись, эти двое посмотрели на Альберта Пирсона. У секретаря вспотели не только руки —

от пота заблестел лоб. Любой заметил бы, что ему дурно и неудобно.

Вайнер обернулся к мистеру Джонсу:

— А остальные камни — настоящие?

Джонс достал из кармана лупу и принялся рассматривать украшения. Процедура казалась бесконечной. Но рано или поздно все заканчивается. Лупа вернулась в глубокий нагрудный карман. Мистер Джонс, пришепетывая, заверил, что прочие камни настоящие, и испросил позволения откланяться. Звук закрывшейся за спиной эксперта двери показался Альберту Пирсону похоронным звоном. Сердце мучительно колотилось, волосы облепили лоб. Сквозь туман, заволокший стекла очков, он видел, что все обернулись в его сторону. Это было похоже на ночной кошмар. Он услышал голос инспектора Вайнера:

— Подойдите, пожалуйста, сюда, мистер Пирсон. Я бы хотел задать вам несколько вопросов. Мой долг предупредить: то, что вы скажете, может быть записано и обращено против вас.

Пирсон подошел, наткнулся на стул, сел и начал механически протирать запотевшие очки. Когда он вновь их надел, рядом оказался смысленный молодой констебль с записной книжкой. Все смотрели на Альберта — кроме Филиды, которая словно была на грани слез. Мисс Парадайн сидела с таким выражением лица, как будто собиралась рассчитать вороватую кухарку. Назвать его гневным мешало явное презрение, но в то же время на ее лице отражалось несомненное удовлетворение. Пирсон не только поставил себя вне семейного круга — он был осужден и приговорен, прежде чем успел произнести хоть слово. Сидя перед ними, он чувствовал, что кольцо неумолимо сжимается вокруг него, грозя гибелью. Альберту предстояло сыграть роль, которую, как он знал, члены семьи охотно возложили бы на него при первой возможности. Роль козла отпущения. Что ж, он запасся алиби — пусть попробуют с ним потягаться. Он всегда был лишним в семье.

Пирсон расправил плечи, подался вперед, положил руки на стол и сказал:

— Разумеется, я готов ответить на любые вопросы.

Собравшиеся не сводили глаз с Альберта. Инспектор и Марк — бок о бок над раскрытыми футлярами, где лежали бриллианты, отражавшие свет. Лидия Пеннингтон — рядом с Марком. Она придвинулась ближе и просунула руку ему под локоть. Элиот Рэй обнимал Филиду, а та вся дрожала — черт возьми, отчего она трясется? У камина, прямо под портретом матери, стоял Фрэнк Амброз, мрачно глядя не на Пирсона, а на остальных. Поодаль, у дальнего конца стола, сидела мисс Сильвер,

пухленькая и старомодно одетая, с дурацкой брошкой. Ее маленькие глаза были устремлены на Альберта, и, казалось, от пронизательного взгляда ничего не скроется. Напротив нее — мистер Гаррисон, мрачный, потрясенный. Рядом — мисс Парадайн, Ричард и, наконец, справа, вплотную, молодой констебль с блокнотом.

Альберт Пирсон собрался с мыслями, напряг массивную челюсть, взглянул на пораженные, полные укора лица и упрямо произнес:

— Итак?

Глава 44

Вайнер сказал:

— Мистер Пирсон, есть некоторые очевидные причины, по которым открывшийся факт компрометирует вас. Подмена камней, наподобие имевшей место здесь, — это работа, которая по плечу не каждому. Вдобавок ее мог проделать только человек, у которого был доступ в кабинет и к ключам покойного мистера Парадайна. Вы подпадаете под оба пункта. Следовательно, мой долг спросить: не хотите ли вы что-нибудь сказать?

Альберт держал себя в руках. Он произнес серьезно и заунывно:

— Вы правы. Но, боюсь, я не смогу помочь следствию. Я ничего не знаю.

— Бриллианты пропали, мистер Пирсон. Камни на сумму около двух тысяч фунтов. Они не исчезли сами по себе.

— Думаю, это так, инспектор. А вам не приходило в голову, что сам мистер Парадайн приказал заменить их?

— Вы хотите сказать, что действовали по распоряжению мистера Парадайна?

— Конечно, нет. Но, на мой взгляд, вы вряд ли сумеете доказать, что Парадайн не приказывал это сделать. Разумеется, вы обследуете футляры в поисках отпечатков пальцев, но, боюсь, останетесь разочарованы. Понимаете ли, мистер Парадайн регулярно доставал украшения из сейфа. Ему нравилось держать бриллианты в руках и рассматривать, а потому было бы очень трудно их заменить подделками.

После паузы Вайнер сказал:

— Вы хорошо осведомлены, Пирсон.

Тот, устремив на инспектора спокойный взгляд, ответил:

— А чего же вы ожидали от секретаря?

— И все же, как я сказал, есть четкие причины подозревать вас. Есть поводы и менее явные. В ваши секретарские обязанности входил перевод часов в комнате мистера Рэя на четверть часа назад в среду вечером?

На щеках Альберта пятнами заиграл тусклый румянец, кожа покрылась потом. Его руки лежали на столе, и мистеру Пирсону пришлось приложить немалое усилие, чтобы не стиснуть кулаки. Он резко произнес:

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— А по-моему, отлично понимаете. Младшая горничная Полли

Парсонс, поднявшись, чтобы перестелить постели, увидела, как вы выходили из комнаты мистера Рэя. Она очень удивилась, когда обнаружила, что часы в комнате мистера Рэя показывают десять минут одиннадцатого, тогда как на часах в вашей комнате было без пяти десять. Пятнадцать минут разницы, мистер Пирсон. Вы и впрямь старательно озаботились своим алиби на то время, пока мистер Парадайн ждал в кабинете, рассчитывая получить признание. Когда вы поднялись пожелать ему спокойной ночи — без десяти десять, — Лейн, который шел непосредственно за вами, услышал, как мистер Парадайн сказал: «Здравствуйте, Альберт. Вы пришли признаться?» Вы не успели ответить, поскольку появился Лейн с подносом. Пробыв в кабинете две-три минуты, вы побежали наверх, перевели часы и вернулись как раз вовремя, чтобы встретить мистера Рэя. С ним вы пробыли до тех пор, пока переведенные часы не засвидетельствовали ваше алиби, показав восемь минут первого, хотя на самом деле оставалось семь минут до срока, обозначенного мистером Парадайном. Вы попрощались с мистером Рэем, который сразу же пошел в ванную и открыл кран. Вы знали, что мистер Парадайн все еще в кабинете, вы могли к нему войти и ответить на вопрос, который он задал. Если вы собирались признаться, вам бы вполне хватило времени. Если нет — ничего не стоило добежать до террасы, выбравшись через любое окно первого этажа. На раме окна в ванной — ваш отпечаток. Как и все в доме, вы знали, что мистер Парадайн непременно выйдет на террасу, прежде чем отправится спать. Кто-то поджидал его там, мистер Пирсон. Кто-то толкнул его через парапет. Мой долг предупредить...

Альберт Пирсон отодвинул стул так резко, что он упал. Пятна со щек сошли, темная кожа обрела зеленоватый оттенок. Он наклонился через стол, опираясь на руки, — воплощение крайнего ужаса. Но было в нем нечто, что заставило мисс Сильвер коснуться рукава инспектора. Вайнер уже собирался пройти за спиной Марка, но мисс Сильвер остановила его:

— Подождите. Он хочет что-то сказать.

Альберт, потный и дрожащий, действительно заговорил. Он посмотрел на дальний конец стола, через голову мисс Сильвер, — на Фрэнка Амброза, высокого и мрачного, который стоял, опершись о черную мраморную каминную полку.

— Мистер Амброз... неужели вы позволите ему... неужели позволите арестовать меня? Не можете же вы вечно хранить молчание? Я не могу. Я невиновен, и вы это знаете. Если я там был, то и вы были, и мы оба видели, как все случилось! Неужели вы намерены просто стоять и молчать? Я бы молчал, если бы меня не спросили, но больше молчать не собираюсь — и

не ждите! Если вы не желаете говорить, заговорю я — и вы пожалеете, что тянули!

Воцарилась напряженная тишина. Все повернулись к Фрэнку Амброзу, чье лицо не выражало ничего, кроме невероятного утомления. Услышав резкий оклик инспектора, Фрэнк с усилием выпрямился и ответил на невысказанный вопрос:

— Да, я действительно должен кое в чем признаться. Пирсон прав. Я не могу позволить вам арестовать его. Видите ли, я возвращался сюда.

Мисс Сильвер поднялась, придвинула стул ближе и села. Поворачивая голову направо и налево, она видела и Альберта Пирсона, и Фрэнка Амброза. На некоторое время ее внимание было поглощено последним.

Вайнер сказал:

— В заявлении, сделанном сегодня днем, мистер Амброз, вы утверждали, что вернулись в дом, желая повидать мистера Парадайна, примерно в половине одиннадцатого. Это подтверждает миссис Рэй, которая слышала, как дядя назвал вас по имени, когда вы вошли. Далее, по вашим словам, вы оставались в кабинете около двадцати минут, после чего вышли и отправились домой. Так?

— Да... но я пошел не домой.

— Вы покинули Ривер-Хаус?

— Да, однако к себе не пошел. Сейчас попытаюсь объяснить. Я собирался домой, но не хотел возвращаться так рано. Настроение отчима меня изрядно озадачило, я боялся серьезного раскола в семье. Он рассказал, что намеревался сделать, и я понимал: скорее всего произойдет скандал. Ночь стояла тихая. Чтобы поразмыслить, я пошел длинным путем, через каменный мост. Это примерно три мили. Подойдя к двери дома, я посмотрел на часы. Было не то без четверти, не то без десяти двенадцать. Заходить мне не хотелось, я решил вернуться и посмотреть, что происходит в Ривер-Хаусе. Я знал, что отчим пока не лег спать, а потому собирался подойти к террасе и либо дождаться, когда он выйдет, либо постучать в стеклянную дверь, чтобы он меня впустил. Я вернулся к мостику и поднялся по тропке. Днем я добираюсь до Ривер-Хауса за семь минут. В темноте, возможно, потребовалось десять — я не торопился. Я счел, что лучше подождать, пока отчим не выйдет на террасу, — на тот случай, если в кабинет кто-нибудь явился. Я подошел к террасе и встал примерно по ее центру. Небо затянуло облаками, но над рекой еще светила луна. Я видел парапет на фоне реки и окна на белой стене дома. Вдруг раздвижное окно ванной открылось. Кто-то облокотился на нижнюю створку.

— Вы видели кто?

— Нет. Сначала я подумал, что это Лейн. Уж точно не отчим, я бы узнал его по росту.

— А может, мистер Пирсон?

Фрэнк Амброз спокойно ответил:

— Это и был Пирсон, но тогда я не знал.

Мисс Сильвер воспользовалась возможностью, чтобы посмотреть в сторону Альберта Пирсона. Тот стоял прямо, сунув одну руку в карман и собираясь спрятать туда же вторую. Судя по стиснутому в кулаке большому белому платку, Пирсон вытирал пот со лба. Зеленоватый оттенок покинул его лицо, а сейчас у него был вид человека, получившего отсрочку приговора. Мисс Сильвер неторопливо обвела взглядом стол. Молодой констебль, занятый записями, Ричард Парадайн, мисс Парадайн, напряженная и очень бледная, потрясенный мистер Гаррисон, Фрэнк Амброз, видимо, дошедший до ручки...

Вайнер за спиной у мисс Сильвер попросил:

— Продолжайте, мистер Амброз.

Все в комнате запомнили последовавшую за этим паузу. Им предстояло присутствовать при развязке трагедии — нашелся свидетель смерти Джеймса Парадайна. Будь то признание или обвинение, произнесенные слова уже нельзя было бы вернуть назад.

Фрэнк Амброз устало и спокойно произнес:

— Кабинет и комната моей матери по соседству устроены одинаково. Я увидел, как стеклянная дверь ее комнаты открылась. Кто-то вышел на террасу...

— Не мистер Пирсон?

— Нет. Я услышал, как в городе на здании приюта первый раз ударили часы. В следующее мгновение отчим вышел из кабинета и зашагал через террасу к парапету. Человек, показавшийся из соседней комнаты, последовал за ним. Я не желал вмешиваться. Я оставался на месте, даже не подозревая, что сейчас произойдет, — о трагедии не думаешь, пока она не произойдет. Я видел, как отчима толкнули и как он упал с обрыва. Человек, который его толкнул, бегом вернулся в комнату моей матери. Все произошло мгновенно — быстрее, чем можно вообразить, и я стоял как вкопанный. Потом начался дождь. Я достал из кармана фонарик, побежал вверх, осветил террасу и заметил лицо Пирсона в окне ванной комнаты. Он это понял, но до сих пор я понятия не имел, что он меня узнал. Я подошел к парапету и заглянул через край. Лил дождь, ничего не было видно. Тогда я спустился к реке и обнаружил тело отчима. Убедившись, что он мертв, я пошел домой.

Снова повисло молчание. Вайнер сказал:

— Вы напрасно сразу не сообщили полиции о том, что видели, мистер Амброз.

Фрэнк Амброз устало согласился:

— Разумеется.

— Раз вы этого не сделали, значит, у вас была очень серьезная причина хранить молчание?

На сей раз он не ответил.

— Мистер Амброз, я вынужден спросить: узнали ли вы человека, который вышел из комнаты покойной миссис Парадайн?

Альберт Пирсон, коренастый и упрямый, продолжая стоять у края стола, не терпящим возражений тоном произнес:

— Конечно, узнал. И я тоже.

Вайнер пристально взглянул на него:

— Вы утверждаете, что узнали преступника. Не объясните ли, каким образом? Мистер Амброз заявил, что было слишком темно, чтобы узнать вас в окне, до тех пор пока он не осветил стену фонариком.

Альберт кивнул:

— В комнате, из которой она вышла, горел свет. Потому я и разглядел ее, когда она выходила и когда возвращалась. Свет бил ей прямо в лицо.

Слово «она» произвело эффект электрического разряда. Элиот Рэй крепче обнял жену. Лидия со свистом втянула воздух сквозь зубы.

Вайнер уточнил:

— Вы хотите сказать, что видели женщину?

— Конечно.

— Кого?

Фрэнк Амброз сделал шаг вперед и начал:

— Пирсон...

Но Альберт покачал головой:

— Что толку, мистер Амброз? Правду не скроешь. Я не намерен умирать на виселице вместо нее, и точка. Конечно, вам бы всем этого хотелось. Вот почему я перевел часы. Я знал: если у меня не будет алиби, вы скажете, что именно я был тем человеком, от которого мистер Парадайн ждал покаяния. Ну уж нет, в петлю я не хочу. Я видел, кто вышел из соседней комнаты, и ничего вы с этим не поделаете.

Он повернулся к Вайнеру и произнес — громче, чем хотелось бы ему самому:

— Я узнал мисс Парадайн.

Глава 45

Все были настолько поражены, что на время потеряли дар речи. Молодой констебль резко вскинул голову и, оторвавшись от записей, уставился на членов семьи, в кругу которой словно разорвалась бомба. Он быстро окинул их взглядом светло-карих глаз. Мистер и миссис Рэй, прямо напротив, — ого, ну и мрачная же у него физиономия, а у нее рот раскрыт, словно она сейчас завопит (впрочем, Филида не издала ни звука). Мистер Марк Парадайн... выглядит как человек, который получил такой сильный удар, что бог весть, удержится он на ногах или нет. Инспектор... ожидал ли он этого? Трудно сказать наверняка. Мисс Сильвер... ну, с ней тоже непонятно, она вообще странная. Мистер Амброз... он-то ничуть не удивился, он знал, что этим все и закончится, потому и был как натянутая струна. Он все знал и пытался скрыть. Наверное, любой поступит именно так, когда дело касается семьи.

Молодой констебль воспринимал происходящее так, будто делал моментальные снимки, — испытанный способ, над которым не удастся взять верх ни одному изобретению. Ему хватило одной секунды, когда он повернулся — как и остальные, — чтобы взглянуть на Грейс Парадайн. Она неподвижно сидела в кресле с прямой спинкой. Мисс Парадайн уже была слишком бледна, чтобы побелеть еще сильнее. Ее руки спокойно лежали на коленях. Ничего не изменилось, она не пошевелилась, но все ощутили исходившее от нее неимоверное напряжение: она не двигалась, но не от слабости, а потому что безупречно владела собой. Что-то промелькнуло на мгновение в глазах хозяйки дома, прежде чем она успела это подавить. Какое-то неопределенное выражение... Констебль не назвал бы его иначе чем «жестокость». Он с некоторым удивлением подумал: «Господи помилуй, она действительно это сделала!»

Тишину прервало покашливание мисс Сильвер. Она подалась вперед и обратилась к Элиоту Рэю:

— Мистер Рэй, если позволите... я полагаю, миссис Рэй незачем здесь находиться.

Грейс Парадайн шевельнулась. Она обратила пепельное лицо в ту же сторону, что и мисс Сильвер, уперлась взглядом в плечо Элиота и произнесла серьезно и спокойно:

— Филида останется.

Элиот склонился к жене. Было видно, как у него задвигались губы.

Филида покачала головой.

Грейс Парадайн сказала:

— Поскольку Филида слышала это чудовищное обвинение, я хотела бы, чтобы она услышала и мой ответ.

Она повернулась к инспектору.

Хотя у Филиды кружилась голова и комната словно плыла в тумане, она ясно различила, как инспектор предостерегал мисс Парадайн. Он повторил то же, что сказал и Альберту Пирсону: «Все, что вы скажете... может быть записано и использовано против вас...» Комната была полна тошнотворной дымки, которая накатывала волнами. Филида больше не видела лиц. Она опустила голову на плечо Элиота и почувствовала, как он поддерживает ее. Сквозь глубокий ужас она ощущала: ее муж рядом.

Мисс Парадайн спокойно выслушала официальные фразы инспектора, после чего произнесла:

— Спасибо, инспектор. Разумеется, я твердо намерена сделать все возможное, чтобы прояснить это дело. Нужно было предвидеть, что подобное обвинение, исходящее от человека, который признает, что присутствовал...

Мистер Гаррисон, сидевший рядом, подался вперед и что-то негромко произнес. Мисс Парадайн не повернулась к нему, но чуть заметно отрицательно качнула головой.

— Благодарю вас, но я предпочту говорить. Обвинение, разумеется, смехотворное. Мотивы мистера Пирсона очевидны... — На мгновение взгляд Грейс задержался на бриллиантах. — Он сам признает, что сфабриковал алиби. Признает, что был там, когда мой брат упал с балкона. Честно говоря, не знаю, что вам еще нужно.

Вайнер пристально посмотрел на мисс Парадайн.

— Есть другой свидетель, кроме мистера Пирсона. — Он быстро повернулся. — Мистер Амброз...

Грейс Парадайн тоже обернулась.

— Ну что ж, Фрэнк, дело, кажется, за тобой. Ты в одну секунду можешь избавить меня от подозрения.

Их взгляды встретились. В глазах мисс Парадайн читался приказ. Не гнев, не жестокость, а спокойный, чуть насмешливый приказ. Фрэнк Амброз никогда не переживал настолько ужасной минуты. Он меньше мучился бы, будь эта женщина меньше уверена в нем и в самой себе. Грейс Парадайн улыбалась, глядя ему в глаза, и ждала, что он развеет сомнения присутствующих. Фрэнку ничего не стоило сказать, что он не узнал человека, вышедшего из комнаты Клары Парадайн, что тот был слишком

высокий, слишком низкий, слишком полный или слишком худой для Грейс Парадайн. Что он видел лицо незнакомца. У Фрэнка сжалось сердце. Он не мог солгать. Не мог, чувствуя на себе ее взгляд. Причина и следствие — то, что сделано, и то, что пережил ты сам и все остальные, то, что называется правосудием, и то, что называется преступлением... и неизбежное звено, соединяющее первое и второе, — труп человека, которого он любил сильнее, чем большинство сыновей любят своих отцов. Упрямая по сути натура Амброза больше не желала поддаваться, случившееся лишь укрепило его. Он пренебрег приказом в глазах Грейс Парадайн и увидел, что ее улыбка сменилась гневом.

Она произнесла спокойно и звучно:

— Ну же, Фрэнк, мы все ждем. Поскольку меня там не было, значит, ты видел кого-то другого. Так и скажи.

Он ответил:

— Не могу...

Общее молчание встретило его слова. Они вырвались — и ничто не могло их вернуть. Фрэнк ощутил нечто вроде ужасного облегчения.

Вайнер уточнил:

— Вы узнали мисс Парадайн?

— Да, — чуть слышно ответил Фрэнк.

Грейс Парадайн поднялась.

— Минуту, инспектор. Думаю, у меня есть право попросить вас подвергнуть проверке столь неожиданное заявление. Раз мой племянник утверждает, что видел, как я вышла из комнаты невестки, я вынуждена предположить, что он действительно так считает. Но я способна доказать, что он ошибается, и буду рада, если вы мне дадите такую возможность. Но прежде чем двинуться дальше, ответьте на милость, какой, по-вашему, мотив мной двигал? В конце концов, человек не совершает преступление без повода, а поскольку у меня не было мотива...

Вайнер перебил:

— Он был, мисс Парадайн. Когда мистер Парадайн сообщил всем, что один из членов семьи предал фамильные интересы, он намекал на кражу чертежей мистера Рэя. Бумаги пропали из его портфеля в среду вечером. Кто-то вернул их, положив на край стола между девятью часами и четвертью десятого, — у нас есть свидетели, показания которых позволяют определить время довольно точно. Вы — единственный член семьи, который в этот промежуток времени ненадолго оказался в одиночестве. Только у вас была возможность вернуть чертежи.

Мисс Парадайн с легким презрением взглянула на инспектора.

— Какая фантастическая теория! К сожалению, сейчас я не в подходящем настроении, чтобы ее опровергнуть. Поэтому прошу проверить показания мистера Пирсона и мистера Амброза. Давайте выйдем на террасу — или, точнее, пусть выйдет мистер Амброз и встанет там, где, по его словам, он стоял ночью в среду. Мистер Пирсон пусть выглянет из окна ванной комнаты. А я выйду из комнаты невестки, дойду до парапета и вернусь.

Вайнер с любопытством посмотрел на нее.

— Что вы намерены доказать, мисс Парадайн? По-скольку сейчас день и светло, проверка лишена смысла. Она непременно будет проведена, но — когда стемнеет.

Грейс Парадайн улыбнулась — тонкой дежурной улыбкой хозяйки, занимающей гостей. Она не сомневалась, что инспектор уступит. Все ее поведение говорило об уверенности, и Вайнер это почувствовал.

— Разумеется, вы проведете собственную проверку, — благосклонно кивнула мисс Парадайн, — но я не сомневаюсь, инспектор, что вы не откажете мне в просьбе. Нам потребуется не более минуты. Думаю, даже при дневном свете я сумею доказать вам, что мистер Амброз и мистер Пирсон никоим образом не могли увидеть лицо человека, который вышел из спальни Клары.

Будь она хоть немного менее уверена в себе — и Вайнер, возможно, отказал бы. Но самообладание Грейс Парадайн, ее спокойный и рассудительный тон, и то, что она настолько не сомневалась в его согласии, первой шагнув к дверям, — все это склонило чашу весов в ее пользу. Инспектор уступил:

— Хорошо, мисс Парадайн, я разрешу. Но, честно говоря, никакого смысла в этом не вижу.

Мистер Гаррисон поднялся. Он стоял, потрясенный и полный сомнений, глядя вслед своей клиентке. То есть он предполагал, что мисс Парадайн будет его клиенткой. Все это было так невероятно, так ужасно! До сих пор фирме не приходилось иметь дело с убийством. Мистер Гаррисон мысленно пылко взмолился, чтобы и впредь не пришлось.

Мисс Сильвер тоже встала. Как и мистер Гаррисон, она смотрела вслед Грейс Парадайн, прошедшей в спальню. По пятам за ней следовал молодой констебль, который до сих пор вел записи. Послышались голоса обоих, потом забренчали кольца штор.

Вайнер сказал:

— Идемте, мистер Амброз. Не будем терять время.

Когда они вместе направились к стеклянной двери, мисс Сильвер

приоткрыла рот, но, не произнеся ни слова, быстро сомкнула губы. Комната стремительно пустела. Альберт Пирсон вышел — несомненно, чтобы занять позицию у окна ванной. Ричард Парадайн, мистер Гаррисон, Марк и Лидия последовали за Вайнером и Фрэнком Амброзом на террасу. Стеклянная дверь осталась открытой, и Элиот и Филида уже приблизились к ней.

Мисс Сильвер догнала их, положила руку на плечо Элиота и негромко, но настойчиво произнесла:

— Оставайтесь здесь с женой, мистер Рэй. Не выпускайте ее наружу.

Он обернулся, изумленный тем, что услышал.

Донесся оклик Вайнера:

— Ну, мисс Парадайн...

Стоявшие на террасе взглянули в сторону комнаты миссис Парадайн — на два огромных окна и стеклянную дверь эркера. Шторы были задернуты; в кабинете они отделяли эркер от комнаты, а в спальне следовали за изгибающейся линией окон. Изнанка розовых штор касалась стекла.

Все видели, как ткань колыхнется и переливается. В середине появился черный просвет, ручка повернулась, дверь открылась, и вышла Грейс Парадайн. Она спустилась по двум ступенькам, дошла до середины террасы и посмотрела сначала направо, где у ближайшего из окон гостиной стоял Фрэнк Амброз, потом налево, где к окну ванной комнаты прислонился Альберт Пирсон. Взгляд мисс Парадайн скользнул по родственникам, высыпавшим из кабинета. Она повернулась.

Филиды не оказалось на террасе. Но почему? Темные властные глаза искали, пока не нашли девушку — за порогом кабинета. Филида смотрела в другую сторону, не на нее. А она должна была смотреть — увидеть — запомнить. Только бы хватило времени! Но рядом стоял молодой констебль, и приближался Вайнер. Грейс Парадайн звонко позвала:

— Филида!

Времени не было. Ни минуты. Филида наконец обернулась.

Вайнер спросил:

— Что случилось, мисс Парадайн?

Все слышали, как Грейс ответила:

— Ничего.

Филида смотрела на нее, она вышла из кабинета.

Пора...

Но Филида не успела сделать больше ни шага: Элиот с силой оттолкнул жену, прижал лицом к своему плечу и крепко обхватил руками.

Она так и не увидела того, что хотела показать ей Грейс Парадайн, — быстрого прыжка на парашют и вниз. Она не видела, но все поняла. Филица содрогнулась и безжизненно обмякла в объятиях Элиота.

Глава 46

Тем же вечером в гостиной Филиды, в обществе мисс Сильвер сидели трое: Марк Парадайн, Лидия и Элиот Рэй. Филида не участвовала в разговоре. Она лежала в постели в соседней комнате, уже выплавав все слезы, но еще не в состоянии думать о чем-нибудь другом. К счастью, Элиот был рядом, за дверью, и она знала, что он никогда ее не оставит. Она слышала голоса — мужа, Марка, Лидии и мисс Сильвер, не столько слова, сколько звуки, — и радовалась этим звукам, вовсе не желая разбирать слова. Впоследствии ей предстояло подумать об отъезде с Элиотом, о Лидии и Марке. Филида любила Элиота, любила Лидию и Марка, но сейчас она могла только лежать и слушать, как текут звуки знакомых голосов.

Марк по другую сторону двери сказал:

— Я разговаривал с полковником Бостоком и с инспектором Вайнером. У них сейчас работы по уши. Как вы и сказали, Элиот, министерство хочет, чтобы дело, по возможности, спустили на тормозах. Ни о каких чертежах упоминать не следует. Будет сделано все возможное, чтобы избежать огласки. Официально констатируют смерть в результате несчастного случая и самоубийство, потому что у мисс Парадайн сдали нервы. Разговоры, конечно, пойдут, но как-нибудь все уляжется... — Он тяжело вздохнул. — По-моему, она сошла с ума.

Мисс Сильвер кашлянула. Рейтузы для маленького Роджера были почти закончены. Они забавно свисали со спиц на недовязанном мысочке.

— И все-таки она знала, что делала, и планировала свои шаги. Насколько я понимаю, в течение многих лет мисс Парадайн находилась под властью фатального и неумеренного желания поглощать чувства и эмоции людей, которые были ей небезразличны. Она расторгла помолвку с мистером Моффетом не из-за морального отвращения, а из-за стремления быть первой, а точнее, единственной в его сердце. Судя по рассказу вашей жены, мистер Рэй, о последней беседе с мисс Парадайн, это достаточно ясно. Дополнительным признаком служит тот ужасающий факт, что мисс Парадайн, предпринимая последний роковой шаг, вновь попыталась привлечь внимание миссис Рэй. Она знала, что потеряла ее, но все-таки желала доминировать в жизни Филиды. Поэтому Грейс Парадайн и попыталась...

Элиот резко возразил:

— Довольно. Это отвратительно.

Мисс Сильвер посмотрела на него добрыми яркими глазами и продолжила, как будто ничего не слышала:

— К счастью, ничего не получилось. Вы действовали очень быстро, мистер Рэй.

Лидия сидела в одном из больших кресел — она была бледнее, чем когда-либо до сих пор. Рыжие волосы в свете лампы казались ярче, под зелеными глазами, в тени густых ресниц, залегли темные круги. Но, несмотря на бледность, маленькое острое личико поражало спокойствием, а губы подрагивали в ласковой улыбке.

Марк устроился на подлокотнике кресла, положив руку на плечо Лидии. Невозможно было, глядя на них, не заметить, с какой остротой они сознают присутствие друг друга и как хорошо им рядом. Марк сдавленным голосом проговорил:

— Я повидался с Фрэнком. Он жутко расстроен. Он мне все рассказал. Я предупредил, что вы трое должны знать. Больше никто. Вот как это случилось. Когда он в первый раз вернулся... Фрэнк говорит, что полиция в курсе...

Мисс Сильвер кашлянула:

— Да, мистер Парадайн, я там присутствовала.

— Он, насколько я понимаю, не так много сообщил — только то, что он вернулся и что они поговорили. На самом деле Фрэнк узнал все. Они с дядей Джеймсом очень любили друг друга. Дядя сказал ему, кто украл чертежи. Он видел тетю Грейс, стоя в соседней комнате, — он как раз открыл дверь, чтобы войти в кабинет, когда появилась она. Он замер на месте, поскольку не хотел с ней встречаться. Они разговаривали днем насчет Элиота, и он не горел желанием начинать все сначала, вот и спрятался за дверь. Портфель лежал на столе, в нем были чертежи, на самом верху. Тетя Грейс подошла прямо к столу, открыла портфель, взяла их и быстро вышла. Дядя Джеймс не остановил ее. Потом он сел и задумался, каким образом одержать верх над сестрой. Получилась своего рода разрядка после долгого напряжения. Он излил душу Фрэнку — сказал, что это Грейс разлучила Элиота и Филиду и старалась разрушить его брак с Ирен. Дядя признался, что в течение года молчал и наблюдал, опасаясь усугубить ситуацию, но больше не собирался оставаться в стороне. Он сказал Фрэнку, что Грейс забрала чертежи, надеясь окончательно испортить отношения между Элиотом и фирмой и сделать так, чтобы он не сошелся в Берлтон. И вот дядя Джеймс решил показать Грейс, что она перегнула палку. Он заявил, что с него хватит. Фрэнк страшно расстроился и

испугался, он попытался успокоить дядю. Больше всего он хотел предотвратить их встречу в тот вечер, когда оба были взвинчены. В конце концов Фрэнк уговорил дядю Джеймса написать письмо, изложив свои условия. Он считал, что любой иной вариант лучше личной встречи. Дядя Джеймс вручил ему копию письма, а Фрэнк передал его мне. Вот оно. Сейчас я прочту письмо, а потом сожгу. Полиция тоже сняла копию, но не станет пускать ее в ход.

Он развернул лист гербовой бумаги и вслух прочел то, что написал старый Джеймс Парадайн в канун Нового года:

Дорогая Грейс, я видел, как ты взяла чертежи Элиота. Я знаю, ты нашла возможность вернуть их, но вопрос не закрыт окончательно. Думаю, будет лучше, если сегодня мы не станем встречаться. Поэтому я излагаю свои условия письменно.

1. Ты перестанешь вставать между Элиотом и Филидой. Какими бы разными они ни были, они очень привязаны друг к другу, а потому пускай улаживают собственные дела без дальнейшего вмешательства с твоей стороны.

2. В пределах определенного отрезка времени, но не позднее чем через два месяца, ты выразишь желание обзавестись собственной квартирой или домиком. На время войны я передам Ривер-Хаус госпиталю и перееду в квартиру в Берлтоне.

Если ты все-таки захочешь меня видеть, я буду сидеть в кабинете до полуночи. Но условия не обсуждаются. Советую подумать над ними до утра.

Лидия вздохнула:

— Он отправил тете Грейс письмо? Как?

— Фрэнк отнес его наверх, сунул под дверь и ушел. Я как раз проходил мимо. Мы разминулись в коридоре.

— Но ты не сказал...

Марк мимолетно улыбнулся:

— Как и Фрэнк, милая.

Он встал, подошел к огню, бросил бумагу на лежавшее в камине полено и посмотрел, как она чернеет и горит. Стоя там и глядя на пепел, по которому перебежали искры, Марк сказал:

— Интересно, что она затеяла, когда Элиот в половине двенадцатого услышал, как она закрыла дверь?

Спицы мисс Сильвер щелкали.

— Вероятно, мисс Парадайн намеревалась спуститься и повидать мистера Парадайна. Услышав, как за вами захлопнулась входная дверь, и поняв, что в прихожей мистер Рэй и мистер Пирсон, она, разумеется, вернулась в комнату.

Марк наклонился и подтолкнул поленом ногой. Посыпался пепел, искры взлетели вверх, письмо исчезло. Он сказал:

— Вот что у меня не выходит из головы. Если бы тетя Грейс тогда спустилась и поговорила с дядей, все, возможно, пошло бы по-другому... и он остался бы жив.

Спицы щелкали.

— Бог весть, мистер Марк. Не нужно гадать, что могло бы случиться. Нельзя вернуть прошлое, но можно сделать так, чтобы оно не отравило будущее.

— Да, — согласился Марк и вновь присел на подлокотник кресла Лидии.

Элиот лаконично подвел итог:

— Значит, точка. А как насчет Альберта?

Марк приподнял руку и уронил ее на колено.

— Я долго за него боролся. Сказал полиции, что не стану подавать в суд, и у Вайнера камень с души свалился, когда он понял, что ему не придется замалчивать преступление. Ведь у нас нет свидетельств, указывающих на вину Пирсона. Альберт абсолютно прав: дядя Джеймс мог проверить это и сам. Мы, конечно, знаем, что он не подменял камни... но знаем мы и то, что никаких доказательств нет, и уж не сомневайтесь, что Альберт как следует замел следы. В любом случае предположим, что улики есть — и что дальше? Мы окажемся по уши в той самой грязи, из которой что есть сил пытаемся выбраться. Тогда вмешался старый Босток и заявил, что я прав — дело чертовски неприятное, — и это еще мягко сказано. Так или иначе, он увел Вайнера... а Альберт собирается в армию.

Элиот коротко рассмеялся:

— По сути, он победил.

— Когда я договорился с инспектором, то пошел к Альберту и намекнул, что лучше ему признаться. Он так и сделал. Не знаю, насколько откровенно. Наверное, в основном он был честен, хотя, не сомневаюсь, постарался выставить себя в наилучшем свете. История довольно причудливая, но, готов поручиться, правдивая, ну или максимально близко

к тому, так что особой разницы нет. У Альберта болела мать, и они страшно бедствовали. Он служил в фирме с хорошими крепкими связями, им приносили различные ценные вещи для переделки и починки. Он начал с того, что извлекал там и сям по камушку и заменял камнями похуже — не пластмассовыми, а настоящими, но полегче и пониже качеством. Затем он продавал камень, который стащил, и прикарманивал разницу между ним и подделкой. Альберт уверяет, что так происходит сплошь и рядом, — вот почему он знал все ходы и выходы. Потом мать умерла, и он попал сюда. Альберт поклялся, что даже не думал о мошенничестве. Он собирался прилежно работать и добиться уважения, поскольку надеялся, что за честный труд ему заплатят больше, чем за темные делишки. К сожалению, всплыли факты из прошлого — появился некий приятель по имени Иззи. Альберт сказал, что Иззи его шантажировал. Честно говоря, этой истории я не верю. Полагаю, Иззи просто предложил повернуть сделку с бриллиантами тети Клары, а Альберт клюнул. Камни тогда высоко ценились на рынке, рвачи изрядно нервничали, когда задумывались о послевоенных налогах на капитал, и вкладывали средства в бриллианты. Камни тети Клары недавно были оценены, поэтому оценивать их вторично, даже ради завещания, в ближайшее время вряд ли стали бы. Альберт договорился с Иззи и стал ждать подходящей возможности. Он получил ее, когда в прошлом году дядя Джеймс заболел и лежал в постели. Альберту велели принести украшения из сейфа. Проще некуда. Он все сфотографировал, тщательно измерил, Иззи прислал поддельные камни, и Альберт заменил ими настоящие. Он очень гордится своими профессиональными навыками — я едва помешал ему прочитать мне лекцию по этому предмету.

Мисс Сильвер кашлянула.

— Впервые мое внимание привлек к бриллиантам миссис Парадайн тот факт, что хотя мистер Пирсон и располагал информацией практически по любому вопросу и с необычайным рвением делился тем, что знал, он, казалось, не имел никакого желания говорить ни о чем, связанном с его прежней профессией.

— Очень тонко подмечено, — вставила Лидия.

Мисс Сильвер покачала головой, скромно и с легким упреком:

— Нет, нет. Видите ли, алиби мистера Пирсона, разумеется, было очень подозрительным обстоятельством, но у молодого человека, столь решительно настроенного преуспеть в жизни, оно и впрямь могло получить невинное истолкование. То, что он сказал мистеру Рэю, — по большей части правда. Привлекательным мистера Пирсона не назовешь, в доме его

не любили, и родные без сожаления предположили бы, что именно он навлек на себя неудовольствие мистера Парадайна. Собственно, вот в чем суть: если у секретаря был повод для убийства мистера Парадайна, алиби его компрометировало и даже наводило на определенные мысли, если бы удалось доказать, что оно ложное. Раздумывая о возможном мотиве, я, разумеется, вспомнила о бриллиантах и попросила, чтобы при открытии сейфа присутствовал эксперт.

— Очень, очень умно с вашей стороны, — вновь констатировала Лидия. — Мы думали, Марка в любую минуту арестуют. Это было все равно что стоять на краю глубокой пропасти и ждать, когда упадешь. Я никогда не переживала ничего ужаснее. А вы нас спасли.

Марк вновь положил ей руку на плечо.

Мисс Сильвер лучезарно улыбнулась:

— Похвала приятна, даже когда она преувеличена. Вряд ли мистеру Марку Парадайн и впрямь грозила серьезная опасность. Он был невиновен, в чем я не сомневалась с самого начала. Он пришел в ужас и скорбел по дяде, вины или раскаяния я в нем не заметила. Но попав в ваш дом, в первый же вечер я поняла: мистер Пирсон нервничал и отклонял любые попытки поговорить о ювелирном искусстве, а мисс Парадайн испытывала сильнейшую неприязнь к мистеру Рэю и собственные чувства по отношению к миссис Рэй. Я всегда улавливаю чужие эмоции, и в моей работе это бывает полезно. Сильные чувства подобного толка указывают на мотив убийства гораздо вернее, чем конкретные улики. Я задумалась о мисс Парадайн — и одновременно о мистере Пирсоне. Мистер Джеймс Парадайн, отказавшись назвать имя человека, которого он обвинил, открыл путь любому, кто был хоть в чем-то виноват. Вскоре выяснив, что именно мисс Парадайн взяла чертежи, я по-прежнему думала, что, возможно, убийство совершила не она, а мистер Пирсон. Чем больше я размышляла о его алиби, тем более сомнительным оно казалось. После разговора с Полли мне уже с трудом верилось в невиновность секретаря, а когда мистер Джонс объявил, что камни подменены, это стало просто невозможно.

До сих пор Элиот Рэй молчал. Наконец он произнес:

— И все-таки он тут ни при чем. Или нет?

Марк вздрогнул. Лидия охнула.

Мисс Сильвер внимательно посмотрела на Элиота.

— Интересное замечание, мистер Рэй. Могу я спросить, чем оно вызвано?

Элиот подался вперед и спросил:

— Что Альберт делал в ванной?

— Я и сама задавалась этим вопросом, — призналась мисс Сильвер.

— У него не было никаких убедительных причин там находиться — если только он не ждал, когда мистер Парадайн выйдет на террасу. Альберт, думаю, просидел там не меньше пяти минут. Кого он караулил, если не мистера Джеймса Парадайна? Если он хотел поговорить, достаточно было открыть дверь кабинета и войти. Но он торчал у окна ванной и ждал. Помоему, ждать он мог только одного...

Мисс Сильвер слегка склонила голову.

— Да, вы правы. Но не забывайте о прямом указании мистера Фрэнка Амброза. Он видел, как мисс Парадайн вышла из комнаты невестки и столкнула брата с террасы. Чрезвычайно счастливое стечение обстоятельств для мистера Пирсона, чье присутствие в ванной следствие уже установило благодаря отпечаткам пальцев на оконной раме.

— Что же он там делал? — не отступал Элиот.

Мисс Сильвер продолжала вязать. Ряды становились все короче по мере приближения к кончику.

— Я лишь могу сказать, что думаю по этому поводу, — произнесла она. — Не поручусь, так это или нет. Правды никто и никогда не будет знать, кроме мистера Пирсона. Но я разгадала его характер и попыталась поставить себя на его место. И вот что пришло мне в голову. Представьте на мгновение, что он почувствовал, когда мистер Парадайн за ужином произнес свою обвинительную речь. Мистер Пирсон наверняка ни минуты не сомневался, кого он имел в виду, и решил, что разоблачен. Подумайте, что он пережил. Мистер Пирсон был трудолюбивым мальчиком, потом трудолюбивым молодым человеком, он достиг заметного положения в доме, впереди маячили приятные перспективы — и вдруг он увидел, что все вот-вот рассыплется в прах, оставив одни руины. Полагаю, он отправился в кабинет в самом отчаянном состоянии, готовясь узнать худшее. Слова патрона — «Здравствуйте, Альберт, вы пришли признаться?» — должно быть, лишили мистера Пирсона последней надежды. Но появление Лейна не позволило ему ответить, и в следующие несколько мгновений, пока они находились в кабинете вместе, у него, вероятно, сложился план. Мистер Парадайн позвал секретаря обратно, желая сообщить об изменениях, которые следовало внести в какое-то письмо, продиктованное днем. Мистер Пирсон задержался лишь на несколько секунд. Прежде чем Лейн успел отойти достаточно далеко, он покинул кабинет и взбежал по лестнице к себе, чтобы перевести часы. Он задумал обеспечить себе алиби. Не знаю, возник ли у него план убийства

мистера Парадайна, или это пришло ему в голову позже, в те часы, когда он сидел в вашей комнате, мистер Рэй, дожидаясь полуночи. Думаю, мистер Пирсон действительно задумался об убийстве — я не вижу других причин ждать у окна ванной комнаты. Но я сомневаюсь, что он осуществил бы свой план. В любом случае мистер Пирсон не предпринял никаких попыток. Не отходя от окна, он наблюдал за мистером Парадайном. Наверняка мистер Пирсон понимал, что тот не будет стоять у парапета вечно, но даже не шелохнулся. У мистера Пирсона отсутствует воображение. Он составил план, но не подозревал, какие чувства одолеют его, когда дело дойдет до претворения замысла в жизнь. У него отнюдь не темперамент убийцы, его психические процессы упорядоченны и сбалансированны. Могу лишь повторить: я не верю, что он убил бы мистера Парадайна.

Со спицы соскользнула последняя петля. Довязанные рейтузы для маленького Роджера легли на колени мисс Сильвер.

— Давайте обсудим более приятные темы, — предложила она. — Вы увезете жену отсюда, мистер Рэй?

— Как только закончится расследование и состоятся похороны.

— Очень разумно с вашей стороны.

Мисс Сильвер повернулась к Марку и Лидии:

— Да будет мне позволено пожелать вам счастья.

— Его нам подарили вы, — ответила Лидия.

Марк добавил:

— Она скоро уйдет со службы и займет здесь место Альберта. А потом, как только все это останется позади, мы поженимся. Я передам дом под госпиталь, санаторий или то, что понадобится властям, а мы переедем в мою квартиру. Для начала вполне достаточно.

Мисс Сильвер спрятала свернутые рейтузы для маленького Роджера в мешочек для рукоделия, вместе со спицами и наполовину уменьшившимся клубком темно-серой шерсти. Встав, она тепло улыбнулась молодым людям и повторила:

— Я желаю вам счастья.

Примечания

1

От англ. River — река.

2

Девушка (фр.).

3

«Вустер» — марка фарфора, который производится в английском городе Вустер с XVIII в.

Table of Contents

[Патриция Вентворт Когда часы пробьют двенадцать](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)